

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (57)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия

Рябов В. В. доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Москва, Россия

Геворкян Е. Н. доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л. доктор социологических наук, доцент, проректор
заместитель председателя по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В. В. доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент
главный редактор РАО, президент МГПУ, Москва, Россия

Омельяничук И. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
заместитель департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
главного редактора Москва, Россия

Андреев И. Л. кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Брэдли Дж. доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США

Васильев Д. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Вишняков Я. В. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Гагжуев Р. Г. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России XIX – начала XX века МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Жангуттин Б. О. доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ
им. Абая, Алматы, Казахстан

Иванов А. А. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

Кириллов В. В. кандидат исторических наук, профессор, директор
Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия

Козловская Г. Е. доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия

Копелев Д. Н. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

- Малышева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории южных и западных славян
МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории древнего мира и средних веков
им. В. Ф. Семёнова МГПУ, Москва, Россия
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
- Орлов С. В.* кандидат экономических наук, доцент,
заместитель председателя Московской городской думы,
заведующий кафедрой истории общественных движений
и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор
научно-методического журнала «Преподавание истории
в школе», Москва, Россия
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент
департамента истории Института гуманитарных наук
МГПУ, Москва, Россия
- Селезнев Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, начальник
департамента методики преподавания социальных
и гуманитарных наук Института гуманитарных наук
МГПУ, Москва, Россия
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель
директора по учебно-методической работе и качеству
образования Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всемирной и отечественной истории
МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Билеуш К. К.</i> Деятельность земского суда в первой четверти XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии)	6
<i>Почекаев Р. Ю.</i> Государство, право и суд Бухарского эмирата в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии»	20
<i>Васильев Д. В.</i> Поземельные отношения в Мургабском государевом имении: случай с йолотанскими сарыками.....	32
<i>Петербургский М. Ю.</i> Распределение политических ссыльных по уездам губерний Европейского Севера России в начале XX в.	48
<i>Пленкин О. И.</i> Конституционно-демократическая партия во Владимирской губернии: организации и численность	65
<i>Аризева А. С.</i> «Удержит ли дракон свое желтое знамя»: русские правые и Синьхайская революция	88
<i>Ермаков В. А.</i> Роль Положения от 14 августа 1881 г. в административной практике Саратовского губернатора П. А. Столыпина	106
<i>Астахов И. Э.</i> Исполнительный комитет и общее собрание духовенства Оренбурга как органы епархиальной власти в 1917 г.	123

Новейшая история России

<i>Долгова А. В.</i> «...Если еще повторится что-нибудь против нашей родины России...»: рапорты управляющих уездами Пермской губернии в период Верховного правителя.....	138
<i>Боголюбов Е. А.</i> Установление уголовного наказания за получение и уплату калыма в Туркменской ССР.....	153
<i>Мох Е. Н.</i> Решение проблемы детского сиротства в период послевоенного восстановления на примере Бобруйска и Бобруйской области (1944–1956).....	168
<i>Тулянов В. А.</i> Русская православная церковь и международное движение сторонников мира в 1949–1953 гг. (по материалам «Журнала Московской Патриархии»).....	179

In memoriam. Памяти Виктора Васильевича Рябова.....	202
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2025, № 1 (57).....	205
Требования к оформлению статей.....	208

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Bileush K. K.* The activities of the Zemsky court in the first quarter of the 19th century (on the example of the St. Petersburg province) 6
- Pochekaev R. Yu.* State, law and court of the Emirate of Bukhara in “The collection of geographical, topographical and statistical material on Asia” 20
- Vasilyev D. V.* Land relations in the Murghab Sovereign’s Estate: the case of the Yolotan Saryks 32
- Peterburgsky M. Yu.* Distribution of political exiles across the uyezds of the European North of Russia’ governorates at the beginning of the 20th century 48
- Plenkin O. I.* Constitutional Democratic Party in Vladimir province: organizations and numbers 65
- Artsueva A. S.* “Will the Dragon hold its yellow banner”: Russian right-wingers and the Xinhai revolution 88
- Ermakov V. A.* The role of the Regulation of August 14, 1881 in the administration of Saratov province during the period of P. A. Stolypin’s activity 106
- Astakhov I. E.* Executive Committee and General Assembly of Clergy of Orenburg as organs of diocesan authority in 1917 123

Modern History of Russia

- Dolgova A. V.* «...If something again happens against our motherland Russia...»: reports of the local Governors of the counties of the Perm province during the period of Kolchak 138
- Bogoliubov E. A.* Establishment of criminal punishment for receiving and paying Kalym in the Turkmen SSR 153
- Mokh E. N.* Solving the problem of child orphanhood in the period of post-war recovery using the example of Bobruisk and Bobruisk region (1944–1955)..... 168
- Tulyanov V. A.* The Russian Orthodox Church and the International Peace Movement (1949–1953) (based on the materials of «The Journal of the Moscow Patriarchate») 179

In memoriam. In memory of Viktor Vasilyevich Ryabov 202

- Authors of the MCU Journal of Historical Studies,**
2025, № 1 (57) 205
- Requirements for the Style of Articles 208

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-6-19

Билеуш Ксения Константиновна

Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

kseniya.yakusheva1983@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3368-7430

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКОГО СУДА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Статья посвящена истории земских судов как одному из важнейших компонентов дворянского сословного самоуправления первой четверти XIX в. Изучение функционирования судебной системы означенного периода позволяет понять причины ее изменения в эпоху Великих реформ, когда была создана судебная система, существующая в тех или иных проявлениях до сегодняшнего дня. Автор на основе тщательного анализа нормативно-правовых актов рассматривает эволюцию законодательства, регулирующего деятельность земских судов. Оно базировалось на системе, созданной во второй половине XVIII в., но в первой четверти XIX в. изменялось правительством под потребности времени. В статье выделены основные проблемы функционирования земских судов, такие как нехватка дворянских заседателей, волокита при решении дел, взаимоотношения с другими инстанциями. На основании архивных документов показана практическая деятельность земских исправников и заседателей, а также отношение к ним различных слоев населения. Земский суд того времени обладал полицейскими функциями, а соответственно, был включен в вертикаль государственной власти. Обязанности земских исправников и заседателей были весьма обширны: они охраняли общественный порядок, выполняли различные хозяйственные полномочия, обеспечивали карантинные меры, решали всевозможные споры. Автор на основе изучения темы приходит к выводу, что задумывавшаяся как привилегия служба по выборам дворянства стала малопривлекательной и тяжелой обязанностью.

© Билеуш К. К., 2025

Ключевые слова: земский суд, земский исправник, дворянский заседатель, дворянское самоуправление, Российская империя.

Для цитирования: Билеуш К. К. Деятельность земского суда в первой четверти XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-6-19>

Original article

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-6-19

Bileush Kseniya K.

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

kseniya.yakusheva1983@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3368-7430

THE ACTIVITIES OF THE ZEMSKY COURT IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE ST. PETERSBURG PROVINCE)

Abstract. The article is devoted to the history of the Zemsky courts as one of the most important components of the noble estate self-government in the first quarter of the 19th century. The study of the functioning of the judicial system of this period allows us to understand the reasons for its change during the Great Reforms, when the judicial system that exists until today was created. The author, based on a thorough analysis of legal acts, examines the evolution of legislation regulating the activities of Zemsky courts. It was based on the system created in the second half of the 18th century, but in the first quarter of the 19th century it was changed by the government to meet the needs of the time. The article highlights the main problems of the functioning of the zemsky courts, such as the lack of noble assessors, volokita in solving cases, and relationships with other institutions. Based on archival documents, the practical activities of the Zemsky ispravnik and assessors, as well as the attitude of various segments of the population towards them, are shown. The Zemsky court of that time had police functions, and, accordingly, was included in the vertical of Government institutions. The duties of Zemsky ispravnik and assessors were very extensive: they protected public order, exercised various economic powers, ensured quarantine measures, and resolved all kinds of conflicts. Based on the study of the subject, the author concludes that the service of electing the nobility, which was conceived as a privilege, became an unattractive and heavy duty.

Keywords: Zemsky court, Zemsky ispravnik, noble assessors, noble self-government, The Russian Empire.

For citation: Bileush K. K. The activities of the Zemsky court in the first quarter of the 19th century (on the example of the St. Petersburg province) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 6–19. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-6-19>

Введение. Дворянское самоуправление занималось не только внутренними сословными делами, но и службой в местных государственных учреждениях. К последним относился и земский суд. Созданный в 1775 г. Учреждением о губерниях, он не терял своей актуальности вплоть до «преобразования полицейского управления в 1862 г.»¹ Изучение деятельности земских судов с последней четверти XVIII в. до реформы Александра II важно для понимания внутренних процессов функционирования судебно-полицейской системы Российской империи в означенный период и позволяет наглядно показать те проблемы, которые будут решаться во второй половине XIX в. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении не только правовой основы, но и практической деятельности земских судов в царствование Александра I. Заявленная проблема рассматривается на примере Санкт-Петербургской губернии, так как в ряде регионов страны действовали особые правила².

Впервые дворянские выборы и учреждения, в которых должности занимали чиновники по выбору дворянства, описал К. И. Арсеньев³, выделив основные функции земского суда: он «печется о благочинии и порядке и надзирает за наблюдением законов и сохранением доброй нравственности»; знакомит с законами и постановлениями правительства жителей уезда; отвечает за исполнение приговоров судов; следит за дорогами и мостами; наблюдает за ценообразованием и торгами; принимает противоэпидемиологические меры; ищет и возвращает беглых, подавляет мятежников⁴. А. А. Романович-Славатинский, опираясь на законодательные источники, описал эволюцию земских судов, которые «Александр I восстановил... как они были при Екатерине II». А. А. Романович-Славатинский справедливо отмечал, что после 1815 г. несовершенство законодательства относительно земских судов привело к растущему числу жалоб на них, одним из следствий которых стала их реорганизация⁵. Правовед А. Д. Градовский⁶ считал, что земские суды могли быть «весьма полезным уездным правительством», однако они «быстро упали и вызвали всеобщие жалобы как со стороны общества, так и со стороны правительства»⁷. Практическую деятельность земских судов А. Д. Градовский не затрагивал.

В. П. Безобразов, рассматривая историю сословных учреждений, в том числе и полицейских, полагал, что самоуправление «не может быть иначе

¹ Романович-Славатинский А. А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного прав. СПб., 1870. С. 447.

² См., напр.: Гуцинский И. Г. Судебная система на территории Беларуси в 1797–1840 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 2. С. 19; Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 28, № 21648; Т. 34, № 26617; Т. 35. № 27612; Т. 38. № 29419; Т. 39. № 30048; Т. 40. № 3046.

³ Начертание статистики Российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 1–2. СПб., 1818–1819.

⁴ Там же. Ч. 2. С. 173.

⁵ Романович-Славатинский А. А. Указ. соч. С. 469.

⁶ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Т. III. Органы местного управления. Ч. 1. СПб., 1883.

⁷ Там же. С. 132–133.

рассматриваемо, как в совокупности с их общим организмом всего государственного управления, в состав которого оно входит как органическая часть единого целого»⁸. К. А. Пажитнов в своей работе о городском и земском самоуправлении утверждал, что власть совершила ошибку: «...вместо того, чтобы подчинить администрацию контролю местных выборных органов, Учреждение о губерниях, наоборот, предоставляет привыкшей к власти и произволу бюрократии право контроля и руководства над молодыми вновь созданными учреждениями»⁹. Барон С. А. Корф, рассматривая дворянское сословное самоуправление, отмечал, что к волоките в учреждениях дворянского самоуправления, включая земские суды, приводил «не простой недостаток людей, а недоброкачественность их»¹⁰.

В советское время историей государственных учреждений занимался Н. П. Ерошкин. Он отмечал, что для полицейских учреждений первой половины XIX в., к каковым он отнес и земский суд, были характерны «грубые и жестокие феодальные приемы управления»¹¹. Н. П. Ерошкин описал состав земского суда и выделил его основную функцию — охрану правопорядка¹².

В современной историографии учреждения дворянского самоуправления, в том числе и деятельность земских судов, исследовали Н. А. Иванова и В. П. Желтова¹³. В. М. Шишкин, изучая губернский Петербург, считал, что земские суды «были низшим административно-полицейским органом в системе губернского управления»¹⁴. О проблемах в изучении истории первой четверти XIX в. писала Л. Ф. Писарькова. Она отмечала фрагментарность в исследованиях, посвященных этому периоду, следствием чего стало рассмотрение преобразований «в отрыве от такой необходимой при изучении российского законодательства составляющей, как степень соответствия замыслов реформаторов условиям политического и социально-экономического развития страны»¹⁵.

Некоторый интерес к дворянскому сословному самоуправлению в Российской империи проявляют и исследователи ближнего зарубежья¹⁶.

⁸ Государство и общество. Управление, самоуправление и судебная власть. Статьи В. П. Безобразова. СПб., 1882. С. VII.

⁹ Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. СПб., 1913. С. 69.

¹⁰ Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 387.

¹¹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 195.

¹² Там же. С. 399.

¹³ Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М., 2010. С. 145–146.

¹⁴ Шишкин В. М. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений. М., 2010. С. 116–117.

¹⁵ Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. С. 11.

¹⁶ Лудич А. Р. Уездный предводитель дворянства в системе местного управления и самоуправления на территории Беларуси (1861–1914) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 1. С. 38–46; Гуцинский И. Г. Указ. соч. С. 19–30.

В целом же следует признать, что историография, посвященная деятельности земских судов в первой четверти XIX в., крайне скудна.

Ход и результаты исследования. Земский суд был создан Учреждением о губерниях 1775 г., а Жалованная грамота дворянству (ЖГД) закрепила за благородным сословием привилегию выбирать на службу в нем чиновников от дворянства. Александр I восстановил нижние земские суды в том виде, в котором они были при Екатерине II¹⁷. Но, как отмечает А. Д. Градовский, «одно дело было восстановить значение жалованных грамот в том виде, в котором они были изданы императрицей Екатериной, и другое — дать им практическое применение сообразное обстоятельствам того времени». Он отмечает, что ЖГД содержала «лишь главные начала организации» дворянских учреждений, была составлена «в слишком общих выражениях» и, соответственно, закон требовал своего развития. По мнению историка, эта «трудная задача... всецело легла на XIX столетие»¹⁸.

Согласно ст. 22 Учреждения о губерниях¹⁹ в каждом уезде или округе создавался нижний земский суд (на три года), состоящий из выборных — земского исправника, или капитана, и 2–3 заседателей в зависимости от размера уезда (ст. 23, 66, 67). Чиновники нижнего земского суда должны были выполнять свои функции, не требуя дополнительной платы ни за проезд, ни за деятельность (ст. 230). В гл. XVII подробно определялись полномочия нижнего земского суда. Их можно разделить на две группы. Первая связана с полицейским управлением: «бдение о благочинии, добронравии и порядке»; право приведения в действие (или отказа в этом) распоряжений губернского правления, решений палат, верхнего земского и уездного судов (ст. 224, 225). Нижние земские суды осуществляли надзор над торговлей запрещенными товарами и их провозом через уезд (ст. 226), контроль за тем, чтобы никто не принимал и не укрывал беглых (ст. 229). Вторая группа полномочий нижнего земского суда связана с его хозяйственными функциями. Это строительство и содержание в надлежащем качестве дорог и мостов (ст. 225), контроль за ценами на хлеб (ст. 227) и другое продовольствие, а также за исправностью мер и весов (ст. 228)²⁰.

Обязанности земского исправника определяла гл. XVIII. Самой важной из них было руководство нижним земским судом, соответственно, все выше-названные задачи суда в равной мере относились и к исправнику (ст. 235, 244). Однако у него была и своя область деятельности, которую также можно разделить на несколько направлений. Во-первых, это политические функции: «бдения» за настроением в губерниях, «дабы никто в противность подданнического долга и послушания, в уезде ничего не предпринял и не учинил» (ст. 237, 242),

¹⁷ Романович-Славатинский А. А. Указ. соч. С. 468–469.

¹⁸ Градовский А. Д. Указ. соч. С. 138.

¹⁹ ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. С. 229–304.

²⁰ Там же. С. 251–252.

а также принятие мер для усмирения виновных (естественно, сообщив об этом губернатору). Во-вторых, земский исправник должен был обеспечить карантинные меры при распространении «прилипчивых болезней» (ст. 238–240) или при падеже скота (ст. 241). В-третьих, функции, связанные с сопровождением и постоем воинских команд, проходящих через уезд (ст. 246–248). В-четвертых, побуждение населения создавать склады с запасами хлеба на случай неурожая (ст. 251). Земский исправник также должен был заботиться о пропитании нищих и убогих, с целью ликвидации попрошайничества (ст. 252). И, наконец, в-пятых, в его обязанности входило принятие мер для предотвращения и тушения пожаров (ст. 249)²¹. Жалованная грамота городам подтвердила статьи Учреждения о губерниях²².

С развитием дворянского сословного самоуправления в царствование Александра I земские суды столкнулись с проблемами организации своей работы: нехватка заседателей, разграничение полномочий и др., следствием чего стало дальнейшее развитие законодательства в этой сфере. Законы о земском суде первой четверти XIX в. можно распределить на две группы: во-первых, это законы, корректирующие его состав и правила деятельности; во-вторых, законы, регламентирующие полномочия земских судов.

Самый важный вопрос был связан с составом земских судов. Об этом свидетельствует множество нормативных актов, направленных на увеличение числа заседателей. В рассматриваемый период было принято 49 постановлений; это 67,6 % от всего комплекса законов, посвященных деятельности земских судов. Половина из них была принята с 1820 по 1825 г. Объяснение этому явлению можно найти в высочайше утвержденном докладе Сената по Санкт-Петербургской губернии от 21 апреля 1803 г. После выборов 1802 г. в земском суде Софийского уезда остались два заседателя сверх положенного штата, которым не выплатили жалование. При разборе дела министр финансов А. И. Васильев обратился к министру внутренних дел с вопросом о целесообразности нахождения еще двух заседателей сверх положенного. По запросу В. П. Кочубея Санкт-Петербургский гражданский губернатор С. С. Кушников пояснил причины такой надобности. Во-первых, через Софийский, Гдовский, Новолодожский и Санкт-Петербургский уезды проходят большие почтовые дороги; во-вторых, это наиболее густозаселенные уезды за счет «проезжих и временно для работ живущих в оных людей»; в-третьих, из-за плотности населения среди прибывших в уезды «случаются дезертиры и бродяги». Два заседателя, положенные по штату, не справлялись со всеми обязанностями. В результате было решено добавить по одному заседателю в упомянутые уезды и выплатить недополученное жалование оставшимся в Софийском уезде заседателям²³. В октябре

²¹ ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. С. 252–256.

²² Там же. Т. 22. № 16187. С. 344–358.

²³ Там же. Т. 27. СПб., 1830. № 20720. С. 547–549.

этого же года был добавлен один заседатель в Лужском уезде²⁴. В следующий раз этот вопрос встал только в 1818 г., когда в Софийском и Ладожском уездах были добавлены еще по одному заседателю²⁵. 21 апреля 1821 г. количество заседателей увеличили также в Гдовском, Лужском, Ораниенбаумском, Ямбургском и Шлиссельбургском уездах²⁶. В конце декабря 1824 г. вопрос о нехватке заседателей земского суда встал и в Санкт-Петербургском уезде. М. А. Милорадович отмечал, что земский исправник и дворянские заседатели либо заняты в других местах, либо в суде, а нужда в охране порядка, надзоре за «людьми худого, развратного или подозрительного поведения и за высылаемыми из столицы» а также за преступниками и подозрительными людьми вокруг Санкт-Петербурга, остается. Для этого все «селения и места, состоящие в известном пространстве вблизи столицы», объединялись в единый участок и передавались заседателю, который назначался в суд «от короны». Ему в помощь назначался один унтер-офицер и два рядовых из жандармской команды Санкт-Петербургской губернии²⁷. Следует упомянуть, что в состав земского суда как органа, решающего споры между крестьянами и дворянами, входили также заседатели от крестьян. По распоряжению Сената от 5 июня 1809 г. в сельские заседатели необходимо было избрать по одному человеку от 500 душ. Они принимали участие в обсуждениях, касающихся их селений²⁸.

Не менее важным был вопрос о взаимоотношениях сословных учреждений между собой, а также институтов дворянского самоуправления и государственных учреждений. По циркуляру В. П. Кочубея от 19 сентября 1802 г. все полицмейстеры, городничие и земские исправники должны были доносить обо всех происшествиях начальникам губерний, а они каждые две недели — министру внутренних дел. Однако 5 мая 1811 г. министр полиции, указав на то, что слухи о важных и неординарных происшествиях доходят до министерства быстрее, нежели официальные данные, издал циркуляр, согласно которому обо всех важных и «необыкновенных» делах полицмейстеры, городничие и земские исправники должны были рапортовать напрямую министру полиции. В случае сомнений в степени важности происшествия следовало рапортовать о нем как о важном. В результате министерство было завалено перепиской²⁹, поэтому 28 ноября 1819 г. министр внутренних дел запретил прямую переписку с министерством, вернув порядок 1802 г.³⁰

Принимались решения, чтобы упростить взаимодействие между уездными судебными и земскими полицейскими органами различных губерний. 28 декабря 1821 г. было утверждено мнение Госсовета о том, чтобы судебные

²⁴ ПСЗ-I. Т. 27. СПб., 1830. № 21022. С. 965–966.

²⁵ Там же. Т. 35. № 27529. С. 561.

²⁶ Там же. Т. 37. № 28615. С. 71–72.

²⁷ Там же. Т. 39. № 30165. С. 660–661.

²⁸ Там же. Т. 30. № 23686. С. 996–997.

²⁹ Там же. Т. 31. № 24623а. С. 646–647.

³⁰ Там же. Т. 36. № 28003. С. 398–399.

и полицейские инстанции различных губерний взаимодействовали между собой напрямую, без посредничества губернских правлений, дабы избежать проволочек³¹.

Базовые функции земских судов и исправников, определенные в Учреждении о губерниях, в первой четверти XIX в. постоянно пополнялись по мере необходимости привлечения их членов к различного рода деятельности.

Земские суды следили за порядком прохода войск и оказывали помощь в расквартировании проходящим через губернию воинским частям³². Воинские команды должны были заблаговременно извещать земскую полицию о своем движении³³. В 1812 г. директор 2-го кадетского корпуса генерал-лейтенант А. А. Клейнмихель отмечал заботу земского исправника Ф. И. Франкена о благополучном проходе воинских подвод и попечение о безостановочном отправлении воинских команд, проходящих через Санкт-Петербургский уезд³⁴. Члены земских судов, в случае нехватки дворянских чиновников, также должны были сопровождать рекрутские партии до границ губернии для предотвращения побегов рекрутов³⁵, поимка которых была задачей земской полиции, а земские исправники должны были отчитываться о них перед начальниками губерний. В 1807 г. земский исправник Новоладожского уезда С. В. Шамшев рапортовал о вернувшемся домой рекруте И. Иванове³⁶. Земские суды рассматривали также и дела о членовредительстве нежелающих идти в рекруты³⁷. Постановление 1813 г. привело к тому, что при объявлении манифеста об очередном рекрутском наборе земские исправники и уездные стряпчие отправились в селения государственных крестьян, «осматривали очередные семейства и наряжали поселян для отдачи в рекруты». Сенат счел это незаконным и обременительным для поселян и признал необходимым убрать влияние чиновников земских судов на назначение рекрутов, оставляя лишь право наблюдения за своевременной их поставкой³⁸.

Земские суды отвечали и за содержание «колодочников» до вынесения им приговора, проводили первоначальное следствие по уголовным делам и доставляли его материалы вместе с задержанными в уездные суды для окончательного решения дела³⁹.

Но все же главной функцией земских судов было обеспечение общественного порядка и безопасности в уездах. Об этом свидетельствуют как наградные списки, так и дела, связанные с жалобами на земские суды и исправников.

³¹ ПСЗ-И. Т. 37. № 28851. С. 976–977.

³² Там же. Т. 26. № 19951. С. 722–728.

³³ Там же. Т. 28. № 21324. С. 365; № 21946. С. 1290–1291.

³⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 2. Д. 14. Л. 1 об.

³⁵ ПСЗ-И. Т. 31. № 24215. С. 171–172; Т. 32. № 25477. С. 664–683.

³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2154. Оп. 1. Д. 6. Л. 360.

³⁷ ПСЗ-И. Т. 32. № 25479. С. 684–686.

³⁸ Там же. Т. 40. № 30263. С. 112–113.

³⁹ Там же. Т. 27. № 20521а. С. 15–16.

В 1812 г. был награжден земский исправник Ф. И. Франкен. Он поймал артельщика Михайлу Прокофьева, бежавшего с деньгами рижского купца Вельцина. Ф. И. Франкен, получив сообщение о происшествии, сразу принял меры, в результате которых беглец был пойман через несколько часов после появления его в уезде. Помимо этого, за год служения Ф. И. Франкена в должности земского исправника «многие преступники и бродяги переловлены»⁴⁰. В 1820 г. встал вопрос о том, должны ли служащие земских судов преследовать преступников за пределами своего уезда. 25 октября 1820 г. Сенат ответил утвердительно, разрешив прекращать преследование преступника только при подключении чиновников другого уезда⁴¹.

Земский суд боролся с корчемством, т. е. с нелегальным производством и сбытом хлебного вина (водки). Поимка корчемников была сложным и рискованным занятием, не всегда эффективным, так как чиновники могли находиться далеко от места совершения этого преступления. Поэтому предлагалось включить в земские суды особых заседателей, которые бы ведали борьбой с корчемством. Сенат велел начальникам расквартированных неподалеку войск предоставлять команду для поимки корчемников, иначе земская полиция не могла с ними справиться⁴².

Остро стояла проблема незаконной вырубке лесов. Следствие по этим делам должно было производиться земскими судами совместно с лесными чиновниками. Земский суд часто откладывал следствие по этим делам, несмотря на неоднократные обращения чиновников лесного ведомства. Чтобы игнорирования проблемы «самовольных порубок» не было, Сенат 4 июля 1812 г. предписал фиксировать в журналах земского суда факты этих обращений⁴³.

Весьма ярко иллюстрирует практическую деятельность земского суда и отношение к нему со стороны населения конфликт, разгоревшийся весной 1922 г. в деревне Черная. 7 мая 1822 г. уездному предводителю Царскосельского дворянства К. К. Родофиникину поступила жалоба на заседателя земского суда А. К. Крузе, который избил и связал старосту деревни Черной, принадлежащей жене племянника министра финансов, помещице Савеловой⁴⁴. К. К. Родофиникин отправил запрос земскому исправнику этого суда С. Т. Кулагину с просьбой разобраться в ситуации⁴⁵. Последний докладывал, что еще 7 апреля А. К. Крузе сообщил об оспе в деревне Черной, от которой умерло несколько детей. Для прекращения эпидемии в деревню был отправлен штаб-лекарь. Он передал старосте М. Кононову распоряжение земского суда отобрать всех здоровых детей и привить им коровью оспу, дабы тем самым спасти их. М. Кононов распоряжения не выполнил и, кроме того, не дал чиновникам свежих лошадей, сославшись

⁴⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1812 г. Д. 14. Л. 1.

⁴¹ ПСЗ-1. Т. 37. № 28446. С. 480–481.

⁴² Там же. Т. 32. № 24949. С. 8–10; Т. 39. № 30067. С. 539–542.

⁴³ Там же. № 25175. С. 387–388.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 693. Л. 1, 3.

⁴⁵ Там же. Л. 3–3 об.

на свои неотложные дела. А. К. Крузе также интересовался, почему жителям деревни разрешалось хоронить детей без отпевания и почему староста скрывал положение дел от земского суда, на что последний дерзко ответил: «До этого суду и дела нет». Заседатель тогда припомнил, что староста не выполнил распоряжение, полученное еще в марте, и не «исправил дорогу и мосты по дороге находящиеся», и объявил, что староста предан будет суду. После этого между А. К. Крузе и М. Кононовым началась перепалка, окончившаяся тем, что староста был связан для препровождения в земский суд. После этого земский заседатель поручил писарю созвать сход, на котором следовало объявить приказ о починке дорог и выбрать нового старосту, сам же со штаб-лекарем на утомленных лошадях отправились дальше.

В обязанности земского исправника входило следить за регулярностью и честностью выборов волостных голов и писарей. Чиновник отчитывался перед губернским правлением о сроках, на которые избраны волостные головы, об отслуживших в сельской администрации два года без переизбрания, о необходимости новых выборов и об их итогах. Земский исправник помогал крестьянам «понудить» волостных голов предоставлять отчеты об их деятельности, на основании которых он отчитывался перед губернским правлением. У каждого крестьянина, недовольного выбором, было право в течение четырех недель пожаловаться в земский суд. Земские исправники предоставляли в губернское правление подробный отчет о статях ежегодных «общественных складок», определяли ее максимальный размер⁴⁶.

Земский суд рассматривал многочисленные споры между помещиками-соседями, между помещиками и их крестьянами или между крепостными и казенными крестьянами. В 1822 г. в Шлиссельбургском уезде произошел конфликт, в который оказались втянуты помещица А. В. Смирнова, ее сосед-помещик О. В. Пальмов, казенные крестьяне села Путилово и земский исправник А. П. Антонов.

Казенные крестьяне села Путилово, в котором имелись так называемые плитные ломки (каменоломня), выламывали плиту, обтесывали ее и продавали купцам и иным промышленникам, «кои сих нанимают из того же села Путилова работников». Крестьяне помещицы А. В. Смирновой подрядились «возить на Ладужский канал плиту из одной части [каменоломни], находящейся на земле путиловцам принадлежащей», которая размещалась в 100 саженьях от староладужской дороги. Помимо прочего, крестьяне А. В. Смирновой брали за провоз камня на 10 копеек меньше, чем путиловцы. В результате казенные крестьяне запретили помещичьим возить камень по староладужской дороге, а однажды и вовсе остановили возы и скинули с них плиту. Обе стороны: и путиловцы, и А. В. Смирнова с ее крестьянами в лице старосты — пожаловались исправнику А. П. Антонову⁴⁷. Кроме того, заявляла помещица, ее сосед О. В. Пальмов

⁴⁶ ПСЗ-І. Т. 34. № 26819. С. 229–232.

⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 1593. Л. 7–8 об.

якобы «насилыно завладел сенокосною землею, о чем в Шлиссельбургском уездном суде производится дело, не дожидаясь решения скашивает с той земли сено и увозит к себе», что вызвало неудовольствие помещицы. А. В. Смирнова также обвиняла соседа в науськивании упомянутых путиловцев на ее крестьян⁴⁸. Так как исправник А. П. Антонов не принял, по мнению помещицы, должных мер, то она пожаловалась на него губернскому предводителю дворянства, который переадресовал жалобу предводителю дворянства Шлиссельбургского уезда А. Я. Дубянскому. А. В. Смирнова обвиняла А. П. Антонова «в потворстве его к обидчикам и в неказании защиты моим крестьянам». Судя по всему, у помещицы к земскому исправнику были давние претензии, так как она писала А. Я. Дубянскому, «что всякий год я жаловалась на капитан-исправника и Вам»⁴⁹. Уездный предводитель не нашел оснований для обвинения ни путиловцев, ни О. В. Пальмова, ни земского исправника. Однако А. В. Смирнова не унималась и написала А. В. Дубянскому, что «г. капитан-исправник велел Пальмову рубить» ее лес будто бы по приказу самого уездного предводителя, между делом упоминая имя губернского предводителя дворянства А. Л. Нарышкина, к которому она пока не едет⁵⁰. Затем неугомонная помещица посылает еще одно письмо А. Я. Дубянскому с жалобой на А. П. Антонова, который, по ее мнению, берет взятки — «с путиловцев две баржи плиты взял, с Пальмова дровами»⁵¹. А. Я. Дубянский, устав от бесконечных жалоб, переслал прошение губернскому правлению⁵². Неизвестно, кто в этой истории прав, а кто виноват, но А. П. Антонов, выбранный в 1819 г. шлиссельбургским дворянством в земские исправники, прослужил в этой нервной и незавидной должности два полных трехлетия — до 1825 г.

Губернии должны были исполнять различные земские повинности: содержать дороги, ямские станции, отправлять почтовые повинности. Для проведения предварительных торгов необходимо было являться в казенные палаты, в которых заключались контракты. Проведение первых двух торгов ложилось на земский суд и уездного предводителя⁵³. Смотреть при прогоне рогатого скота за тем, чтобы не было упущений и воровства также должны были чиновники земского суда⁵⁴. Они во главе с исправниками следили за сельскими складами⁵⁵.

В 1822 г. возник спор крепостных крестьян из деревни Черная Речка Царскосельского уезда со своим помещиком А. Штегельманом. Крестьяне заявили земской полиции, что у них не осталось хлеба, а помещик их беду игнорирует⁵⁶,

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 1593.. Л. 4–4 об.

⁴⁹ Там же. Л. 4 об.

⁵⁰ Там же. Л. 9.

⁵¹ Там же. Л. 10.

⁵² Там же. Л. 11.

⁵³ ПСЗ-І. Т. 31. № 24167. С. 101.

⁵⁴ Там же. Т. 32. № 25739. С. 1092.

⁵⁵ Там же. Т. 27. № 20321. С. 190.

⁵⁶ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 696. Л. 1.

и просили у земского исправника С. Т. Кулагина защиты и пособия. Исправник нашел жалобу справедливой и сообщил о ней уездному предводителю дворянства К. К. Родофиникину. Последний попросил помещика принять меры по обеспечению крестьян продовольствием, о чем после отчитаться⁵⁷. Помещик резко ответил, что крестьяне ему не жаловались, что он повелел им «доставить себе пропитание трудами, где только возможно», и не верит, что его крестьянам не на что купить себе хлеба. А. Штегельман сообщил также, что его крестьяне разграбили сельский запасный магазин, о чем помещик доносил⁵⁸. К. К. Родофиникин поручил С. Т. Кулагину разобраться с историей разграбления складов. Исправник рапортовал, что захват склада стал свидетельством крайней нужды крестьян. Помещику А. Штегельману еще раз было предписано обеспечить продовольствием крестьян⁵⁹. Необходимо отметить, что сам земский исправник С. Т. Кулагин принадлежал к однодворцам, т. е. дворянином не был, хотя и служил в должности, замещаемой по выбору дворянства⁶⁰. Возможно, это одно из объяснений его заботы о бедствующих крестьянах.

Земские суды не справлялись с потоком дел, и 14 ноября 1809 г., накануне очередных выборов, встал вопрос о том, кто будет заканчивать незавершенные дела. Было решено из прежних чиновников составить временные земские суды для завершения дел. Они отделялись от регулярных судов, в которых служили вновь избранные чиновники⁶¹. Этот вопрос поднимался и в 1811 г.⁶², и в 1812 г.⁶³ Проволочки в решении дел, а также значительные финансовые траты на содержание временных уездных и земских судов вызвали негодование министра юстиции Д. П. Троицкого. 14 декабря 1814 г. по его предложению Сенат издал указ «О прекращении действия временных уездных и нижних земских судов», предусматривающий закрытие временных земских судов и передачу их дел в постоянно действующие, «ибо предмет оных составляют дела полицейские, кои не могут оставаться нерешенными». При этом оплату труда канцелярских чиновников этих судов предлагалось прекратить с 1 сентября⁶⁴.

Проблему передачи дел старым составам судов окончательно разрешил Сенат 29 апреля 1823 г. после выступления в нем генерал-губернатора Рязанского округа А. Д. Балашева. Он отметил, что при избрании новых чиновников в земские суды к ним переходит множество неоконченных дел, а также взыскания, долги и недоимки по рекрутам. В связи с этим он предлагал 1) при сдаче дел составлять аккуратные ведомости всем делам, а до полной передачи дел бывшие заседатели не могли покидать свои места; 2) бывшие заседатели

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 696. Л. 2–2 об.

⁵⁸ Там же. Л. 3–3 об.

⁵⁹ Там же. Л. 6–6 об.

⁶⁰ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 4946. Л. 26.

⁶¹ ПСЗ-І. Т. 30. № 23981. С. 1268–1270.

⁶² Там же. Т. 31. № 24536. С. 562–563.

⁶³ Там же. Т. 32. № 25192. С. 398–399.

⁶⁴ Там же. № 25749. С. 1098.

должны закончить все старые, оставленные без внимания, и незавершенные дела. Сенат постановил разослать это решение по всем губерниям к исполнению⁶⁵.

В мае 1824 г. некоторые губернаторы поставили вопрос о том, должны ли прежние земские заседатели участвовать в сборе недоимок или этим будут заниматься новоизбранные заседатели: в первом случае прежние и новые заседатели будут требовать недоимки и новые сборы одновременно, что тяжело для плательщиков; во втором случае возникнет «напрасная переписка», что отяготит новых заседателей. Комитет министров решил, что незавершенные дела прежние заседатели будут оформлять только в письменном виде, а сбор недоимок, как и взыскание текущих податей, возложили на новых членов земских судов⁶⁶.

В силу большой перегруженности земских судов в течение первой четверти XIX в. некоторые обязанности с них были сняты. Например, в 1805 г. передача ведомостей о ценах на хлеб и фураж в провиантскую экспедицию перешла к гражданским губернаторам и губернским правлениям⁶⁷.

Заключение. Таким образом, на земские суды возлагались полицейские функции, связанные с поимкой преступников, дезертиров, охраной общественного порядка; они следили за своевременной поставкой рекрутов; им принадлежал надзор за благоустройством уездов: исправностью дорог, мостов, переправ, состоянием сельских запасных магазинов (складов); а также посреднические функции. Именно чиновники земских судов разрешали конфликты между казенными и частновладельческими крестьянами, между крестьянами и помещиками, защищали крепостных крестьян от помещичьего произвола. Они проводили в жизнь противозидемиологические меры, устанавливали карантин и побуждали крестьян к оспопрививанию. На чиновников земских судов возлагалась обязанность по организации различных мероприятий, которые необходимо было провести здесь и сейчас. Число земских заседателей в первой четверти XIX в. постоянно увеличивалось в связи с непомерно обширными задачами. Власти сами не до конца понимали, каким образом должны работать земские суды. Об этом свидетельствуют указы, устанавливающие порядок их взаимодействия с государственными учреждениями, в том числе с Министерством внутренних дел. Только к 1819 г. земские суды были встроены в единую структуру исполнительной власти. При этом губернские правления освобождались от посредничества между судами различных уездов и губерний, что уменьшало бюрократические проволочки. Важно отметить и положение чиновников земских судов: на них жаловались, им перечили и не выполняли их требования. Это не придавало привлекательности службе в земском суде для дворян. История земских судов первой четверти XIX в. отражает существовавший парадокс в системе дворянского самоуправления: дворянские привилегии обернулись нудной, скучной, а иногда

⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 38. № 29438. С. 939–941.

⁶⁶ Там же. Т. 39. № 29926. С. 331–332.

⁶⁷ Там же. Т. 28. № 21692. С. 928–929.

тяжелой и даже опасной работой. Дворяне, соответственно, не спешили воспользоваться этими привилегиями, а это, в свою очередь, способствовало тому, что дворянские должности стали занимать однодворцы.

Литература

1. Гушчынскі І. Г. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. = Судебная система на территории Беларуси в 1797–1840 гг. // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя = Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 2. С. 19–30. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-19-30>
2. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
3. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
4. Лудзіч А. Р. Паятовы прадвадзіцель дваранства ў сістэме мясцовага кіравання і самакіравання на тэрыторыі Беларусі (1861–1914) = Уездный предводитель дворянства в системе местного управления и самоуправления на территории Беларуси (1861–1914) // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя = Журнал Белорусского государственного университета. История. 2020. № 1. С. 38–46. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-38-46>
5. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.
6. Шишкин В. М. Петербург губернский. Из истории местных государственных учреждений. М.: Центрполиграф, 2010. 317 с.

References

1. Hushchynski I. H. Sudebnaia sistema na territorii Belarusi v 1797–1840 gg. [The judicial system in the territory of Belarus in 1797–1840] // Journal of the Belarusian State University. History. 2020. № 2. P. 19–30. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-2-19-30> (In Belarusian).
2. Eroshkin N. P. Istoriia gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevoliutsionnoi Rossii [The history of state institutions of the pre-revolutionary Russia]. Moscow: RGGU, 2008. 710 p. (In Russ.).
3. Ivanova N. A., Zheltova V. P. Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka) [The class society of the Russian Empire (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 741 p. (In Russ.).
4. Ludich A. R. Uezdnyi predvoditel' dvorianstva v sisteme mestnogo upravleniia i samoupravleniia na territorii Belarusi (1861–1914) [County marshal of nobility in the system of local government and self-government in Belarus (1861–1914)] // Journal of the Belarusian State University. History. 2020. № 1. P. 38–46. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2020-1-38-46> (In Belarusian).
5. Pisarkova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie [State administration of Russia in the first quarter of the 19th century: plans, projects, implementation]. Moscow: Novyi khronograf, 2012. 448 p. (In Russ.).
6. Shishkin V. M. Peterburg gubernskii. Iz istorii mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii [Provincial Petersburg. From the history of local state institutions]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 317 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-20-31

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

**ГОСУДАРСТВО, ПРАВО
И СУД БУХАРСКОГО ЭМИРАТА
В «СБОРНИКЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ТОПОГРАФИЧЕСКИХ И СТАТИСТИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ ПО АЗИИ»**

Аннотация. В статье анализируются сведения о Бухарском эмирате эпохи российского протектората, опубликованные в отчетах и статьях, вошедших в ценный и незаслуженно малоиспользуемый источник по истории азиатской политики Российской империи — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшийся в конце XIX – начале XX в. для служебного пользования. Авторы публикаций, лично побывавшие в Бухаре в рассматриваемый период, дают характеристики государственного устройства, налоговой системы, правового регулирования ряда сфер правоотношений, судебного процесса. Несмотря на то что сбор и анализ именно этих сведений не являлся их приоритетной задачей, поскольку таковой была военная разведка, их информация представляется весьма важной для расширения нашего представления о политико-правовом развитии Бухары в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Российская империя, Бухарский эмират, протекторат, традиционное право и суд, записки путешественников, военное востоковедение.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Государство, право и суд Бухарского эмирата в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 20–31. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-20-31>

Original article

UDC 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-20-31

Pochekaev Roman Yu.

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
National Research University Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru; ORCID: 0000-0002-4192-3528

**STATE, LAW AND COURT
OF THE EMIRATE OF BUKHARA
IN “THE COLLECTION OF GEOGRAPHICAL,
TOPOGRAPHICAL AND STATISTICAL
MATERIAL ON ASIA”**

Abstract. The article is an analysis of the information on the Emirate of Bukhara under the Russian protectorate fixed in reports and articles included into the valuable, but not widely used source on the Asiatic policy of the Russian Empire — “The collection of geographical, topographical and statistical material on Asia” published at the end of 19th – beginning of 20th c. as a series of classified publications. Authors of publications, who visited Bukhara themselves, give characteristics of state structure, taxation system, legal regulation of different area including the court and procedure. This information substantially supplied our knowledge about Asiatic states, regions and peoples from other historical sources. No doubts, gathering such information was not a priority task of the authors of publications included into “The collection”, but it seems to be of great importance to widen our idea of political and legal development of the Emirate of Bukhara during the studied period.

Keywords: Russian Empire, Emirate of Bukhara, protectorate, traditional law and court, travelers’ notes, military oriental studies.

Acknowledgments: the study was supported by grant № 23-18-00268 from the Russian Science Foundation, project “Justice in the security system and integration processes of peripheral regions of the Russian Empire (18th – early 20th century)”, <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, implemented at the National Research University Higher School of Economics.

For citation: Pochekaev R. Yu. State, law and court of the Emirate of Bukhara in “The Collection of Geographical, Topographical and Statistical Material on Asia” // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 20–31. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-20-31>

Введение. В 1868 г. Бухарский эмират оказался под протекторатом Российской империи, что существенно увеличило заинтересованность российских политических, военных и торговых кругов в укреплении позиций России в Среднеазиатском регионе. Для изучения ситуации по распоряжению имперских властей и по собственной инициативе

в эмират и сопредельные страны и регионы направлялось большое число дипломатических представителей, военных разведчиков, торговцев, журналистов и т. д. Результатом их поездок нередко становилась публикация дневников, путевых записок, статей, отчетов о различных сторонах жизни Бухары, включая и такую специфическую сферу, как правовая.

Многие из этих текстов были опубликованы и уже неоднократно служили источником сведений для исследователей истории российской политики в Средней Азии. Однако до сих пор специалисты уделяли довольно мало внимания такой разновидности этих источников, как официальные отчеты и аналитические материалы (записки и статьи) военных разведчиков, подготовленные по итогам их поездок с соответствующими целями в Бухару.

Ряд таких публикаций вошел в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», который издавался Военно-статистическим отделом Главного управления Генерального штаба с 1883 по 1914 г. под грифом «Секретно». За это время было выпущено 87 томов и 9 добавлений, которые к настоящему времени имеются в открытом доступе, но, насколько можно судить, до сих пор не были в достаточной степени оценены как источник по истории ряда стран Центральной Азии. В это многотомное собрание вошли официальные отчеты и аналитические статьи российских военных разведчиков, которые лично посетили те страны и регионы, которые находились в сфере политических, военных и экономических интересов Российской империи, с целью получения информации, значимой для Военного министерства. Среди них имеется определенное количество и таких материалов, в которых нашли отражение интересующие нас сведения о правовых реалиях Бухарского эмирата.

Безусловно, большинство авторов упомянутых публикаций не ставили целью сбор информации о государстве и праве нового русского протектората. Они сосредоточивались на получении совершенно иных сведений: о климате, рельефе, транспортных путях и переправах, расстоянии между населенными пунктами и возможностях снабжения войск продовольствием и водой при перемещении по изучаемым территориям и т. д.

Тем не менее некоторые авторы уделяли внимание и другим вопросам, позволяющим сформировать представление о ситуации в Бухарском эмирате, дав общую характеристику основ его государственного и административно-территориального устройства, некоторых сфер правового регулирования, включая, в частности, налоговую и судебную системы. Эта информация может существенно расширить наши представления о правовых реалиях Бухары в эпоху российского протектората.

Во-первых, авторы анализируемых текстов лично побывали на территории эмирата и, таким образом, получили информацию из первых рук¹. Во-вторых,

¹ Исключение составляют работы А. С. Галкина и Д. А. Пославского, которые, помимо собственных наблюдений, ссылались и на другие источники, которые сами же указывают в начале своих работ, см.: *Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк района*

они составляли официальные отчеты по итогам поездок для своего руководства и, соответственно, включали в них наиболее достоверную информацию, какую могли получить. В-третьих, авторы побывали в разных регионах Бухарского эмирата², так что их данные позволяют выявить особенности политического и правового положения отдельных бекств в этом государстве.

В рамках исследования были проанализированы сведения капитана Архипова, побывавшего в равнинной Бухаре в 1883 г.; П. П. Матвеева, не единожды приезжавшего в Бухару в 1884–1887 гг.; И. Т. Пославского, совершившего разведывательно-дипломатическую миссию в Бухару в 1886 г.; М. Д. Евреинова, побывавшего в Бухарском эмирате в 1887 г.; Н. Н. Белявского, Ф. Н. Васильева, А. С. Галкина, Г. Г. Лилиенталя, А. С. Стеткевича и полковника Федорова, посетивших различные области эмирата в 1889 г.³ Именно в их записках нам удалось обнаружить весьма интересные сведения об особенностях государственного устройства и правового регулирования в Бухарском эмирате в период его пребывания под российским протекторатом.

Представляют ли эти сведения нечто «постороннее» в отчетах военных разведчиков, которых, как уже отмечалось, интересовали совершенно иные вопросы? Полагаем, что нет, поскольку информация о положении Бухарского эмирата и его отдельных бекств достаточно логично включена в тексты, составленные военными специалистами и, таким образом, дополняет основные сведения, сбором которых и занимались авторы отчетов. Знание текущей ситуации в регионе, через который мог пролегать в случае необходимости путь российских войск, позволяло оценить возможности снабжения солдат силами этого региона, предоставления рабочих рук или транспортных средств и т. д. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание и широкий кругозор самих военных специалистов, которые порой выходили за рамки поставленных начальством задач и включали в отчеты сведения, интересные не только для военного командования, но и для других читателей, в первую очередь ученых, поскольку ряд упомянутых авторов с полным основанием может быть отнесен к военным востоковедам, известным и в научных кругах.

поездки офицеров генерального штаба Туркестанского военного округа в 1889 г. в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее — СГТСМА). Вып. LVII. СПб., 1894. С. 1; *Пославский [И. Т.] Бухара* // СГТСМА. Вып. XLVII. СПб., 1891. С. 1.

² В рамках настоящего исследования анализировались сообщения военных специалистов, побывавших в центральных областях Бухарского эмирата, так как сведения авторов «Сборника...» о ряде областей так называемой Горной Бухары и Западного Памира, также входивших в состав эмирата, но отличавшихся значительной политико-правовой спецификой, представляют собой предмет самостоятельного исследования.

³ Эти авторы, наряду с другими российскими разведчиками и исследователями Центральной Азии, представляют собой феномен, получивший в современной российской науке название «военное востоковедение», см. подробнее: *Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь*. М., 2005; *Колесников А. А. Русские военные исследователи Азии*. Душанбе, 1997.

Ход и результаты исследования. Поскольку большинство авторов проанализированных записок, как уже отмечалось, совершали поездки по различным регионам эмирата, статус центральных властей Бухары не был ими проанализирован достаточно подробно. Тем не менее они отмечают некоторые интересные детали об эмире и центральном аппарате управления.

Так, А. С. Галкин упоминает, что эмир управляет Бухарой «на основании постановлений шариата и законов обычного права»⁴, т. е. в полной мере учитывает особенности политико-правового устройства эмирата, которое регулировалось отнюдь не только нормами шариата, но и сохраняющимися правовыми обычаями и традициями домусульманского периода (адат). Впрочем, по сообщению М. Д. Евреинова, власть эмира «ограничивается каноническим мусульманским правом»⁵: надо полагать, этот исследователь опирался лишь на сообщения представителей местного населения, в глазах которых их повелитель являлся образцом мусульманского благочестия.

Эмир Музаффар (1860–1885), в отличие от своего сына и наследника Абдул-Ахада (1885–1910), предпочитавшего проводить время в г. Кермине, активно посещал свои владения. Так, согласно сообщению капитана Архипова, он пробыл в г. Шааре целый год, что повлекло значительное развитие городской торговли⁶.

Правитель эмирата являлся также высшим судьей: он выносил приговоры за государственные преступления — региональные правители по таким делам вершить суд не имели права⁷. Как отмечает М. Д. Евреинов, практически любое лицо могло пожаловаться эмиру, «доступ к которому незатруднителен», на злоупотребления беков, которых он также судил за их должностные преступления⁸. Помимо эмира высшей судебной инстанцией в Бухаре являлось собрание наиболее авторитетных казиев, которое, как сообщает И. Т. Пославский, пышно именовалось «высокое судилище могущественной и благородной Бухары»⁹.

Гораздо более подробно авторы записок характеризуют региональные власти, поскольку они имели возможность напрямую общаться с их представителями во время своих рекогносцировок по тому или иному бекству. В административном отношении Бухарскому эмирату была свойственна динамичность: в зависимости от отношения к тому или иному наместнику эмир

⁴ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

⁵ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши // СГТСМА. Вып. XXXVI. СПб., 1888. С. 128.

⁶ [Архипов]. Военная рекогносцировка равниной части Бухарского ханства, произведенная в 1883 г. г.-ш. капитаном Архиповым // СГТСМА. Вып. X. СПб., 1884. С. 174.

⁷ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27.

⁸ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 128. Впрочем, надо полагать, что «незатруднительный доступ» к суду эмира объясняется не его демократизмом, а лишь тем, что с его помощью монарх мог лучше контролировать региональных наместников.

⁹ Пославский [И. Т.] Указ. соч. С. 79.

мог менять границы бекства, произвольно включая в его состав те или иные селения, бесцеремонно изымая их из ведения соседних беков¹⁰.

Беки назначались лично эмиром. При этом в самых больших и стратегически важных бекствах — Шаарском, Гиссарском и Каршинском — заместниками становились либо родственники эмира, либо его самые доверенные приближенные¹¹. При этом эмир больше доверия демонстрировал именно последним, поскольку они зависели от него в большей степени, чем члены его собственного семейства. Так, при эмире Музаффаре гиссарским беком был его старший сын Тура-джан, который после воцарения эмира Абдул-Ахада был смещен по обвинению в жестоком обращении с местным населением и посажен под домашний арест в Бухаре, а новым беком стал влиятельный сановник Астанакул-аталык¹².

Беки являлись фактически независимыми правителями, власть которых практически никем не контролировалась. И хотя, как уже упоминалось, любой житель эмирата имел возможность пожаловаться монарху на злоупотребления бека, на деле это случалось крайне редко, и заместники пользовались доверием и покровительством эмира. Скорее исключением выглядело суровое наказание кабадианского бека, которого эмир Музаффар в начале 1880-х гг. сместил, повелел заковать в цепи и посадить в яму за грабежи и притеснение местного населения. Таким образом, последнее предпочитало жаловаться не собственным властям, а представителям российской администрации, пребывавшим на территории эмирата: после этого заместники начинали более осторожно относиться к жителям, заявляя, что это «люди дикие и их раздражать не следует»¹³.

Подобно тому как эмир назначал беков, сами они назначали амлякдаров — заместников мелких административно-территориальных единиц, включавших по несколько селений. Амлякдары должны были собирать подати и обеспечивать порядок в своих владениях¹⁴. И в данном случае на должности, как правило, назначались родственники и ближайшие сподвижники беков, в зависимости от отношения которого амлякдарства могли быть больше или меньше. Некоторые из них насчитывали около 1600 жителей, другие — до 3000¹⁵. Впрочем, на количество и размер амлякдарств могли влиять и другие факторы. Так, в Каракульском бекстве до установления российского протектората над Бухарой их было двенадцать, а к началу 1880-х гг. осталось всего четыре из-за запустения территорий и снижения доходов населения по причине того,

¹⁰ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

¹¹ Там же. С. 27.

¹² Стеткевич [А. С.] Бассейн Карагаг-дарьи. Военно-статистический очерк 1889 г. // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 257; Лилюенталь [Г. Г.] Гиссарское и Кабадианское бекства // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 314. При этом А. С. Стеткевич отмечает, что при прежних порядках бывшего бека сразу же зарезали бы, но теперь благодаря влиянию России он отделался арестом. Г. Г. Лилюенталь называет Астанакула дядей эмира.

¹³ Лилюенталь [Г. Г.] Указ. соч. С. 314–315.

¹⁴ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27.

¹⁵ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 258; Федоров. Статистический очерк Гузарского бекства и части Келифского // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 159–160.

что вода Зеравшана, ранее питавшая этот регион, стала больше использоваться населением русского Самарканда и его округи¹⁶.

Едва ли не основной обязанностью беков и амлякдаров являлся сбор налогов. Налоги делились на две категории: в казну эмира и в пользу региональных правителей. А. С. Галкин не без оснований сравнивает положение беков со статусом русских воевод допетровского времени, направлявшихся в тот или иной регион на кормление¹⁷. В самом деле, беки не получали жалование и должны были содержать за собственный счет не только себя, но и своих чиновников: амлякдаров, джигитов (телохранителей), аксакалов и др. В результате каждый бек получал вверенный ему регион фактически на откуп: ему следовало направлять в казну эмира определенную сумму деньгами или натурой, а далее он сам определял, сколько ему следует взыскать с местного населения в собственную пользу.

Основными налогами были херадж, танапный сбор и зякет. Херадж (харадж) представлял собой налог с урожая, формально составлявший от 1/10 до 1/5 от собранного зерна, но фактически нередко существенно превышавший эту ставку, естественно в пользу бека и его чиновников. Например, в Шаарском бекстве, как сообщает капитан Архипов, херадж составлял до 1/3, а в Келифском — 1/8. В Гузарском же бекстве ставка хераджа зависела от давности владения землей (к сожалению, конкретных условий исследователь не уточняет)¹⁸.

Танапный сбор определялся уже в зависимости не от урожая, а от площади земельного участка плательщика. При этом его ставка различалась в зависимости от вида облагаемой продукции. Так, за дыни платилось 20 таньга с 30 танапов, за садовые фрукты — 18–20 таньга с 1 танапа, за клевер — 6 таньга с одного танапа и т. д.¹⁹

Зякет представлял собой своего рода налог на доходы физических лиц и составлял 1/40 часть с урожая, прироста скота, и в особенности с проданных товаров. И хотя считалось, что этот налог должен был идти на благотворительные цели, фактически он составлял значительный источник доходов беков и эмира. Особенно строго регулировался сбор зякета с торговцев, шедший непосредственно в эмирскую казну; его контролировал лично кушбеги — первый министр эмира²⁰.

Что касается зякета с других доходов, то предоставление права его собирать стало для эмира еще одним средством продемонстрировать покровительство тому или иному беку: если наместник находился в милости, монарх мог передать ему сбор зякета в том или ином амлякдарстве, формально входившем в состав другого бекства. Так, например, в Гузаре зякет собирал бек из Шаара,

¹⁶ [Архипов]. Указ. соч. С. 221.

¹⁷ Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26.

¹⁸ [Архипов]. Указ. соч. С. 177, 182.

¹⁹ Васильев [Ф. Н.] Статистические материалы для описания Бухары. Бекство Ширабадское и часть Байсунского // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 401.

²⁰ [Архипов]. Указ. соч. С. 183; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 128.

а байсунский бек — в Яр-Тепинском амлякдарстве, входившем в состав Яккабагского бекства²¹.

Помимо фиксированных сумм сборов, с каждого бекства эмир также получал таксан-турсук, т. е. подарки, преподносимые ему в знак почтения каждым беком. В зависимости от размеров и благосостояния бекства в подарок включалось определенное число лошадей «с убором», ковров и халатов — чаще всего девять, но по желанию эмира могло составлять и «пять раз по девять», т. е. 45²².

В пользу беков, помимо излишков с основных налогов, шли также сборы за переправы: 1 таньга — с груженной лошади или верблюда, 1/4 таньга — с ишака, 10 таньга — за переправу сотни баранов²³. Кроме того, беки вводили и собственные налоги, шедшие исключительно в их пользу: базар-пул — за продажу крестьянами выращиваемой сельскохозяйственной продукции; диван-пул — вознаграждение сборщикам податей; чабар-пул — на содержание джигитов; бадж — за провоз товаров через границу бекства; десятина — с наследуемого имущества; сбор со свадеб и др.²⁴

Отметим, что разные военные исследователи по-разному оценивают налоговую систему Бухарского эмирата. Так, капитан Архипов полагает, что «по размеру податей, платимых народонаселением, легко определить количество земли», тем самым несколько идеализируя деятельность сборщиков налогов и считая, что они «стеснены шариатом-законом, освященным для каждого мусульманина»²⁵. Другие же авторы гораздо более реалистично оценивают состояние налоговой системы, ярко характеризуя злоупотребления эмирской администрации, чаще всего выражавшиеся в существенном превышении ставок налогов, предусмотренных шариатом или установленных эмиром, присваивании штрафов и даже откровенной конфискации части имущества разбогатевших торговцев²⁶.

Некоторые исследователи упоминают и об ухищрениях самих жителей, чтобы не платить слишком большие налоги. Так, Н. Н. Белявский пишет, что шаарскому беку и его агентам приходилось ездить по своим владениям, где они «стараятся настигнуть стада»²⁷, видимо перегоняемые владельцами

²¹ Белявский [Н. Н.] Описание обрекогносцированного участка, заключающего пройденные пути в пределах Шаар-Сябиз Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 108. См. также: Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 28.

²² [Архипов]. Указ. соч. С. 188; Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 26–27.

²³ [Архипов]. Указ. соч. С. 198, 210; Васильев [Ф. Н.] Указ. соч. С. 400.

²⁴ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 258–259. Любопытно отметить, что сбор «бадж» как разновидность дорожной пошлыны взимался еще в тюрко-монгольских государствах XIV–XVI вв., см. подробнее: Почакаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. Казань, 2022. С. 180–181.

²⁵ [Архипов]. Указ. соч. С. 193, 210.

²⁶ См., напр.: Галкин [А. С.] Краткий военно-статистический очерк... С. 27; Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 259.

²⁷ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 108.

с места на место. А. С. Галкин отмечает, что население скрывает зерно после уборки урожая и о его уровне можно судить лишь по торговым караванам с излишками зерна, которые отправляются на базары в ближайшие города²⁸.

От уплаты налогов освобождалось вакуфное имущество — земли или заведения, доходы от которых по распоряжению (или завещанию) их собственника шли на благотворительные цели. Н. Н. Белявский достаточно подробно описывает Лянгарский вакф, расположенный в Яккабагском бекстве. По его сведениям, этот вакф был учрежден еще в эпоху Тамерлана (1370–1405) в честь его сподвижника Лянгара, признанного святым, и еще в 1880-е гг. продолжал управляться потомками последнего. При этом мутавали (управитель вакфа) назначался лично эмиром, хотя и из представителей упомянутого семейства. Собирать доходы с вакфа мутавали помогали два амлякдара, что отражает высокий уровень его доходности. В обмен на налоговые льготы мутавали и его род были обязаны принимать и обеспечивать всем необходимым паломников, которые шли поклониться святому. Правда, как отмечает автор сведений, это отнюдь не влекло для них существенных расходов, поскольку паломники, в свою очередь, должны были делать пожертвования в знак почитания святого²⁹.

Помимо уплаты налогов, население должно было нести и определенные повинности — чаще всего по строительству и ремонту дорог, переправ и мостов. Однако большинство военных исследователей отмечает, что эта работа практически не ведется: ни региональные власти, ни местные жители не хотят заниматься ею, поскольку состояние дорог для вьючного транспорта в Бухарском эмирате было вполне удовлетворительным, а на арбах они возили товары редко, так что ни в мостах, ни в переправах почти не нуждались³⁰. Ремонтные работы проводились лишь в исключительных случаях. Так, эмир в 1887 г. решил проехать от Бухары до Шаара в коляске и местным жителям пришлось починить дорогу; в том же году по требованию русских властей был починен ряд дорог и мостов, причем впоследствии сами же местные жители были благодарны русским за это³¹.

В связи с этим, пользуясь своим особым статусом в Бухарском эмирате, русские подданные и даже некоторые иностранцы (в частности, французы) стали брать многочисленные подряды на поставку леса для строительных работ. В результате истребление горных рощ в эмирате приобрело такой

²⁸ Галкин [А. С.] Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины // СГТСМА. Вып. LVII. СПб., 1894. С. 374.

²⁹ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 108–109.

³⁰ См., в частности: Галкин [А. С.] Военно-статистический очерк средней и южной части Сурханской долины. С. 381–382; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 117; Федоров. Указ. соч. С. 172.

³¹ Белявский [Н. Н.] Указ. соч. С. 121; Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 117.

массовый характер, что даже российская администрация запретила эту практику своим подданным. Любопытно, что бухарские власти, вслед за российскими, «не совсем понимая его (этого запрета. — *Р. П.*) смысл», стали запрещать выдачу подобных подрядов и в отношении других местностей, где рубка леса не влекла столь тяжелых экологических последствий³².

За преступления в бекствах судили сами беки, шариатские судьи — казии, а за мелкие правонарушения — амлякдары. При этом большинство наказаний составляли штрафы. Правда, И. Т. Пославский упоминает, что за особо тяжкие преступления предусматривалась мучительная смертная казнь. В частности, за прелюбодеяние в Бухаре виновного засовывали в мешок и сбрасывали с башни Катта-Минар; впрочем, сам же исследователь отмечает, что в последнее время эта казнь практиковалась все реже и реже, но не «по причине смягчения нравов»³³, а всего лишь потому, что слишком уж была «трудна и хлопотлива процедура». Поэтому прелюбодеев чаще казнили перерезыванием горла на базарной площади, а потом тут же и вешали³⁴.

За самые страшные государственные преступления могли следовать и еще более мучительные наказания. Так, в 1888 г. был убит бухарский диван-беги Мухаммад-Шариф, любимец эмира, который приказал выдать убийцу родственникам жертвы. Последние, как описывает Пославский, подвергли его самым жестоким пыткам: вырывали ноздри и выкалывали глаза, вырезали ремни из спины, а затем привязали к хвосту лошади и возили по улицам Бухары, пока он не умер, после чего был брошен на съедение бродячим собакам³⁵.

Наконец, следует сказать несколько слов о правовом положении отдельных групп населения: этот вопрос привлекал внимание исследователей, поскольку было необходимо знать, кто в Бухарском эмирате в любом случае останется лоялен российским властям, а кто будет в большей степени поддерживать своего «природного» монарха. В связи с этим Н. Н. Белявский отмечает, что узбеки, традиционно считавшиеся привилегированной частью населения (сами эмиры и большинство знати имели именно узбекское происхождение), не смешиваются с таджиками, не вступают с ними в браки, не раболепствуют перед местными властями и смелее взаимодействуют с русскими³⁶. По сведениям А. С. Стеткевича, узбеки вытесняли таджиков с наиболее плодородных земель, объясняя это тем, что еще в XVI в.

³² *Стеткевич* [А. С.] Указ. соч. С. 253–254.

³³ Первый русский политический агент в Бухаре Н. В. Чарыков связывал отмену этой казни именно с русским влиянием на эмирские власти и целиком приписывал заслугу в ее отмене себе, см.: *Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. Л. А. Пуховой. М., 2016. С. 143.

³⁴ *Пославский* [И. Т.] Указ. соч. С. 80.

³⁵ Там же. С. 80–81. Надо сказать, что это убийство, и в особенности жестокая казнь убийцы, вызвало большой резонанс в российских кругах и об этих событиях писали в отечественных газетах и журналах, см., напр.: *П. П. Ш.* Недавняя трагедия в Бухаре // Исторический вестник. 1892. № 5. С. 466–475.

³⁶ *Белявский* [Н. Н.] Указ. соч. С. 107.

завоевали их силой оружия³⁷. М. Д. Евреинов сообщает, что сделать государственную и военную карьеру также могли большей частью именно узбеки и только наиболее одаренным таджикам порой удавалось достичь высоких сановных постов³⁸.

Весьма любопытно, что военные исследователи гораздо более критично, чем дипломаты, характеризуют отношение бухарцев к русским. Например, по сведениям И. Т. Пославского, почтительное и радушное отношение местные жители выказывали только тем русским, кто обладал высоким статусом и передвигался по городу в сопровождении многочисленной охраны, тогда как лица без официального статуса могли испытать грубое обращение со стороны бухарцев — брань, плевки, толчки и пр.³⁹

Заключение. Итак, анализ сведений разведчиков, отраженных в публикациях, посвященных Бухарскому эмирату и включенных в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», позволяет сделать вывод об их ценности и объективности. Благодаря наблюдениям этих военных специалистов мы имеем в своем распоряжении сведения об особенностях функционирования системы центральных, региональных и местных властей эмирата, различных видах налогов, сборов и повинностей, особенностях судебной сферы. При этом основное внимание авторы уделяли не каким-то официальным материалам, полученным от местных информаторов из числа представителей властей, а собственным наблюдениям. Это позволяло им представить в отчетах своему руководству объективное отражение ситуации в различных сферах правоотношений, сложившейся в Бухарском эмирате. И эти сведения в дальнейшем могли использоваться имперскими властями (как центральными правительственными структурами, так и администрацией Туркестанского края, непосредственно взаимодействовавшей с протекторатом) для выработки последующей политики России в регионе.

Конечно, полностью воссоздать картину правового регулирования и судебного процесса в Бухарском эмирате исключительно на основе проанализированных сведений мы не имеем возможности, да и не ставили такой цели в рамках данного исследования. Для нас было важно установить, что они являются весьма ценным дополнением к информации из других источников — свидетельств современников, исследований специалистов, правовых памятников и пр.

По нашему мнению, материалы «Сборника...» не менее эффективно можно использовать также при исследовании правовой ситуации и в других странах и регионах Центральной Азии, входивших в сферу интересов Российской империи.

³⁷ Стеткевич [А. С.] Указ. соч. С. 245.

³⁸ Евреинов [М. Д.] Рекогносцировка путей через Джамский перевал на Гузар и на Карши. С. 122.

³⁹ Пославский [И. Т.] Указ. соч. С. 77–79.

Литература

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 295 с.
2. Колесников А. А. Русские военные исследователи Азии. Душанбе: Дониш, 1997. 246 с.
3. Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Татарское книжное изд-во, 2022. 368 с.

References

1. Baskhanov M. K. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskii slovar' [Russian military orientalists till 1917. Bio-bibliographic dictionary]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2005. 295 p. (In Russ.).
2. Kolesnikov A. A. Russkie voennye issledovateli Azii [Russian military researchers of Asia]. Dushanbe: Donish, 1997. 246 p. (In Russ.).
3. Pochekaev R. Yu. Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoi imperii v tiurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noi Azii. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Chinggis' law: Legal heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and states of the Central Asia. 2nd edition, revised and expanded]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2022. 368 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-32-47

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Российская академия предпринимательства

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В МУРГАБСКОМ ГОСУДАРЕВОМ ИМЕНИИ:
СЛУЧАЙ С ЙОЛОТАНСКИМИ САРЫКАМИ**

Аннотация. Мургабское государево имение было достаточно удачным проектом поздней Российской империи в ее центральноазиатских владениях. Можно утверждать, что ему удалось в той или иной степени выполнить все задачи, поставленные перед ним верховной властью. Однако на пути к этому встречались разного рода проблемы — экономические, инженерные, социальные. Одна из социальных проблем рассматривается в настоящей статье. Цель статьи состоит в исследовании поземельных противоречий, ставших результатом поспешного разграничения имения с Мервским уездом. В результате этого разграничения земли, периодически обрабатывавшиеся сарыками Йолотанского отдела, были, вопреки императорскому указу, причислены к территории государева имения. В ходе исследования удалось выявить различие во взглядах местной администрации, управления имением и Департамента уделов на взаимоотношения с коренным населением региона. Местные власти были заинтересованы в обеспечении туркмен землей как источником постоянного дохода. Управляющий имением старался обеспечить хозяйственное освоение земель и привлечь в него сельскохозяйственных производителей. А Департамент уделов был обеспокоен перспективой развития ирригации и извлечением максимальной прибыли из хозяйственной деятельности Мургабского имения. Однако, памятуя о том, что одно из требований при учреждении имения состояло в уклонении от какого-либо притеснения коренного населения, Департамент уделов выступил с предложением исключить из состава имения занятые сарыками земли. Император это предложение принял. И земли сарыков остались в их владении. Но когда спустя время сарыки обратились с просьбой предоставить им землю на территории имения на льготных условиях, департамент отказал, не видя в этом экономических резонансов. Случай с земельным спором сарыков показывает, что удельное ведомство стремилось доступными способами достичь согласия с местными жителями, не ущемляя собственных интересов, но и не нарушая установленных верховной властью правил.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, туркмены, сарыки, Закаспийская область, Туркестанское генерал-губернаторство, Департамент уделов, ирригация, Султанбент, Йолотанский оазис.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Для цитирования: Васильев Д. В. Поземельные отношения в Мургабском государственном имении: случай с йолотанскими сарыками // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 32–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-32-47>

Original article

UDC 94(575.4)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-32-47

Vasilyev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Russian Academy of Entrepreneurship

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

LAND RELATIONS IN THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE: THE CASE OF THE YOLOTAN SARYKS

Abstract. The Murghab Sovereign's Estate was a fairly successful project of the late Russian Empire in its Central Asian possessions. It can be argued that it managed to fulfill, to one degree or another, all the tasks set before it by the supreme power. Various problems were encountered on this way (economic, engineering and social). One of the social problems is considered in the article. The purpose of the article is to study the land contradictions that arose as a result of the hasty delimitation of the estate with the Merv district. As a result of this delimitation, the lands periodically cultivated by Saryks of the Yolotan area were included in the territory of the Sovereign's Estate, contrary to the Emperor's decree. The study revealed differences in the points of view of the local government, the administration of the estate and the Department of Appanages on the relationship with the indigenous population of the region. The local authorities were interested in providing the Turkmen with land as a source of constant income. The head of the estate tried to ensure the economic development of the lands and attract agricultural workers. The Department of Appanages was interested in developing irrigation and extracting maximum profit from the economic activity of the Murghab Estate. However, remembering that one of the requirements for the establishment of the estate was to avoid any oppression of the indigenous population, the Department of Appanages proposed to exclude Saryks lands from the estate. The Emperor accepted this proposal. And the lands of Saryks remained in their possession. But when after some time Saryks asked to provide them with lands on the territory of the estate on preferential terms, the Department did not find economic grounds and refused them. The case of the Saryks' land dispute shows that the appanage authorities sought to reach agreement with local residents in accessible ways without infringing on its own interests and without violating the rules established by the supreme authority.

Keywords: Murghab Sovereign's Estate, Turkmen, Saryk, Transcaspian Province, Turkestan Governorate General, Department of Appanages, irrigation, Sultanbent, Yolotan oasis.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

For citation: Vasilyev D. V. Land relations in the Murghab Sovereign's Estate: the case of the Yolotan Saryks // *MCU Journal of Historical Studies*. 2025. № 1 (57). P. 32–47. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-32-47>

Введение. В 1887 г. в Закаспийской области было создано Мургабское государево имение, официальной целью учреждения которого было создание мощной оросительной системы, способной вернуть к жизни многие тысячи десятин безжизненной земли. Выделение земли для имения планировалось в районе Байрамали и Йолотанского оазиса по правому и левому берегам реки Мургаба из территории Мервского округа (позднее — уезда). При разграничении на месте в состав имения должны были войти земли, не обрабатывавшиеся местным населением. Однако по недосмотру оказалось, что в черту имения вошли периодически распаханавшиеся йолотанскими сарыками участки, на которые в полноводные годы они доставляли речную воду по прорытым собственными силами арыкам. В статье рассматривается спор сарыков и имения по поводу этих земель как пример взаимоотношений между администрацией Мургабского имения и коренным населением региона.

Надо признать, что количество работ, предметом которых является история Мургабского государева имения, совсем невелико. Отношение к поднятой проблеме имеют труд М. Н. Тихомирова¹ как первое обращение профессионального историка и монография Н. Н. Каноды², более пристально рассмотревшей перипетию социально-экономических отношений в имении. В меньшей степени дореволюционное состояние имения затронуто в работе О. И. Брусиной и Л. Т. Соловьевой³. Совсем недавно опубликовано несколько работ, дающих представление о социальной политике и практике в Мургабском имении⁴. Тем не менее представляется, что предлагаемый сюжет может наглядно и конкретно продемонстрировать специфику отношений власти и коренного населения, возникший вокруг этого социально-экономического феномена.

¹ Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М., 1960.

² Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашхабад, 1991.

³ Брусиная О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/>

⁴ Васильев Д. В. Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024. № 4. С. 78–88; *Его же*. Социальная структура Мургабского государева имения (1889–1912): планы и действительность // *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 10. С. 360–379.

Ход и результаты исследования. В соответствии с императорским указом от 6 августа 1887 г.⁵ в состав Мургабского государева имения отходили «свободные пространства по обоим берегам р. Мургаба, лежащие вниз по течению оного от плотины Султана и доходящие до окружающих Мургабский оазис песков. При этом не включены в состав имения не только обрабатываемые ныне туркменами Мервского и Йолотанского округов земли, но и такие, которые ныне хотя и лежат впусе, но входят в район орошения из каналов и арыков, устроенных местным населением. Таким образом представлен широкий простор развитию в среде туркмен земледельческой культуры, стремление к которой начинает проваливаться в этом народе со времени присоединения его к империи»⁶.

Верховная власть заявляла, что учреждение имения находилось в гармонии с общим устремлением туркменского населения к занятию земледелием. А потому вполне естественно стремилось распространить свои владения на те земли, которые не обрабатывались (даже потенциально) коренными жителями с использованием наличных оросительных сооружений.

Однако архив Департамента уделов Министерства императорского двора сохранил документальные свидетельства спора, возникшего по поводу претензии туркмен-сарыков, проживавших в Йолотанском оазисе (левый берег Мургаба), на расположенный поблизости участок земли, который оказался в составе Мургабского государева имения. Вопрос об отводе йолотанским сарыкам участка земли имения на левом берегу реки был поднят начальником Мервского округа в августе 1888 г. Правитель канцелярии начальника Йолотанского отдела около 1891 г. составил записку, в которой кратко рассказал историю сарыкского землевладения.

В 1854 г. туркмены-сарыки были вытеснены из Мервского оазиса туркменами-теке в Йолотанский оазис на левый берег Мургаба в 14 верстах от плотины Казыкльбент, дававшей воду всему оазису. «Постоянная вражда и опасность аламанства⁷ заставляли эти отделения туркменского рода не соприкасаться между собой»⁸. А «с установлением русской власти между туркменами сарыками и текинцами прекратились их взаимные грабежи, и они перешли к более мирной жизни, хлебопашество стало быстро развиваться особенно со стороны сарыков, до того времени теснимых текинцами»⁹.

При устройстве Мургабского государева имения в 1887 г. состоялось соглашение между управляющим Департаментом уделов П. А. Рихтером и начальником Закаспийской области генерал-лейтенантом А. В. Комаровым, согласно которому часть земель, расположенных на левом берегу Мургаба и принадлежавших йолотанским сарыкам и мервским текинцам, была ошибочно принята

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 7. СПб., 1889. С. 390.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 212. Оп. 27. Д. 1895 ч. 1. Л. 152–152 об.

⁷ Набегов.

⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 15. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

за свободные земли и включена в пределы государева имения¹⁰. Тогда же сарыкам было объявлено, что эти земли войдут в состав государева имения, но до официального размежевания им разрешалось осуществлять там запашки, а после того пользоваться землями имения только на арендных началах. Разграничение началось в мае 1889 г. Тогда и выяснилось, что предназначенные для имения территории на левом берегу уже покрыты сетью каналов и состоят под запашкой.

«Вследствие такого положения вопроса о землепользовании, при производстве работ по разграничению сарыки заявили претензию на то, что указанной в соглашении границей отрезаются не только те земли, которые были орошаемы ими до высочайшего указа, но даже и те, которые были орошены и распаханы еще до присоединения Йолотанского оазиса к русским владениям»¹¹.

Разрешение вопроса выпало на долю помощника начальника Департамента уделов Н. Ваганова, который побывал в имении осенью 1889 г. В «Объяснительной записке к основным положениям по устройству и колонизации Мургабского государева имения» он, рассуждая об очередности орошения берегов Мургаба, отмечал целесообразность начала работ на правом берегу и трудности с осуществлением орошения левого берега. «Если... оросив один участок на правом берегу, вместо дальнейшего развития сети этого берега перейти к орошению земель, лежащих на левом берегу реки, то придется тотчас же выводить новый магистрал¹², и при том весьма длинный, так как чтобы довести воду до земель государева имения, магистрал придется сперва провести на большом протяжении непроизводительно для имения через землю туркмен сарыков. К этому надо прибавить, что подобный магистрал левого берега пойдет по местности, где расположена оросительная сеть сарыков, что так же представляет не малые затруднения и отзовется на стоимости как первоначального устройства, так и дальнейшего поддержания этого магистрала. (Входить же при устройстве орошения левого берега в какие-либо соглашения с сарыками и принимать на себя урегулирование их оросительных сетей едва ли следовало бы, по крайней мере в настоящее время, так как это составит лишний расход, и весьма крупный притом расход, про который ныне даже нельзя сказать, окупится ли он. — Прим.)»¹³.

Управление имением считало возможным переселить сарыков на первые орошенные земли имения на правый берег Мургаба и затем приступить к орошению их владений на левом берегу, находившихся в непосредственной близости от строившейся Султанбентской плотины. Но действительный статский советник Ваганов не был уверен, что на реализацию этих планов достанет воды. Кроме того, он подчеркивал аграрную отсталость сарыков, которые вели переложное хозяйство (2/3 земли — под паром), не знали удобрений и не особо старались

¹⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 27. Д. 1892, ч. 1. Л. 122–122 об.

¹¹ Там же. Оп. 44. Д. 15. Л. 3 об.

¹² Главный канал.

¹³ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 79.

трудиться, сохраняя общинное землепользование с ежегодными переделами. Экономическое перевоспитание целой этнической группы не входило в планы удельного ведомства. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и чрезвычайно важный для имения вопрос доходности.

«Плата за пользование землей по необходимости всегда соразмерна получаемому с земли доходу и поэтому сарык никогда не будет в состоянии платить имению того, что легко может давать земледелец, знакомый с более высокой культурой, и если допустить, что с земель, отведенных сарыкам, имение будет получать только одну треть той суммы, какую бы могли платить за те же земли другие поселенцы, то этот расчет будет приблизительно верен. При значительности же участка, который пришлось бы отвести сарыкам, в случае их переселения, такая разница составит большой ущерб для имения»¹⁴.

Осложняло ситуацию разделение сарыков между двумя оазисами — Йолотанским возле существовавшей плотины Казаклыбент (и возрождавшейся плотины Султанбент) и Пендинским близ границы с Афганистаном. В рассматриваемый период происходило довольно интенсивное перемещение пендинских сарыков в Йолотанский оазис, что объясняется примирением мервских текинцев и йолотанских сарыков и сопутствующим развитием земледелия, а также перенаселенностью пендинских земель.

Отсюда и предположение, «что с переходом части йолотанских сарыков на правый берег... на место ушедших перейдет часть сарыков из Пенде, удалять которых из Йолотана при настоящей неопределенности поземельных вопросов едва ли будет правильно и в результате земли Йолотанского оазиса останутся по-прежнему занятыми»¹⁵.

В итоге ответственный представитель Департамента уделов пришел к заключению, «что устройство орошения в пределах Мургабского государева имения надлежит производить постепенно, по участкам и, начав это орошение с правого берега реки, развивать на первых порах даже оросительную сеть по правому же берегу, не приступая пока к орошению левого берега»¹⁶. А государь, в свою очередь, согласился с тем, что от заселения должны быть устранены вовсе и текинцы, и сарыки¹⁷. Иными словами, вопрос о переселении йолотанских сарыков на правый берег Мургаба был снят с повестки дня. Оставалась проблема земельной собственности имения на левом берегу, на которую претендовали сарыки.

История йолотанских сарыков оказывается не такой уж простой. И не только потому, что сама по себе является довольно сложным социально-политическим и экономическим сюжетом. Но и потому, что в фондах архива Министерства императорского двора хранятся два варианта одного и того же документа,

¹⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 80 об.

¹⁵ Там же. Л. 82 об. – 83.

¹⁶ Там же. Л. 83 об.

¹⁷ Там же. Л. 135 об.

касающегося этого вопроса. Так что дело сарыков приобретает характер делопроизводственного детектива.

Речь идет о докладе управляющего Мургабским государевым имением Н. А. Лутцау начальнику Департамента уделов П. А. Рихтеру от 17 сентября 1888 г. № 359. Этот документ фактически представляет собой отчет по имению за первый год существования и план его ближайшего развития.

В составе описи 44 (дело 67) хранится собственноручно составленный (и подписанный) подлинник доклада¹⁸, состоящий из разделов «Работы на Султанбенте», «Нивелировочные работы», «Отграничение имения», «Работы в Байрамали», «Предположения о дальнейшем развитии работ по устройству имения». Копия доклада¹⁹ содержится в описи 27 (дело 1895, ч. 2) и имеет иную структуру («По Байрамали», «По Султанбенту», «Нивелировочные работы», «Отграничение имения», «Предположения о дальнейшем развитии работ по устройству имения»). Подлинник доклада, судя по резолюции, рассматривался самим адресатом, получил резолюцию, был закончен делопроизводством и отложен в составе документов, имевших учредительное для имения значение (вместе с копиями высочайших повелений). Копия, судя по выделению на полях фрагментов текста, послужила рабочим материалом для подготовки других документов Департамента уделов.

Внешние признаки (реквизиты) этих двух документов позволяют нам определить их адресатов с большей или меньшей долей уверенности. Подлинник доклада не вызывает сомнения в том, что он адресован начальнику Департамента уделов П. А. Рихтеру (1884–1890). Копия этого доклада имеет обращение «Ваше сиятельство» и потому, можно предположить, предназначалась для министра императорского двора и уделов графа И. И. Воронцова-Дашкова (1881–1897). Считать, что документ, составленный и переписанный от 1888 г., мог быть адресован иному руководителю уделов, нет никаких оснований. В этом косвенно убеждает и то обстоятельство, что в конце документа упоминается встреча Н. Лутцау в Петербурге с «Вашим сиятельством», которая могла состояться перед его назначением на должность управляющего имением в 1887 г. Разночтения в текстах обоих документов можно объяснить тем, что копия отражала уже отредактированную Департаментом уделов точку зрения управляющего имением, т. е. его взгляд на направления развития мургабских владений государя.

Первое знакомство с текстами обоих документов показывает содержательную комплектность копии (она состоит из тех же разделов, что и подлинник, однако несколько иначе скомпонована). Можно предположить, что копия была составлена вскоре после рассмотрения подлинника начальником департамента (после 4 октября 1888 г.) и ее текстуальные отличия от подлинника являются результатом обсуждения предположений Н. Лутцау и выражением мнения руководства Департамента уделов. Так как нас интересует история йолотанских

¹⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 67. Л. 46–59 об.

¹⁹ Там же. Оп. 27. Д. 1895, ч. 2. Л. 58–75.

сарыков, то важно обратить внимание на различия именно в соответствующих фрагментах обоих текстов.

Свой доклад Н. Лутцау начал с описания земляных работ по воссозданию Султанбентской плотины. И назвал сарыков вторыми по производительности труда после выходцев из Самарканда и перед текинцами²⁰. Этот текст полностью совпадает с текстом копии доклада²¹.

Обращаясь собственно к земельному вопросу сарыков, управляющий имением докладывал своему начальнику: «Как известно Вашему превосходительству, сарыками Йолотанского оазиса была сделана в этом году запашка земель, отошедших к государеву имению по левому берегу Мургаба. Ныне начальник Мервского округа ходатайствует об отдаче этой земли в аренду на посев будущего года. На ходатайство это мною сообщено, что если последует разрешение на отдачу сарыкам в аренду земель левого берега, то сдачу ее полагаю исполнить на следующих временных условиях»²².

Существенно иначе этот рассказ выглядит в копии документа. Ее соавторы (чиновники одного из делопроизводств Департамента уделов или не чуждый имению помощник начальника департамента Н. Ваганов) создали почти эпическую картину. По их словам, появление на Мургабе государева имения и начало масштабных оросительных работ всколыхнули интерес туркмен к земледелию. Едва прошел год, и произошло серьезное недоразумение. Сообщая о разграничении с Мервским округом на левом берегу Мургаба и подчеркивая высокую ценность этих земель, соавторы обратили внимание на то обстоятельство, что еще до весны 1888 г. (т. е. до первой посевной, проходившей в условиях существования государева имения и появления соответствующих ирригационных планов) эта территория совсем не орошалась. Но «теперь сарыками проведена канава, посредством которой ими были сделаны запашки земель государева имения»²³.

Иными словами, ситуация на левом берегу серьезно, можно сказать провокационно, изменилась. Судя по представленной в копии доклада информации, никаких прежних явных оросительных сооружений в этом районе не было и йолотанские сарыки устроили арык вновь, рассчитывая, судя по всему, на его подключение к будущей оросительной системе. Во всяком случае, возведенная сарыками запруда создавала напор для орошения, достаточный для активного земледелия.

Следует обратить внимание на весьма существенное различие между текстами двух документов. Если сам подполковник Н. Лутцау вел речь о том, чтобы оставить сарыкам фактически возделывавшиеся ими земли на левом берегу Мургаба, то его соавторы по копии доклада говорили о необходимости их перевода на правый берег (на земли имения). Это было мотивировано, судя по всему,

²⁰ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 67. Л. 46 об.

²¹ Там же. Оп. 27. Д. 1895, ч. 2. Л. 64.

²² Там же. Оп. 44. Д. 67. Л. 49 об.

²³ Там же. Оп. 27. Д. 1895, ч. 2. Л. 68.

техническими соображениями, вызванными возведением плотины Султанбент, рассчитанной на орошение левобережья. Однако заметим, что на перспективу переселения сарыков на правый берег сослался и сам Н. Лутцау, но несколько ниже, рассматривая ближайшие планы развития государева имения²⁴.

Предложенные же временные условия аренды земли имения сарыками практически ничем не отличаются в обоих документах. «В виду не выяснившейся продуктивности почвы и того, что орошение арендуемых земель производится от запруды, находящейся в распоряжении сарыков, было бы правильнее, не определяя арендной платы, установить на первый год десятинный сбор продуктов, не ограничивая арендаторов ни мерой земли, ни местами для посевов, ни родами посевных злаков»²⁵. По мнению управляющего имением (почти дословно повторенному в копии доклада), десятина более всего соответствовала установившимся в регионе обычаям, а с другой стороны, дала бы более точные сведения о потенциальной урожайности выделенных сарыкам земель²⁶. В Департаменте уделов подчеркнули годичный срок предполагаемой аренды и добавили, что это стало бы первым доходом имения, который хоть отчасти мог покрыть расходы на его устройство²⁷.

В подлиннике доклада Н. Лутцау напоминал П. Рихтеру, что проживавшие на левом берегу Мургаба сарыки Йолотана пользовались водой от плотины Казыклыбент (наверняка это и есть упомянутая выше запруда). Администрация имения поставила целью их будущее переселение на правый берег, видимо рассчитывая сделать из них первых арендаторов имения, а уже позже системно решать вопрос с орошением левого берега. При этом управление имением обращало внимание на дороговизну содержания Казыклыбента и полагало, что сарыки с радостью будут готовы освободиться от этого бремени и спокойно заниматься земледелием на правом берегу Мургаба: «Не имея... в настоящее время земельной собственности (пользование землей общественной)²⁸, они с охотой переселятся на правый берег, если им будут даны наделы. Народ уже заинтересован в этом направлении и с нетерпением ожидает восстановления плотины (Султанбент. — Д. В.)»²⁹.

Управляющий имением подполковник Н. Лутцау склонялся к мысли, что именно сарыки Йолотанского оазиса должны были составить главную массу поселенцев в государевом имении, хотя и отмечал их своеобразное отношение к возделыванию земли: «Хотя сарыки между туркменскими племенами считаются земледельческим народом, но практикуемый ими хищнический способ обработки земли не мыслим в пределах имения»³⁰. Чиновники департамента

²⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 67. Л. 56 об.

²⁵ Там же. Оп. 27. Д. 1895, ч. 2. Л. 68 об.

²⁶ Там же. Оп. 44. Д. 67. Л. 46 об. – 50.

²⁷ Там же. Оп. 27. Д. 1895, ч. 2. Л. 68 об.

²⁸ Добавление в копии доклада (Там же. Л. 71–71 об.).

²⁹ Там же. Оп. 44. Д. 67. Л. 57.

³⁰ Добавление в копии доклада (Там же. Л. 71–71 об.).

уделов, посчитав сарыков неэффективными землепользователями, добавили: «...А потому необходимо воспользоваться такими народами Средней Азии, у которых ведется интенсивное хозяйство, единственно мыслимое на землях государева имения для правильной его эксплуатации»³¹.

Если сравнить оба рассмотренных документа, то следует обратить внимание на то, что Н. Лутцау в своем докладе более лоялен к сарыкам. Чиновники Департамента уделов заметно преувеличивали блага, которые несло местному населению Мургабское государево имение. Копия доклада содержит больше конкретных сведений, которыми управляющий имением мог не располагать, в большей степени литературно отредактирована и верноподданнически стилизована («естественный знак всегдашней милости и отеческой заботливости государя императора»³²). В целом документ, предназначенный для министра, в части обязательств перед йолотанскими сарыками значительно смягчен. Заметно, что предложенная в подлиннике доклада и поддержанная в его копии первоначальная концепция заселения имения была поддержана и развита позднее помощником управляющего Департаментом уделов Н. Вагановым³³. Другое дело, что со временем (после прорыва осенью 1890 г. Султанбентской плотины) она кардинально изменилась.

Можно с высокой долей уверенности предположить, что копия доклада Н. Лутцау вошла в комплект подготовительных документов ко всеподданнейшему докладу министра императорского двора по плану развития (и колонизации) имения, утвержденному императором в 1890 г.³⁴

В конце концов часть возделанных сарыками земель формально на законном основании (императорский указ от 6 августа 1887 г. и последовавшее разграничение) была объявлена владениями имения, а давшим этим землям жизнь³⁵ сарыкам было позволено ими пользоваться с уплатой в доход имения доли урожая. После получения соответствующего разрешения из Петербурга управляющий имением выделил сарыкам землю на левом берегу Мургаба, орошавшуюся небольшими участками водой из Казыклыбента там, куда она доходила. При этом администрация имения отдавала себе отчет в том, что поместила сарыков в, мягко говоря, не совсем выгодные условия. А потому определение размера участков, как и видов засеваемых злаков, были оставлены на усмотрение самих туркмен.

Арендная плата была установлена в размере 1/10 части урожая натурой. Весной 1889 г. сарыки засеяли 1706 десятин, из которых 75,2 % были заняты пшеницей, 8,85 % — ячменем, 9,62 % — джугарой, 1,79 % — кунжутом и 4,54 % — огородами³⁶.

³¹ РГИА. Оп. 27. Д. 1895 ч. 2. Л. 71 об.

³² Там же. Л. 72.

³³ Там же. Оп. 44. Д. 71. Л. 104–108 об.

³⁴ Там же. Л. 133–138.

³⁵ По мусульманскому праву эта категория земель переходила в постоянное пользование лица, ее впервые обработавшего и получившего урожай.

³⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 131. Л. 11 об.

Накануне сбора десятины за 1889 г. сарыки заявили, что часть из выделенных земель обрабатывалась ими издавна и считалась входившей в пределы Йолотанского оазиса. Н. Лутцау предложил йолотанскому приставу выехать на место и вместе со старшинами удостовериться в истинности и обоснованности претензий сарыков. В итоге «выяснилось, что в течение последних 15 лет сарыками действительно обрабатывались на указываемом пространстве низины, на которые могла быть проведена вода, но посевы производились не более 3-х раз в год, когда, по состоянию отношений сарыков к текинцам, то было возможно. На месте видны были ясно следы свежих арыков, не принадлежащих к древней салырской или иранской ирригационной сети. Частью сарыков было заявлено также, что сарыки никогда не включали этот участок в общее количество земель оазиса, подлежащих ежегодному пределу, а обрабатывали этот участок только при удобных условиях»³⁷. По приезде в Мургабское имение помощника начальника Департамента уделов Н. А. Ваганова, тот дал команду вернуть собранную с этих земель десятину сарыкам. И спорные земли стали считаться принадлежащими сарыкам. Всего арендная плата с сарыков составила 11 329 пуд. пшеницы, 1037 пуд. ячменя, 3000 пуд. джугары, 167 пуд. кунжута и 6 пуд. гороха³⁸.

В следующем, 1890 г. сбор десятины с сарыков ввиду неблагоприятных условий упал и дошел до 7330 пуд. пшеницы, 702 пуд. ячменя, 4342 пуд. джугары, 26 пуд. кунжута, 57 пуд. моркови и 15 пуд. зернобобовой культуры маш³⁹. Чистая прибыль имения ожидалась не более 1000 руб., а потому новый управляющий имением Н. А. Кашталинский предложил не взыскивать с сарыков арендную плату за 1890 г., на что и получил согласие Департамента уделов⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что в споре сарыков с Департаментом уделов местное уездное начальство выступало на стороне своих подопечных⁴¹, учитывая при этом и политическое значение вопроса. Правитель канцелярии Йолотанского отдела Мервского уезда, оценивая в денежном выражении внесенную сарыками в кассу Мургабского имения за 1889 и 1890 гг. арендную плату, подчеркнул: «Плата эта ложится на сарыков весьма тяжелым дополнительным налогом, в среднем на каждую кибитку Йолотанского приставства приходимся по 2 р<уб>. 25 к<оп>. И составляющим 50 % платимой населением государственной подати. Эта уплата признается населением за государственный налог, так как им весьма трудно растолковать разницу между уплатой ими в государственную подать и уплатой в доход государева имения. И это обстоятельство порождает в них понятие о неодинаковой подати с остальными жителями Мервского уезда, для которых вообще объявлено высочайшее

³⁷ РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 131. Л. 6–6 об.

³⁸ 1890 г. июля 14. Записка управляющего Мургабским государевым имением о десятинном сборе с йолотанских сарыков за аренду земель в 1889 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 131. Л. 8.

³⁹ Там же. Л. 22 об.

⁴⁰ Там же. Л. 22 об. – 23.

⁴¹ Сарыки подчинялись начальнику Йолотанского отдела Мервского уезда.

повеление о размере подати в 5 рубл. с кибитки. Они считают, что им придется платить по 7 руб. 25 коп.»⁴².

Он обратил внимание еще и на то обстоятельство, что сарыки пользовались водой от старой плотины Казыклыбент, которую и поддерживали в исправном состоянии. Ввод в строй плотины Султанбент должен был вызвать необходимость в уничтожении существовавшей оросительной сети, что было названо им непроизводительным актом⁴³. Все это вместе взятое приводило уездную администрацию «к заключению, что от исполнения воли его императорского величества, выраженной в указе 6 августа 1887 года, произведено некоторое уклонение и что вопреки указаний какие именно земли должны составлять государево имение, в него включены земли не в пусте лежащие по течению р. Мургаба, а те, которые уже частью орошены и не могут быть отчуждены без ущерба для прочих, орошаемых уже водами этой реки, частей всего Мургабского оазиса и что, наконец, земли, лежащие на левом берегу Мургаба, необходимо возвратить населению»⁴⁴.

В мае 1892 г. императору Александр III министром императорского двора был представлен всеподданнейший доклад по этому вопросу, который подвел итог многолетнему спору: «Земли, по левую сторону Мургаба, признававшиеся в 1887 г. лежавшими впусе, а потому и включенные в состав государева имения, в действительности хотя и не обрабатывались в то время, но все-таки входят в район орошения, которое устроено йолотанцами значительно раньше образования государева имения. В настоящее время земли эти возделываются местными жителями и орошаются посредством канав и арыков, идущих от плотины Казыклыбент, лежащей по течению Мургаба выше возобновляемой плотины Султана⁴⁵»⁴⁶.

Государь император в мае 1892 г. утвердил мнение министерства о том, что включение в границы государева имения земель на левом берегу Мургаба не согласуется со смыслом указа от 6 августа 1887 г., «тем более, что потребная для орошения этих земель вода получается совершенно независимо от возводимых ныне в имении оросительных сооружений», и около 2000 дес. на левом берегу Мургаба были выведены из состава государева имения и переданы в пользование местного населения⁴⁷.

История с сарыками получила неожиданное продолжение в начале следующего столетия. В 1903 г. через своих старшин они обратились к йолотанскому

⁴² РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 15. Л. 4.

⁴³ Заметим, что возрождение плотины Султанбент осенью 1890 г. завершилось неудачей и совершенно новое гидротехническое сооружение на ее месте вступило в строй в 1909 г.

⁴⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 15. Л. 4–4 об.

⁴⁵ То есть новая плотина не могла принципиально изменить условия земледелия у сарыков. Тем более что в это время уже не шла речь об орошении от Султанбента левого берега Мургаба.

⁴⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 15. Л. 14.

⁴⁷ Там же. Л. 14–14 об.

приставу Мервского уезда с просьбой разрешить им посевы на правом берегу Мургаба на неорошенных (залежных) землях государева имения, сославшись при этом на истощение и обезвоживание их собственных владений. Для обводнения новой земли сарыки обещали своими силами проложить магистральный канал между плотинами Казыклыбент и Султанбент, из которого собирались пустить воду по существовавшему каналу Султан-яб. За это они просили на первые три года освободить их от всякой арендной платы. Кроме привычных для них пшеницы, ячменя, кунжута, джугары и огородных культур сарыки собирались посеять и хлопок⁴⁸.

Предложение сарыков имело экономический смысл для имения лишь в случае сохранения статус-кво с разрушенной Султанбентской плотиной и функционирующей Казыклыбентской, построенной и поддерживавшейся в рабочем состоянии местными туркменами и обеспечивавшей орошение Йолотанского оазиса. Сооружение же новой плотины Султанбент поглотило бы предлагавшуюся сарыками оросительную систему и лишь затруднило бы распределение воды, о чем не преминул напомнить управляющий имением В. В. Дубасов⁴⁹.

Главное управление уделов, ожидая в обозримом будущем восстановление Султанбентской плотины, которое могло привести к коренному переустройству всей местной оросительной системы и вызвать крупные затраты со стороны жителей Йолотанского оазиса, предложило присоединить к новой Султанбентской плотине всю ирригацию Йолотанского оазиса и упразднить Казыклыбентскую плотину. Кроме того, оно сочло возможным отвести сарыкам в имении необходимые им земли на общих для всех арендаторов основаниях при условии, что местная администрация привлечет население оазиса к работам по восстановлению плотины Султанбент⁵⁰.

На защиту сарыков встал начальник Закаспийской области: «...Меня прежде всего поражает самая сущность предложения Главного управления уделов... привлечь к работам по восстановлению Султанбентской плотины население Йолотанского оазиса, т<o> е<сть> предоставить Уделам громадное количество дарового труда туземцев, а взамен этой услуги предложить последним земли в государевом имении на общих для всех арендаторов основаниях. Подобные условия являются явно несправедливыми по отношению к населению, ибо имение, обрабатывающее приписанные к нему земли с помощью арендаторов, очевидно само в них нуждается и обойтись без них не может; а по сему всякий добавочный труд в интересах имения, особенно такой продолжительный и дорогостоящий, требует, без сомнения, особого вознаграждения»⁵¹.

⁴⁸ РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 838. Л. 1–2.

⁴⁹ Там же. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л. 4–4 об.

⁵¹ Там же. Л. 6.

Генерал-лейтенант Е. Е. Усаковский уведомлял исправлявшего должность туркестанского генерал-губернатора о том, что большинство сарыков не соглашалось на упразднение Казыклыбентской плотины и превращение самих себя из земельных собственников в простых арендаторов.

Туркестанский генерал-губернатор Н. Н. Тевяшев, как и полагается ответственному руководителю крупного региона, предложил соломоново решение: «...Если Мургабское имение отведет сарыкам свои земли на общих или на льготных условиях, то несомненно арендаторы должны принять сообразное своим силам и средствам участие в восстановлении Султанбентской плотины, устройство которой должно усилить ирригационные средства арендуемых сарыками земель, но так как восстановление этой плотины должно представить собой колоссальное сооружение, требующее больших денежных затрат, то привлечение к этим работам местных туземных жителей должно иметь характер лишь посильной натуральной повинности для всех туркмен, которые будут арендовать земли в имении, причем это участие в работах должно быть заранее точно обусловлено и объявлено местному населению во избежание могущих быть впоследствии недоразумений»⁵². А пока суд да дело, Н. Тевяшев считал вполне возможным и целесообразным удовлетворить прошение сарыкских старшин.

Разбираясь в сути вопроса, помощник начальника Главного управления уделов и бывший управляющий Мургабским государевым имением С. Ю. Толстой счел выделение сарыкам в имении земли, орошаемой из их доли в мургабской воде, нецелесообразным на следующих основаниях. Раз орошенные сарыками залежные территории уже сложно будет вернуть назад, так как в глазах местного населения они будут пользоваться правом бесспорного пользования как «оживившие землю». Пуск Султанбентской плотины вынудил бы уничтожить посевы по каналу Султан-яб. Пользование водой по правому и левому берегам Мургаба увеличило бы ее объем, поступающий в пользование сарыков. Рост их землепользования в любом случае потребовал бы роста ирригационных мощностей. А признание за сарыками права на орошение земель, лежащих вне зоны их традиционного расселения, могло вызвать такие же настроения и у мервских текинцев.

Конечно, с точки зрения социальной справедливости любой из этих аргументов можно без труда оспорить. Тем более что С. Ю. Толстой и не скрывал намерения выделять сарыкам и текинцам в будущем (после восстановления Султанбента) воды, «сообразуясь с действительной потребностью, пропорционально площади земель в том и другом оазисе»⁵³. В итоге сарыкам следовало осознать выгоду от строительства новой плотины и ликвидации собственной Казыклыбентской и согласиться на «участие в восстановлении Султанбента». Это мнение и стало официальной позицией Главного управления, выраженной

⁵² РГИА. Ф. 515. Оп. 45. Д. 838. Л. 7 об.

⁵³ Там же. Л. 11–12.

в отношении С. Толстого к Н. Тевяшеву, которое завершалось «покорнейшей просьбой не отказать в зависящем распоряжении относительно того, чтобы впредь был введен самый строгий надзор за водопользованием йолотанских сарыков и установлен на Казыклыбенте и выше этой плотины фактический контроль за тем, чтобы они не пользовались водой в количестве большем, чем им полагается»⁵⁴.

В 1909 г. были введены в строй новые Султанбентская и Йолотанская плотины и вопрос о предоставлении сарыкам земли на правом берегу Мургабского государева имения на особых условиях отпал сам собой.

Заключение. Как бы ни хотелось в истории с сарыками найти неприязненное отношение к ним со стороны какой-либо российской администрации, приходится признать, что она действовала на основании закона. Конечно, сарыки отстаивали свое право на возделывавшиеся ими земли. Но право на пользование этими землями закрепила за ними российская власть. И, когда возник спор, на их сторону однозначно встала местная уездная администрация. А удельное ведомство искало и нашло легальный путь удовлетворения этих законных требований. Пусть это произошло не сразу. Но любая бюрократическая машина не в состоянии немедленно удовлетворить даже законное требование — для этого необходимо время. Время для выяснения всех обстоятельств и принятия справедливого решения. Заметим, что в это время и управление имением, и руководство Департамента уделов предпринимали шаги, для того чтобы облегчить бремя местных земледельцев, искали иные варианты разрешения проблемы.

Конечно, сарыки нуждались в дополнительных орошаемых площадях. Но в этом случае, создавая льготные условия для одних туркмен, удельное ведомство должно было бы распространить их и на других. Не следует забывать, что Мургабское государево имение создавалось не для материальной поддержки туркмен, а для извлечения прибыли из развитого агропромышленного комплекса и пополнения государственной казны. А потому не могло пойти на изменение условий аренды земельных участков какой-то группы своих арендаторов. Более того, некоторые его руководители намеревались использовать бесплатный труд сарыков во имя будущего блага при строительстве плотин. Но в этом случае возобладал здравый смысл и настойчивость закаспийской областной и туркестанской краевой администраций. Притязания уделов на даровой труд сменились вполне законным требованием соблюдать нормы водопользования. Сами же эти нормативы и соблюдение их местными жителями, арендаторами и служащими имения должны стать предметом отдельного исследования.

⁵⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 15. Л. 14–16.

Литература

1. Брусина О. И., Соловьева Л. Т. Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова: антиколониальная критика имперского подхода // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/>; <https://doi.org/10.18254/S207987840023218-8>
2. Васильев Д. В. Мургабское государево имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88.
3. Васильев Д. В. Социальная структура Мургабского государева имения (1889–1912): планы и действительность // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 10. С. 360–379. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379>
4. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
5. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Восточная литература, 1960. 239 с.

References

1. Brusina O. I., Solov'eva L. T. [Murgabskoe gosudarevo imenie v Bairam-Ali po materialam G. I. Karpova: antikolonial'naiia kritika imperskogo podkhoda [Murghab Sovereign's Estate in Bairam-Ali based on the materials of G. I. Karpov: Anti-colonial critique of the imperial concept] // Istoriya. 2022. Vol. 13. № 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023218-8-1/>; <https://doi.org/10.18254/S207987840023218-8> (In Russ.).
2. Vasilyev D. V. Murgabskoe gosudarevo imenie: osobennosti ekonomicheskogo razvitiia i protsessa kolonizatsii v kontse 1880-kh gg. [Murghab Sovereign's Estate: features of economic development and the process of colonisation in the late 1880s] // Journal of the Belarusian State University. History. 2024. № 4. P. 78–88. (In Russ.).
3. Vasilyev D. V. Sotsial'naiia struktura Murgabskogo gosudareva imeniia (1889–1912): plany i deistvitel'nost' [Social structure of Murghab Sovereign's Estate (1889–1912): Plans and reality] // Nauchnyi dialog. 2024. № 13 (10). P. 360–379. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379> (In Russ.).
4. Kanoda N. N. Agrarnaia politika tsarizma v Turkmenistane (1881–1917 gg.) [Agrarian policy of Tsarism in Turkmenistan (1881–1917)]. Ashkhabad: Ylym, 1991. 222 p. (In Russ.).
5. Tikhomirov M. N. Prisoedinenie Merva k Rossii [The annexation of Merv to Russia]. Moscow: Vostochnaiia literatura, 1960. 239 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-48-64

Петербургский Михаил Юрьевич

соискатель

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Ярославль, Россия

mpeterburgsky@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7559-0709

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ
ПО УЕЗДАМ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. В статье на материалах делопроизводственных источников изучаются логика и принципы распределения политических ссыльных по уездам губерний Европейского Севера России. Показаны механизмы взаимодействия органов власти в губерниях, рассмотрен вопрос корреляции степени неблагонадежности высылаемого с местом его водворения. Сделан вывод, что вопрос места ссылки последовательно решался на двух уровнях: министерском и губернском. Окончательное место ссылки определял губернатор. Переводы внутри губерний были частой практикой и становились для ссыльных как поощрением, так и наказанием.

Ключевые слова: Архангельская губерния, Вологодская губерния, гласный надзор, евреи, политические ссыльные, революционеры, РСДРП, северные губернии.

Для цитирования: Петербургский М. Ю. Распределение политических ссыльных по уездам губерний Европейского Севера России в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 48–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-48-64>

Original article

UDC 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-48-64

Peterburgsky Mikhail Yu.

PhD Applicant

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl, Russia

mpeterburgsky@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7559-0709

DISTRIBUTION OF POLITICAL EXILES ACROSS THE UYEZDS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA' GOVERNORATES AT THE BEGINNING OF THE 20th century

Abstract. The article, based on office documents, studies the logic and principles of distributing political exiles across the uyezds of the European North of Russia' governorates. It shows the mechanisms of interaction between the authorities in the governorates, and examines the issue of the correlation between the degree of unreliability of the exiled person and the place of his exile. It is concluded that the issue of the place of exile was consistently resolved at two levels: ministerial and gubernatorial. The final place of exile was determined by the governor. Transfers within the governorates were a frequent practice and served as both a reward and a punishment for the exiles.

Keywords: Arkhangelsk Governorate, Vologda Governorate, public surveillance, Jews, political exiles, revolutionaries, RSDLP, northern governorates.

For citation: Peterburgsky M. Yu. Distribution of political exiles across the uyezds of the European North of Russia' governorates at the beginning of the 20th century // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 48–64. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-48-64>

Введение. Высылка административным порядком лиц, «вредных для государственного и общественного спокойствия, в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России, с обязательством безотлучного пребывания там в течение назначенного срока»¹ была введена Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. За короткое время она стала популярной в России внесудебной мерой предупреждения и пресечения преступлений. На срок от одного до пяти лет политически неблагонадежные с точки зрения режима лица подлежали высылке из местностей, в отношении которых властью генерал-губернатора (а там, где они отсутствовали, властью губернатора и градоначальника) вводился режим усиленной охраны². В Санкт-Петербурге и Москве с губерниями, Одессе, Николаеве, Ростове-на-Дону,

¹ Обыск, тюрьма, ссылка. Женева, 1903. С. 23.

² Гессен В. М. Исключительное положение. СПб., 1908. С. 39.

Волынской, Киевской, Подольской и Харьковской губерниях режим усиленной охраны действовал непрерывно, сменяясь во время революции 1905–1907 гг. режимом чрезвычайной охраны.

Административная ссылка подразумевала не только принудительное водворение лица в специально отведенную для того местность, но и подчинение его гласному надзору полиции и, как следствие, определенной системе правил и ограничений. Несмотря на указ Сената о том, что административная высылка могла применяться исключительно к подозреваемым в совершении государственных преступлений, причастности к ним или в принадлежности к революционным организациям, *de facto* она применялась гораздо шире³. В результате наряду с профессиональными революционерами в ссылку зачастую отправлялись далекие от политики обыватели, попавшие в немилость местных властей, многочисленные группы крестьян, причастных к аграрным беспорядкам 1905 г.⁴, и другие лица, заподозренные в активности против царского режима.

В статье предпринята попытка отследить логику и механизмы распределения политических ссыльных губернаторами по уездам вверенных им губерний. Источниковой базой данной статьи стали архивные материалы, выявленные автором в Государственном архиве Вологодской области, а также воспоминания лиц, подвергнутых административной ссылке. Многие архивные материалы вводятся в научный оборот впервые; даты приводятся по старому стилю.

Ход и результаты исследования. Вологодская губерния начала XX в. — это «край малонаселенный, славящийся бездорожьем, лютыми морозами, суровыми лесами и непроходимыми болотами»⁵. Близость к столицам, удобство сообщения с ними, суровый климат и патриархальные нравы жителей губернии сделали ее популярным местом административной ссылки, закрепив за ней репутацию «Подстоличной Сибири»⁶. По «высочайшему повелению» в уездах Вологодской губернии перебивало несколько поколений русских революционеров разных политических течений⁷, прежде всего социал-демократов⁸, среди которых было много образованной интеллигенции⁹. Помимо членов РСДРП, вологодскую ссылку отбывали и представители других партий левого блока: Партии социалистов-революционеров (ПСР), Польской социалистической партии (ППС), бундовцы, анархо-коммунисты, среди которых были русские, поляки, евреи и представители

³ Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 19.

⁴ Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. М., 2005. С. 221.

⁵ Вологодские адреса (из записной книжки Н. К. Крупской) // Красный Север. 1969. 7 ноября.

⁶ Панов Л. С. Вологодская ссылка // Москва – Вологодчина: времен связующая нить. Вологда, 2009. С. 126.

⁷ Их называли «искровцами» // Красный Север. 1983. 30 июля.

⁸ Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сентября.

⁹ Вологодская ссылка (XIX – начало XX в.). Вологда, 2008. С. 2.

других народов¹⁰. Практически тот же социальный и национальный состав представляли собой ссыльные Архангельской и Олонецкой губерний. Ссылка в последнюю была менее популярной, но и там были представители самых разных социальных и национальных групп, также принадлежавшие к разным, преимущественно к социалистическим партиям¹¹.

Наиболее серьезных противников царского режима власти старались размещать в Восточной Сибири. Вологодская губерния, по оценкам современников, считалась комфортным и даже почетным местом ссылки, несмотря на то что статистика направления туда насчитывала до нескольких сотен человек в год¹². Приблизительно таким же легким наказанием считалась ссылка в Олонецкую губернию; чуть более тяжелым — в Архангельскую, ввиду трудности для ссыльных приискать занятия и суровости арктической зимы¹³.

Русско-японская война, а затем и революция 1905–1907 гг. обусловили массовую ссылку на Европейский Север. 30 января 1904 г., через три дня после начала войны, иркутский генерал-губернатор граф П. И. Кутайсов направил в Главное тюремное управление телеграмму с просьбой приостановить отправку ссыльных из Европейской России, поскольку ввиду объявленной мобилизации военное ведомство отказало в назначении конвоиров для сопровождения этапов, а Якутский тракт был занят передвижением запасных воинских чинов. Аналогичное ходатайство было направлено в МВД, и политически неблагонадежные жители империи, ожидавшие этапа в Сибирь, стали отправляться в губернии Европейского Севера¹⁴. Член РСДРП, писатель и публицист Юлиан Лавринович вспоминал: «...я узнал, что мне назначена более легкая кара: ссылка на три года в Архангельскую губернию. Мы избавлены были от Восточной Сибири, но причиной этого была, конечно, не “мягкость” Плеве, а начавшаяся русско-японская война, вследствие которой перевозка политических в Сибирь была приостановлена»¹⁵. Окончательно массовый характер ссылка на Европейский Север приобрела в годы реакции (с 1906 г.)¹⁶. К концу 1907 г. в Архангельской губернии ссыльных было около 1500 чел., а на 5 сентября 1908 г. — уже 2358¹⁷. В 1908 г. политические ссыльные составляли около половины из 1775 ссыльных Олонецкой губернии¹⁸.

¹⁰ Таскаев М. В. Политическая ссылка и репрессивный аппарат на европейском Северо-Востоке Российской империи в начале XX столетия // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2010. № 4 (4). С. 81.

¹¹ Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 74.

¹² Калашиникова Н. В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России. Вологда, 2005. С. 118.

¹³ Ильинский М. В. Архангельская ссылка. Бытовые очерки из истории Архангельской политической ссылки. СПб., 1906. С. 123–124.

¹⁴ Славнитский Н. Р. Указ. соч. С. 72.

¹⁵ Лавринович Ю. Н. В архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4. С. 261.

¹⁶ Серов И. Вологодская ссылка // Вестник знания. 1909. № 8–9. С. 229.

¹⁷ Калашиникова Н. В. Указ. соч. С. 121.

¹⁸ Паииков А. М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 121.

К месту ссылки следовали за свой счет или этапным порядком. Следование за свой счет влекло покрытие ссыльным издержек на его доставку и выплату кормовых сопровождающему жандарму¹⁹. В составе этапа добирались ссыльные, признанные властями наиболее опасными, или те, кто не имел достаточных средств для самостоятельного проезда. «Объявили мне приговор — 3 года гласного надзора в Архангельской губернии. Спрашивали, как поеду: на свой или на казенный счет? На казенный, конечно. Где же мне было достать сотню рублей, чтоб добраться до Архангельска? Отправили этапом. Все расстояние шел пешком, кроме как из Ярославля до Вологды», — вспоминал рабочий-революционер А. Фишер²⁰.

В дорогу ссылаемым дозволялось брать личные вещи. Так, с обвиняемым в революционной пропаганде крестьянином Павлом Трибулевым, следовавшим этапом из Харькова, в вологодскую ссылку отправилось имущество весом в 30 фунтов. В его состав входили: пиджак белый (1 шт.), брюки (1 пара), полотенец 4 шт., табаку $\frac{1}{4}$ фунта, спичек 1 пачка, гильз 1 коробка, кальсон 5 пар, рубашек 5 шт., платков носовых 4 шт., носков 4 пары, стакан и блюдце, ложечка чайная (1 шт.), ботинки (1 пара), мыла 1 кусок²¹. Прибывая в губернский город, ссыльные, ехавшие за свой счет, часто останавливались в гостинице, тогда как прибывшие этапным порядком до личной аудиенции у губернатора, который определял окончательное место ссылки в пределах вверенной ему губернии, помещались в местную тюрьму. В губернском центре ссыльного знакомили с Положением о полицейском надзоре от 1882 г. и комментариями к нему, где были регламентированы его обязанности²².

Аудиенция у губернатора и произведенное на него впечатление играли решающую роль в размещении ссыльного: «не все равно, попасть ли в глухие дебри Архангельской губернии, куда-нибудь в Пустозерск, Колу, Александровск, или остаться в самом Архангельске. Условия жизни... слишком разнятся в зависимости от места жительства ссылаемого»²³. Тем не менее разрешение этого вопроса во многом зависело от тяжести вменяемых ссыльному деяний, а также от степени его раскаяния. Юлиан Лавринович так описывал встречу с архангельским губернатором Н. А. Римским-Корсаковым: «Я предстал пред лицом человека, которому была вверена моя дальнейшая судьба. Это был весьма корректного вида господин с немного инглизированной внешностью, в контр-адмиральском сюртуке, застегнутом на все пуговицы.

— Вы г. Лавринович? — приветливо обратился ко мне губернатор.

Я ответил утвердительно.

¹⁹ Овечкина С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 12.

²⁰ Фишер А. В России и в Англии: наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890–1921 гг.). М., 1922. С. 31.

²¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 2. Д. 2507. Л. 1. Л. 2.

²² Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 12.

²³ Ильинский М. В. Указ. соч. С. 14.

Приняв от старшего жандарма пакет и расписавшись в получении его и прилагаемой к нему моей личности, Н. А. Римский-Корсаков отослал жандармов в переднюю комнату и стал расспрашивать меня о деле, по которому я подвергнут был ссылке.

— Я оставил бы вас в Архангельске, — сказал он, переходя после вопросов в официальный тон, — если бы вы дали мне обещание не участвовать в беспорядках и сходках и не поддерживать близких отношений с политическими ссыльными.

— Я не могу дать вам обещания не поддерживать общения с ссыльными, — отвечал я. — Ведь это мои товарищи по участи, многих из них я знаю по Петербургу, да и вообще, это — единственное общество, с которым, в моем положении, я могу и захочу сойтись.

— О, нет, — возразил мне губернатор, — я вовсе не требую, чтобы вы с ними не знакомились, но надеюсь, что от этого не произойдет никаких беспорядков.

Я молчал; молчал и губернатор. Прошла минута этого неловкого молчания.

— Ну, так вот, — прервал губернатор наше молчание, — для опыта я оставлю вас в Архангельске, но прошу вас не забывать, что если вы будете беспокойны, то я вынужден буду выслать вас в уезд.

Я поклонился, и аудиенция наша окончилась. Губернатор позвал жандармов и объявил им, что конвой для меня более не нужен, и они могут возвращаться в Петербург, а мне предложил отправиться в управление Архангельского полицеймейстера для регистрации и получения вида на жительство»²⁴.

Несмотря на важность аудиенции у губернатора, степень его самостоятельности в определении места ссылки была относительна. Решение об административной ссылке принимало образуемое согласно ст. 34 Положения о государственной охране Особое совещание, состоявшее из пяти человек — представителей Министерства внутренних дел и Министерства юстиции; утверждал это решение министр внутренних дел²⁵. На совещании определялся регион, куда подлежал отправке ссылаемый. Однако формулировки, содержащиеся в постановлениях министра внутренних дел о высылке лиц, разнообразны. Например, неблагонадежное лицо могло подлежать высылке «в одну из северных губерний Европейской России», «в Вологодскую губернию», «в отдаленные уезды Вологодской губернии». Так, в 1906 г. при рассмотрении в Особом совещании обстоятельств дела о содержащихся под стражей в Богодуховской тюрьме лицах, обвиняемых в противоправительственной агитации среди крестьян Сумского уезда, министр внутренних дел постановил «выслать названных лиц в отдаленные уезды Вологодской губернии под гласный надзор полиции на три года»²⁶. В таких случаях губернатор, подчиняясь постановлению министра, не мог оставить ссыльного в губернском центре.

²⁴ Лавринович Ю. Н. Указ соч. С. 262–263.

²⁵ Земляков А. В. Указ. соч. С. 18.

²⁶ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1496. Л. 1–1об.

Делопроизводственные источники, выявленные нами в фондах Вологодского губернского жандармского управления (далее — ВГЖУ) и канцелярии вологодского губернатора, свидетельствуют о случаях, когда ссыльному предоставлялась возможность выбрать место водворения по своему вкусу. Так, выбор земского фельдшера Дмитрия Костина пал на Вологду, куда он прибыл 13 ноября 1906 г. из Вятской губернии²⁷. Такое же право было дано потомственному почетному гражданину Аркадию Петровых, но с ограничением в виде столиц, столичных и Ярославской губерний. Местом жительства Петровых избрал г. Грязовец Вологодской губернии, куда и отправился из Рыбинска с проходным свидетельством 14 июня 1907 г. Его товарищи, мещане С. Проскурин и Д. Марков, содержащиеся в Рыбинской тюрьме, отправились в Вологодскую губернию этапом. МВД не отказало Петровых и в просьбе отбыть остающийся срок подчинения гласному надзору полиции в другом месте, и из Грязовца Петровых впоследствии переехал в Смоленск²⁸. В 1909 г. министр внутренних дел санкционировал переезд бывшему учителю Константину Ташевскому, и тот для отбытия остающегося срока надзора полиции выбыл из Усть-Сысольска Вологодской губернии в Бердянск²⁹.

В ряде постановлений МВД содержатся конкретные ограничения, касающиеся мест, проживание в которых для ссылаемого недоступно. Так, дворянину Логгину Пантелееву и его жене на три и на два года соответственно воспрещено «жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях»³⁰. Более точную картину запрещенных для проживания местностей МВД определило для крестьянки Акулины Бяковой, которая проживала в столице около семи лет, работая на местных фабриках. В течение года ей запрещено жительство не только в столицах, но и в губерниях, столичных, Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской и Орловской. В этом присутствует своя логика: как отметил помощник начальника ВГЖУ в Велико-Устюжском уезде в рапорте вологодскому начальству, перечисленные губернии отличаются «наибольшей фабричной производительностью и фабричным населением, а отсюда можно предполагать, что Бякова была причастна по С.-Петербургу к фабричным беспорядкам...»³¹.

Повышенное внимание власти уделяли размещению наиболее активных революционеров, которые «чаще всего ссылались в дальние уезды губерний»³². После Первой русской революции, когда города Вологодской губернии до отказа наполнились ссыльными³³, в «такие медвежьи, в прошлом, уезды обширной

²⁷ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1311. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 2691. Л. 1. Л. 16.

²⁹ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3851. Л. 20.

³⁰ Там же. Ф. 129. Оп. 3. Д. 244. Л. 1об.

³¹ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 270. Л. 7–7об.

³² Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 13.

³³ В годы реакции, наступившей после поражения революции 1905–1907 гг., количество ссыльных в Яренске превышало число местного населения, в Сольвычегодске с населением

Вологодской губернии, как Усть-Сысольский, Никольский, Яренский и Тотемский, отсылались наиболее опасные для правительства люди»³⁴.

Одним из таких людей был фабричный рабочий Петр Гончаров. Согласно агентурным сведениям, Гончаров, еще с 1907 г. принадлежавший к Московской организации Российской социал-демократической рабочей партии, отличался исключительным общим развитием и фанатичной преданностью делу местной подпольной организации, популяризировал в рабочих массах программу и идеалы РСДРП, распространял нелегальную литературу и играл «выдающуюся роль в деле побуждения рабочих к устройству стачек и демонстративных забастовок»³⁵.

В ночь с 12 на 13 апреля 1911 г. Гончаров был арестован при ликвидации Московской организации РСДРП. В качестве меры административного взыскания его на пять лет отправили в Сольвычегодск Вологодской губернии, откуда он подал прошение о переводе в Великий Устюг, «где бы он мог найти себе какую-либо работу». 19 июля 1912 г. начальник ВГЖУ полковник Конисский уведомил губернатора, что перевод Гончарова в Великий Устюг крайне нежелателен. 4 декабря 1912 г. Конисский, получив сведения от Сольвычегодского исправника о «вызывающем поведении ссыльного Гончарова и о нанесении им оскорблений полиции и объединении ссыльных», ходатайствовал перед губернатором о размещении Гончарова изолированно от прочих ссыльных назначением в наиболее отдаленные селения Удорского края (ныне в составе Республики Коми), поскольку тот является «безусловно неисправимым убежденным революционером». Губернатор внял доводам Конисского, и 1 января 1913 г. Гончаров в составе этапа был отправлен в село Селиб Яренского уезда, где он пробыл до 23 октября и за применением к нему Высочайшего указа от 21 февраля был от надзора освобожден, выбыв с бессрочной паспортной книжкой на родину, в Москву. Гончаров «за время бытности под надзором, поведения был плохого, держал себя с чинами полиции грубо и вызывающе, замечался в участии на сходках ссыльных», за что по распоряжению губернатора подвергался аресту на 5 суток³⁶.

Другим революционером, к вопросу размещения которого губернские власти также подошли с пристальным вниманием, был соратник Гончарова по Московскому отделению РСДРП, 24-летний крестьянин Валериан Плетнев, высланный в 1911 г. по распоряжению министра внутренних дел под гласный надзор полиции «в одну из северных губерний Европейской России сроком не менее трех лет». До задержания Плетнев вел организационно-пропагандистскую работу: занимался распространением среди фабрично-заводских рабочих нелегальной партийной литературы и организовал пропагандистский кружок

1200 жителей ссыльных было до 1000 человек. См.: Политические ссыльные на Севере // Звезда. 1967. 2 сентября.

³⁴ Члены РСДРП в тотемской ссылке // Ленинское знамя. 1967. 25 мая; 27 мая.

³⁵ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5156. Л. 3 об.

³⁶ Там же. Л. 5–6. Л. 9. Л. 10–10 об.

для подготовки рабочих к «сознательной революционной деятельности в духе с.-д-ской партийной программы»³⁷.

4 апреля 1911 г. Плетнев был задержан в пьяном виде чинами наружной полиции на улице, а 4 августа прибыл с этапом в г. Никольск. В Никольске он сразу же включился в подпольную работу и проявил себя как активный революционер. Там он близко сошелся со ссыльной Любовью Никольской, на которой задумал жениться, и для вступления в законный брак подал ходатайство о переводе из Никольска в Кадников. 26 декабря 1911 г. в канцелярию вологодского губернатора от начальника ВГЖУ Конисского пришел рапорт о том, что Плетнев принадлежит к числу убежденных партийных лиц и активных ссыльных Никольска. «Перевод его оттуда желателен, но было бы более желательно, чтобы он и его невеста Никольская были бы переведены в более отдаленное место, чем Кадников, напр. Великий Устюг, где они будут под лучшим надзором. Неблагоприятные сведения имеются и о Никольской»³⁸.

Губернатор согласился с предложением Конисского, и 6 февраля 1912 г. Плетнев прибыл в Великий Устюг, где того же числа был подчинен гласному надзору местной полиции. Однако уже 7 марта Конисский получил от своего помощника ротмистра Плотто ходатайство о переводе ссыльного Плетнева «из гор. Устюга куда-либо в другое место ссылки». Поскольку Плотто не обосновал необходимость перевода, Конисскому пришлось сделать это за него. Он поставил на вид помощнику неполноту ходатайства («...на будущее время в донесениях Ваших с ходатайством о переводе кого-либо из ссыльных в другое место подробнее излагайте об основаниях ходатайства») и, так как репутация ссыльного Плетнева была известна, в письме губернатору изложил эти основания сам. По предложению Конисского Плетнева отправили в Яренск, где у него «не было бы такого близкого ему круга ссыльных, какой у него создавался в Устюге»³⁹. Отбыв положенный срок гласного надзора, Плетнев 28 июня 1914 г. выбыл на жительство в Москву⁴⁰.

Если постановлением МВД ссыльному предписывалось следовать в отдаленные уезды губернии или встреча с губернатором не возымела желательного эффекта и местом ссылки все же был определен медвежий угол, ссыльные, чтобы остаться в губернском городе, отсрочить отправку в глухой уезд или выбраться из него, старались использовать широкий арсенал доводов. К самым распространенным доводам, фигурирующим в прошениях ссыльных на имя «начальника губернии», относятся ссылки на состояние здоровья. Так, обращаясь к вологодскому губернатору в ноябре 1912 г., революционер и публицист Вацлав Воровский просит разрешения остаться на жительстве в Вологде

³⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5149. Л. 2 об. – 3.

³⁸ Там же. Л. 5.

³⁹ В 1912–1913 гг. число ссыльных в Яренске уменьшилось приблизительно до пятидесяти человек: «частью за освобождением их и возвращением на родину, а также вследствие выселения в села и деревни». См.: *Оглоблин Н. Н.* Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132. № 6. С. 919.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5149. Л. 7–8. Л. 10–13.

«впредь до выздоровления». Воровский, страдающий «затвердением поясных позвонков и ревматическими явлениями в других суставах», уведомляет губернатора, что его болезнь требует специального лечения и наблюдения врача-специалиста, и прилагает к прошению два свидетельства: профессора хирургии Новороссийского университета и врача Вологодской тюремной больницы⁴¹. Ссылный Г. Луппо в феврале 1908 г. корреспондирует товарищу в Москву: «Все еще живу в Вологде, хотя губернатор и сказал, что я назначен в Кадников, но мне понравилась здешняя жизнь, и я способен даже заболеть, чтобы его превосходительство оставил меня здесь для лечения. Болезнь у меня выдающаяся, но поймут ли ее губернаторские врачи — вот вопрос, называется она “дельтовидная мышца правой руки, пораженная неполным параличом”»⁴².

Доводами, которые помогают ссылным обосновать необходимость переезда, являются также и вопросы их имущественного положения и материального довольствия. Трудность поиска работы, малый размер пособия и задержка его выдачи со стороны местных исправников⁴³ создавали для некоторых ссылных патовую ситуацию. Вместе с тем отдельные прошения о переводе удовлетворялись. Так, положительно разрешилось дело крестьянина Киевской губернии Пимена Уманца, находившегося под гласным надзором полиции в г. Яренске. В прошении от 4 июля 1909 г. Уманец обратился к губернатору с просьбой о переводе из Яренска в один из ближайших к железной дороге городов Вологодской губернии. Просьбу он обосновал тем, что срок гласного надзора заканчивается «в декабре месяце, когда морозы достигают до 35 градусов», после чего он должен отбыть на родину; однако за неимением средств и теплой одежды проезд из Яренска до ст. Котлас, через которую лежит его путь домой, для него затруднен. Губернатор удовлетворил прошение, и Уманца перевели в Грязовец⁴⁴. Меньше повезло ковенскому мещанину Э. Попляку, состоявшему под гласным надзором в селе Усть-Кулом Усть-Сысольского уезда. 20 сентября 1911 г. он безуспешно ходатайствует о переводе в Усть-Сысольск. Аргументом Попляка, пребывающего в затруднительном финансовом положении, служит невозможность найти занятие: по профессии он жестянщик и заработок, соответствующий его ремеслу, возможен только в городе. Местный уездный исправник поддержал ходатайство Попляка, однако тот, так и не дождавшись положительного решения губернатора, убыл в самовольную отлучку, из которой не возвратился⁴⁵.

Иногда в ходатайствах о переводе ссылные или их родственники указывают на желание поселиться недалеко от родных, но такого рода ходатайства не встречают поддержки у губернской администрации, которая стремится блокировать попытки ссылных сгруппироваться по какому-либо признаку.

⁴¹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 5151. Л. 4.

⁴² Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 5.

⁴³ Письмо из тюрьмы: к положению политических ссылных (в Вологде) // Северная земля. 1906. № 107.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3142. Л. 12 об. Л. 13–14.

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 263. Л. 12–13. Л. 16.

Так, Юлиан Закржевский, отец 18-летней Людмилы Закржевской, подлежащей высылке в отдаленные уезды Вологодской губернии за революционную агитацию, хлопотал о водворении своей внебрачной дочери в г. Кадников, где уже проживала ее мать, административно-ссыльная Лидия Коротнева. Губернатор отклонил прошение и назначил Закржевской местом жительства г. Никольск, куда та и прибыла с этапом 3 декабря 1907 г.⁴⁶

Среди административно-ссыльных Европейского Севера был высок процент выходцев из еврейской среды. Евреи активно включались в революционную борьбу, страдая от многочисленных притеснений местных властей; кроме того, положение еврейских рабочих было хуже, чем положение рабочих-христиан: последние работали преимущественно на заводах и фабриках, тогда как евреи — в мастерских, «где за нищенскую плату нередко трудились не только мужчины, но и женщины и дети»⁴⁷. Евреи расценивались властями как убежденные революционеры и по этой причине «всегда направлялись в отдаленные места губернии. Вследствие этого в городах Яренск, Усть-Сысольск, Никольск и селе Усть-Кулом почти всегда существовали довольно многочисленные группы еврейских ссыльных. Помещение в условия худшие, чем представителей титульной нации... подталкивало евреев к активной борьбе за свои права»⁴⁸. Так, в подаваемых ими ходатайствах о переводе административно-ссыльные евреи старались перечислить максимум факторов, которые должны были способствовать их водворению в более комфортные средовые условия.

Мещанин Витебской губернии Шмуил Бирезин, которому в качестве места отбывания срока надзора был назначен Яренск, 7 июля 1906 г. ходатайствует перед губернатором об оставлении в Вологде для лечения. На момент подачи прошения Бирезин находился в больнице и был неспособен следовать к месту ссылки. Городовой врач, освидетельствовавший Бирезина, заключил, что тот болен общим малокровием, хроническим катаром желудка и хроническим бронхитом, «каковые болезни требуют продолжительного лечения при условии проживания в г. Вологде или ближайших к нему городах, так как климат дальних уездов Вологодской губернии для Бирезина вреден». Яренск был заменен на Тотьму. 1 сентября 1906 г. Бирезин пишет новое прошение губернатору, в котором сетует на то, что в Тотьме нет молитвенного дома и духовного лица еврейского исповедания, вследствие чего он, не имея утешения религии, просит губернатора перевести его в Вологду, где имеется синагога. Бирезина вернули в Вологду через восемь месяцев — 8 мая 1907 г.⁴⁹

Состоянием здоровья и отсутствием в уездных городах Вологодчины еврейских религиозных учреждений обосновывал стремление остаться в губернском центре и ссыльный Моисей Рубанов. Но поскольку врачебное отделение

⁴⁶ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2936. Л. 2–3. Л. 6–6 об. Л. 9.

⁴⁷ Левитац И. Еврейская община России, 1772–1917. М., 2013. С. 471.

⁴⁸ Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX — начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 37.

⁴⁹ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2093. Л. 1, 5, 8, 10, 14.

Вологодского губернского правления пришло к выводу, что он, как страдающий хроническим катаром желудка и головными болями, может лечиться в любом из городов Вологодской губернии, Рубанов был отправлен в назначенный ему губернатором Усть-Сысольск. Оттуда он снова пишет губернатору: «Ваше Превосходительство! Мне уже 37 лет. Вырос я и воспитывался при строгом соблюдении догматов своей веры, ни на йоту не отступая от них, так как видел в этом для себя смысл жизни. <...> Переведите меня в г. Вологду, где жизнь для таких людей, как я, более возможна». Губернатор прошение о переводе отклонил. Рубанов еще несколько раз обращался к губернатору, но прошения снова были отклонены. Однако 18 августа 1908 г. вологодский губернатор перенаправил министру внутренних дел прошение жены Рубанова, ходатайствующей о возвращении мужа из ссылки. Губернатор, имея от исправника сведения о Рубанове как о добропорядочном и неконфликтном человеке, подтвердил министру, что ссыльный поведения был одобрительного и ни в чем предосудительном не замечался. Обстоятельства дела о Рубанове были пересмотрены. 31 января 1909 г. он был освобожден из-под надзора полиции и выбыл с проходным свидетельством в г. Новозыбков Черниговской губернии, где его ждали жена и семеро детей⁵⁰.

Любопытной выглядит переписка, которую вела с властями губернии 21-летняя дочь купца из г. Ромны Фейга Левина, высланная на два года в «отдаленные уезды» Вологодчины. Левина, местом пребывания которой назначен г. Вельск, просит губернатора о переводе в более крупный Великий Устюг: «Страдая зубной болью и нуждаясь в помощи зубного врача, прошу разрешить мне переехать на время ссылки в Великий Устюг, где кроме медицинской помощи я буду иметь и материальную поддержку, так как там имеются у меня родственники». Медицинское освидетельствование, инициированное вследствие подачи прошения, выявило, что у Левиной «во рту имеется несколько порченных зубов, которые по временам болят». Тем не менее ходатайство о переводе было отклонено. Вскоре после этого Левина снова обращается к губернатору: «Ввиду того, что из-за сильной близорукости зрение у меня все более и более ухудшается, в Вельске мне не могут оказать никакой помощи, я прошу разрешить мне переехать в Вологду». Новое освидетельствование установило, что Левина, проводящая много времени в библиотеке, действительно близорука, носит очки, читает с большим трудом и на очень близком расстоянии. На этот раз губернатор пошел навстречу, разрешив Левиной выезд в Вологду и лечение у местного специалиста в течение двух недель. Левина, прибыв в разрешенную отлучку и стремясь закрепиться в губернском центре, еще несколько раз обращалась к губернатору с просьбами о лечении зубов, параллельно подавая прошения на материальную помощь (по обоим пунктам ей было отказано). Итогом активной переписки стало решение губернатора разместить Левину в Тотьме, где она пробыла с 27 января по 26 марта 1909 г.⁵¹

⁵⁰ ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4273. Л. 11, 14–14 об., 25–26, 35–35 об., 40–41.

⁵¹ Там же. Д. 2550. Л. 1, 5, 20–22, 25, 26 а – 28, 33, 60, 80.

Если активность ссыльных попадала в поле зрения местных властей и казалась тем чрезмерной или они оказывались в немилости у губернатора, были замешаны в каком-либо инциденте или заподозрены во вредном влиянии, им грозил перевод на новое место. Таким образом, нередко ссыльные отбывали срок положенного гласного надзора не в одном населенном пункте. Так, в 1909 г. из Кадникова в Никольский уезд, «один из самых захолустных и далеких» районов Вологодской губернии, прибыла для дальнейшего отбывания срока ссылки группа социал-демократов. Все они были высланы из Кадникова за распространение нелегальной литературы, организацию нелегальных собраний, агитацию среди крестьян и неподчинение местной полиции⁵². 5 июля 1908 г. в Вологде были произведены аресты политических ссыльных, у которых 13 июня прошли безрезультатные обыски. 27 арестованных были высланы в разные города губернии: двое — в ближайший к Вологде Грязовец, остальные 25 — в Тотьму, Никольск, Вельск, Сольвычегодск, Усть-Сысольск и Яренск.

В новые места водворения ссыльные были отправлены этапным порядком, что в ряде случаев обуславливало длительное путешествие: так, в Усть-Сысольск этап добрался лишь спустя 52 дня. Ссыльные реагировали на переводы с недоумением: большинству из них до окончания срока гласного надзора оставалось несколько месяцев, а некоторым из них — несколько дней⁵³. За месяц до окончания срока ссылки был переведен из Вологды в Кадников некто Дрелинг: таким было наказание за перепалку с председателем земского собрания. Из Вологды в Тотьму перевели Анатолия Луначарского за то, что его корреспонденция в «Северном крае», как заявил об этом управляющий акцизным округом Миквич, вносила недовольство в среду рабочих Вологодского винного склада⁵⁴.

Власти стремились смешать в одном населенном пункте участников различных конкурировавших между собой политических организаций, полагая, что они не смогут достичь единодушия⁵⁵. Однако это не приводило к желательному результату: ссыльные быстро осваивались на новом месте и моментально налаживали там революционную работу. Это вызывало закономерное беспокойство губернских властей. Так, 30 апреля 1909 г. вологодский губернатор А. Н. Хвостов уведомлял начальника ВГЖУ о том, что с начала весны им наблюдается особое накопление ходатайств ссыльных о переводе в город Усть-Сысольск, «тщательно ими до сего времени избегавшийся». Эти ходатайства, по мнению губернатора, давали указания на подготовку в Усть-Сысольске «какой-либо противоправительственной организации», выяснение сути которой он поручил начальнику жандармского управления⁵⁶.

⁵² Их дум высокое стремление // Авангард. 1986. 17 июля.

⁵³ Растасовка ссыльных: город Кадников Вологодской губернии // Современное слово. 1908. 12 июля.

⁵⁴ Корреспонденция из Вологды: на страницах газеты «Искра» // Красный Север. 1976. 27 февраля.

⁵⁵ Овечкина С. Ю. Указ. соч. С. 13.

⁵⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3154. Л. 21.

Губернаторы северных губерний занимали разную позицию в отношении ссыльных, однако в целом их политику нельзя охарактеризовать как строго репрессивную, как это подавалось во многих источниках советского периода. Вологодские губернаторы Л. М. Князев и его преемник А. А. Лодыженский не отличались административной жесткостью и оказывали ссыльным всевозможные послабления. Л. М. Князев напрямую высказывал некоторым чинам губернской администрации и полиции пожелание «ссыльных ни в чем не стеснять»⁵⁷. При А. А. Лодыженском, поведение которого «сильно отличалось от образа действия 99 % российских администраторов, в Вологде царили конституционные настроения». Книжные прилавки были полны конфискованной по всей России литературой, ссыльным предоставляли полную свободу. Бежавших ссыльных не преследовали. Если беглец вдруг возвращался, то его «снова включали на выдачу пайка и кончено»⁵⁸.

Пришедший на смену А. А. Лодыженскому ставленник Столыпина А. Н. Хвостов, имевший репутацию сильного управленца, постепенно ужесточил курс политики в отношении ссыльных. Однако и он, опасаясь ссыльных и ожидая с их стороны покушения на свою жизнь, серьезно преследовал только кадетов, в которых видел своих личных врагов⁵⁹. В начале срока полномочий А. Н. Хвостов делал ссыльным различные уступки и даже предпринял осенью 1907 г. известную попытку созыва съезда ссыльных для совместного обсуждения вопросов ссылки и выработки мер к улучшению их положения. На съезд пригласили и местных исправников; председателем был назначен начальник ВГЖУ. Ссыльные, усмотрев в этом провокацию, объявили, что они в совещании участвовать не будут и, предложив организовать совещание одних ссыльных наедине с губернатором, ушли⁶⁰. Губернатор тут же «послал вслед делегатам полицейских с требованием немедленно разъехаться по уездам, в противном случае они будут отправлены этапом. Съезд был сорван»⁶¹. С этого момента наметился перелом в отношении А. Н. Хвостова к политическим ссыльным. В вопросе их размещения он занял последовательную позицию и старался направлять ссыльных в наиболее отдаленные уезды Вологодской губернии. На его позицию влиял и местный отдел Союза русского народа, который оформился в Вологде в феврале 1906 г. и которому А. Н. Хвостов симпатизировал⁶². Члены местного отдела СРН считали, что все зло в «патриархальной Вологде происходит от политических ссыльных» и ходатайствовали перед губернатором об удалении ссыльных

⁵⁷ Коновалов Ф. Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда, 2006. С. 130.

⁵⁸ Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

⁵⁹ Трапезников В. В стране неволи // Каторга и ссылка. 1925. № 6 (19). С. 214.

⁶⁰ Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 79.

⁶¹ Политическая ссылка: отрывки воспоминаний // Огонек. 1925. № 51 (142). С. 8–9.

⁶² Егоров А. Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 1 (46). С. 30.

из губернского центра⁶³. Так же как и А. Н. Хвостов, системы жесткой изоляции ссыльных придерживались архангельские губернаторы Н. А. Римский-Корсаков и Н. Г. фон Бюнтинг, расселяя их по отдаленным поселкам Печорского и Мезенского уездов⁶⁴. Однако на местах это далеко не всегда ограничивало свободу их передвижения. Так, ссыльный революционер, юрист Владимир Трапезников и его товарищи успешно обжаловали в Архангельском окружном суде решение мирового судьи, оштрафовавшего их по заявлению местного урядника за самовольную отлучку. Дело прекратили за отсутствием состава преступления, что дало ссыльным возможность беспрепятственно посещать друг друга в соседних селениях⁶⁵.

Заключение. Вопрос места водворения административно-высылаемого лица последовательно решался на двух уровнях. Особое совещание при министре внутренних дел чаще задавало лишь регион ссылки, тогда как окончательное место ссылки определял его губернатор, основываясь на результатах личной встречи со ссыльным и характере вменяемых ему деяний. Высылаемых на Европейский Север активных революционеров размещали в отдаленных уездах, менее «опасным» ссыльным позволяли остаться в Вологде, Архангельске и Петрозаводске.

Ссыльные старались избежать водворения в отдаленные уезды и закрепиться в губернских центрах. Ключевым инструментом для этого были прошения губернатору. Такие прошения выборочно удовлетворялись, однако губернские власти не проявляли благосклонности к членам РСДРП с активной партийной биографией и евреям, которых в революционной среде было много и которых власти расценивали как неисправимых революционеров.

Переводы ссыльных из уезда в уезд были нередки и использовались также как мера наказания и предотвращения организации подпольной революционной работы. Эти переводы часто инициировались по рекомендации губернского жандармского управления, которое обладало в этом вопросе правом совещательного голоса, получая информацию о поведении ссыльных от уездных исправников и доводя ее до сведения губернатора.

Литература

1. Андреев А. А. Из революционной деятельности рабочих революционеров в вологодской ссылке (1910–1912 гг.) // Авангардная роль пролетариата в революционном движении России (1895–1917 гг.). М.: [Б. и.], 1973. С. 89–99.

2. Егоров А. Н. Организации правых партий в городах Европейского Севера России в начале XX века // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 1 (46). С. 29–32.

⁶³ Вологда в последние годы Российской империи (начало XX века) // Насон — история города Вологды: сайт. URL: <https://nason.ru/posledniegodiiimperii/> (дата обращения: 06.11.2024).

⁶⁴ Ильинский М. В. Указ. соч. С. 56.

⁶⁵ Трапезников В. Указ. соч. С. 210.

3. Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2 (23). С. 17–20.
4. Калашникова Н. В. Практика политической ссылки на Европейском Севере в XIX – начале XX веков // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы науч. конф. (5–6 февраля 2004 г.) / [редкол.: М. А. Безнин (гл. ред.) и др.]. Вологда: Вологод. ин-т права и экономики ФСИН России, 2005. С. 115–121.
5. Коновалов Ф. Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: материалы научной конференции (Вологда – Молочное, 2–3 марта 2006 г.). Т. 1. Вологда – Молочное: Вологод. гос. молочнохоз. академия им. Н. В. Верещагина, 2006. С. 129–136.
6. Левитац И. Еврейская община России, 1772–1917. М.: Книжники, 2013. 656 с.
7. Овечкина С. Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. 21 с.
8. Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие краеведения на Русском Севере в XIX – начале XX в.: опыт переосмысления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 2. С. 112–126.
9. Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина, С. В. Тютюкина. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
10. Рычкова Н. Роль национальных групп в революционном движении во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НСО. 2006. Вып. 4. С. 36–41. URL: 1378569_36-41.pdf
11. Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонецкую губернию накануне Первой российской революции (по материалам архива министерства юстиции) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.90>
12. Таскаев М. В. Политическая ссылка и репрессивный аппарат на европейском Северо-Востоке Российской империи в начале XX столетия // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2010. № 4 (4). С. 80–86.

References

1. Andreyev A. A. Iz revoliutsionnoi deiatel'nosti rabochikh revoliutsionerov v vologodskoi ssylke (1910–1912 gg.) [From the revolutionary activities of workers-revolutionaries in exile in Vologda (1910–1912)] // Avangardnaia rol' proletariata v revoliutsionnom dvizhenii Rossii (1895–1917 gg.) [The vanguard role of the proletariat in the Russian Revolutionary movement (1895–1917)]. Moscow: [NP], 1973. P. 89–99. (In Russ.).
2. Yegorov A. N. Organizatsii pravyykh partii v gorodakh Evropeiskogo Severa Rossii v nachale XX veka [Organizations of right-wing parties in the cities of the European North of Russia at the beginning of the 20th century] // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University]. 2013. Vol. 2. № 1 (46). P. 29–32. (In Russ.).
3. Zemlyakov A. V. Administrativnaia ssylka v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX vv. [Administrative exile in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries] // Omskii nauchnyi vestnik [Omsk Scientific Bulletin]. 2003. № 2 (23). P. 17–20. (In Russ.).

4. Kalashnikova N. V. Praktika politicheskoi ssylki na Evropeiskom Severe v XIX – nachale XX vekov [The practice of political exile in the European North in the 19th – early 20th centuries] // Evropeiskii Sever v sud'be Rossii: obshchee i osobennoe istoricheskogo protsessa: materialy nauchoi konferentsii (5–6 fevralia 2004 g.) [The European North in the fate of Russia: the general and special historical process: proceedings of the Scientific Conference (February 5–6, 2004)] / [eds: M. A. Beznin (chief editor) and others]. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki FSIN Rossii, 2005. P. 115–121. (In Russ.).

5. Konovalov F. Ya. Effektivnost' administrativnoi ssylki kak mery nakazaniia v nachale XX veka (po materialam Vologodskoi gubernii) [The effectiveness of administrative exile as a punishment measure at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Vologda province)] // Evropeiskii Sever Rossii: traditsiia i modernizatsionnye protsessy: materialy nauchnoi konferentsii (Vologda-Molochnoe, 2–3 marta 2006 g.) [The European North of Russia: tradition and modernization processes: proceedings of the scientific conference (Vologda – Molochnoye, March 2–3, 2006)]. Vol. 1. Vologda – Molochnoe: Vologodskaiia gosudarstvennaia molochnokhoziaistvennaia akademiia im. N. V. Vereshchagina, 2006. P. 129–136. (In Russ.).

6. Levitats I. Evreiskaia obshchina Rossii, 1772–1917 [The Jewish community in Russia, 1772–1917]. Moscow: Knizhnik, 2013. 656 p. (In Russ.).

7. Ovechkina S. Yu. Zhenskaia politicheskaiia ssylka v Arkhangel'skoi gubernii: vtoraiia polovina XIX – nachalo XX vv. [Female political exile in the Arkhangel'sk province: second half of the 19th – early 20th centuries]: abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Arkhangel'sk, 2005. 21 p. (In Russ.).

8. Pashkov A. M. Politicheskaiia ssylka i razvitie kraevedeniia na Russkom Severe v XIX – nachale XX v.: opyt pereosmysleniia [Political exile and the development of local studies in Northern Russia in 19th – early 20th centuries: experience of rethinking] // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian History. 2011. № 2. P. 112–126. (In Russ.).

9. Pervaia revoliutsiia v Rossii: vzgliad cherez stoletie [The First revolution in Russia: a century later] / edited by A. P. Korelin, S. V. Tyutyukin. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2005. 602 p. (In Russ.).

10. Rychkova N. Rol' natsional'nykh grupp v revoliutsionnom dvizhenii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The role of national groups in the Revolutionary movement in the second half of the 19th – early 20th century] // Vestnik NSO. 2006. Vyp. 4. P. 36–41. (In Russ.).

11. Slavnitsky N. R. Ssylka v Olonetskuui guberniiu nakanune Pervoi rossiiskoi revoliutsii [The exile to Olonets province on the eve of the First Russian revolution (on the archive materials of the ministry of justice)] // Proceedings of Petrozavodsk State University. 2018. № 2 (171). P. 70–75. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.90> (In Russ.).

12. Taskayev M. V. Politicheskaiia ssylka i repressivnyi apparat na evropeiskom Severo-Vostoke Rossiiskoi imperii v nachale XX stoletiiia [The political exile and the the repressive machinery in the European North-East of the Russian Empire in the beginning of 20th century] // Proceedings of the Komi Science Centre Ural Branch Russian Academy of Sciences. 2010. № 4 (4). P. 80–86. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).08

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-65-87

Пленкин Олег Игоревич

Владимирский государственный университет

им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Владимир, Россия

o.plenkin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-9258-9992

**КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ:
ОРГАНИЗАЦИИ И ЧИСЛЕННОСТЬ**

Аннотация. На основе как ранее известных, так и впервые вводимых в научный оборот источников (партийной документации, полицейских документов и документов из личного архива потомков владимирских кадетов) сделана попытка оценить численность конституционно-демократической партии во Владимирской губернии в разные периоды: в момент пикового развития партии в 1906 г., в последовавшие затем годы партийного кризиса и в 1917–1918 гг. — время фактического возрождения партии в губернии. Одновременно рассматриваются непосредственно связанные с численностью вопросы размещения партийных организаций в пределах губернии, предлагается реконструкция активной фазы партийного строительства в 1905–1906 гг., и дается оценка количества партийных организаций в кризисный период, а также в период после Февраля 1917 г.

Ключевые слова: Владимирская губерния, группа, комитет, конституционно-демократическая партия, партийная организация, революция, сочувствующие, территориальное размещение, численность, члены партии.

Для цитирования: Пленкин О. И. Конституционно-демократическая партия во Владимирской губернии: организации и численность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 65–87. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-65-87>

Original article

UDC 94(47).08

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-65-87

Plenkin Oleg I.

Vladimir State University

Vladimir, Russia

o.plenkin@mail.ru; ORCID: 0009-0006-9258-9992

**CONSTITUTIONAL DEMOCRATIC PARTY
IN VLADIMIR PROVINCE:
ORGANIZATIONS AND NUMBERS**

Abstract. Based on both previously known and newly introduced scientific sources (party documentation, police documents, and documents from the personal archive of the descendants of the Vladimir Cadets), an attempt has been made to estimate the size of the Constitutional Democratic Party in Vladimir province at different periods: at the time of the party's peak development in 1906, during the years of the party crisis that followed, and in 1917–1918, it was the time of the actual revival of the party in the province. At the same time, the issues of the location of party organizations within the province are considered directly related to numbers; reconstruction of the active phase of party construction in 1905–1906 is proposed, and an estimate of the number of party organizations during the crisis period, as well as in the period after February 1917, is given.

Keywords: Vladimir province, group, committee, Constitutional Democratic Party, party organization, revolution, sympathizers, territorial location, number, party members.

For citation: Plenkin O. I. Constitutional Democratic Party in Vladimir province: organizations and numbers // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 65–87. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-65-87>

Введение. В литературе уже отмечалось, что проблема численности Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) остается не вполне решенной¹. Впервые попытку оценить количественный состав кадетской партии во Владимирской губернии и рассмотреть вопрос о ее организациях предпринял В. В. Шелохаев². Данные, собранные им, опирались главным образом на кадетскую партийную документацию, первый системный и обстоятельный анализ которой явился большой заслугой этого ученого. Анализ численности владимирских кадетских партийных организаций с использованием, прежде всего, данных В. В. Шелохаева, а также некоторых партийных документов был предпринят В. И. Седугиным³.

¹ Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 114.

² Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 199, прил.; *Его же*. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 298–299, прил.

³ Седугин В. И. Либералы Центральной России в начале XX века (1905 – март 1917 гг.). Новомосковск, 2008. С. 6, 169, прил., 177, прил., 178, прил.

Сведения о численности, извлеченные из документов Иваново-Вознесенской партийной группы, приведены в монографии Т. Эммонса⁴. Некоторые цифры, характеризующие общую численность партии и изменение числа партийных организаций во Владимирской губернии, проанализированы в работах Д. Дальмана⁵. В отдельной статье нами впервые был предпринят предварительный обзор некоторых полицейских документов, содержащих сведения о численности Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии и дополняющих партийные данные⁶.

«Ревизия» уже введенных в научный оборот партийных документов, а также привлечение ранее неизвестных архивных материалов (прежде всего, документов полицейских учреждений Владимирской губернии), анализ материалов как центральной, так и местной прессы позволяет создать условия для разрешения проблемы численности и территориального размещения организаций Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии.

Ход и результаты исследования. Согласно уставу Владимирской группы кадетской партии прием членов партии и ведение их списка возлагалось на губернский комитет, а в обязанности уездных (районных⁷) комитетов (отделений) входило представление списка членов партии на окончательное утверждение губернского комитета⁸. Однако списки велись неаккуратно (по-видимому, так было по всей стране), и местные партийные комитеты в отчетах в ЦК зачастую сами не могли назвать точное число явных членов своих партийных групп.

Особенностью политической жизни Владимирской губернии были административные репрессии, посыпавшиеся с конца 1905 г. на сторонников

⁴ *Emmons T.* The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, Mass.; London, 1983. P. 175.

⁵ *Dahlmann D.* Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 63, 89, 90; *Idem.* Parteileben in Provinzstädten. Die Konstitutionell-Demokratische Partei Rußlands 1906–1914 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. Bd. 48. H. 1. 2000. S. 8.

⁶ *Пленкин О. И.* Документы местных полицейских учреждений о членах конституционно-демократической партии (на примере Владимирской губернии) // *Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции.* Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. СПб., 2018. С. 362–367.

⁷ Создание районных комитетов было предусмотрено пунктом 3 устава (Устав Владимирской группы конституционно-демократической партии // Клязьма. 1906. 8 января). В партийных документах к таким комитетам могли относить комитеты, созданные в городах (например, в г. Киржаче Покровского уезда и г. Иваново-Вознесенске Шуйского уезда), селах и волостях. Городские комитеты, напротив, в уставе прямо указаны не были, и комитет партии в г. Иваново-Вознесенске, в одних документах называемый районным, в других фигурировал как уездный. Отметим также, что в источниках не всегда разделяются понятие отделения (группы) как территориального объединения членов партии, предусмотренное пунктом 10 устава, и понятие партийного комитета как органа партийного отделения (группы).

⁸ Устав Владимирской группы конституционно-демократической партии // Клязьма. 1906. 8 января.

Конституционно-демократической партии, которые останавливали многих желающих официально присоединиться к ней⁹. Многие уклонялись от открытой записи в кадетскую партию, но обещали ей всяческую поддержку на выборах и образовывали достаточно многочисленную и весьма трудно поддающуюся подсчету категорию сочувствующих. В результате репрессий во Владимирской губернии сформировался даже особый тип члена партии — тайный. Списки таких членов не публиковались и хранились в безопасном месте. В тайные члены чаще всего просили записать себя владимирские чиновники, опасавшиеся гонений по службе, а также приказчики и конторщики, которые состояли на службе у купцов и фабрикантов, записывавшихся, как правило, в члены торгово-промышленной партии¹⁰. Представители Шуи, направлявшиеся на губернский съезд кадетов 14 января 1906 г., опасались брать с собой список членов Шуйского комитета, «так как многие шуяне боятся, что их адреса, попавшие в губернский город и найденные при каком-нибудь обыске, повлекут за собою аресты в Шуе»¹¹.

Значительно дополняют наши представления о численности и организациях кадетской партии во Владимирской губернии сведения, собиравшиеся местной полицией. Она была неплохо осведомлена о персональном составе и структуре партии, однако ее данные все же нельзя назвать абсолютно точными, так как для полицейских чинов, при всех их возможностях, определенная часть внутрипартийной жизни оставалась недоступной.

Наиболее частой проблемой, с которой приходится сталкиваться при анализе таких источников, является проблема смешения явных членов партии и сочувствующих ей (а иногда и просто голосовавших за кадетов на последних выборах в Государственную думу). Синкретичность данных о явных и тайных членах, а также о лицах, сочувствующих партии, чрезвычайно осложняет агрегирование выявленных в источниках данных о численности кадетов и размещении их организаций во Владимирской губернии. Осложнен анализ данных как по отдельным местностям губернии, так и за отдельные периоды.

Первый «летописец» партии, один из основателей Владимирской кадетской организации А. В. Смирнов указывал, что возникла она во Владимире в августе 1905 г., т. е. за два месяца до официального конституирования Конституционно-демократической партии. На первом учредительном съезде «либеральной партии» во Владимире тогда собралось до 60 человек¹². Идеологически она примыкала «к платформе сентябрьского съезда земских и городских деятелей в Москве»¹³. После I съезда Конституционно-демократической партии

⁹ См. об этом: Владимир-губ[ернский] // Наша жизнь. 1906. 19 января.

¹⁰ Там же; Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1906. 21 января; Смирнов А. Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. Стб. 48–49.

¹¹ Владимир-губ[ернский] // Наша жизнь. 1906. 19 января. См. также: Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1906. 21 января.

¹² Смирнов А. Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. Стб. 47.

¹³ Владимир-губ[ернский]: Перед выборами // Русское слово. 1905. 13 октября.

Владимирская «либеральная партия» приняла программу и устав, утвержденные съездом, и формально присоединилась к кадетам¹⁴.

Некоторые уездные группы также начали возникать в «докадетский» период существования партии владимирских либералов, до публикации Манифеста 17 октября¹⁵. Первыми уездными группами стали Владимирская, Ковровская, Судогодская и Ильинская (2-я Судогодская). Создание последней связано с проживавшим там в своем имении А. П. Грессером, одним из лидеров губернской партийной организации. В декабре 1905 г. образовалась Шуйская группа и, вероятно, тогда же стала формироваться группа в Покровском уезде. В январе 1906 г. появились Вязниковская и Меленковская группы. Таким образом, к концу декабря 1905 – началу января 1906 г. в губернии существовали восемь уездных групп¹⁶.

На губернском съезде 27 ноября 1905 г. было сообщено о прибытии делегатов из семи уездов, причем «несколько уездных групп отсутствовало»¹⁷. Однако на следующем губернском съезде, состоявшемся 14 января 1906 г., указывалось, что «за месяц между двумя съездами из 8 местных групп теперь стало 11 (в 9 уездах), и только в 4 уездах нет организованных групп»¹⁸. На этом же съезде было объявлено, что общее число членов партии составляет около 200 человек¹⁹. Согласно докладам делегатов, официальное число членов в каждой уездной группе находилось в пределах 15–25 членов. Если применять методику подсчета общей численности членов партии в губернии на основе средних значений числа членов в уездных комитетах путем экстраполяции этих значений (примерно такую, которую применял В. В. Шелохаев²⁰), то приблизительное число членов кадетской партии по губернии на ноябрь 1905 г. должно было составлять около 160 человек, что довольно близко к цифре, объявленной на губернском съезде.

На вышеупомянутый съезд прибыл делегат от крестьянской группы Судогодского уезда, насчитывавшей 300–400 человек. Он заявил, что крестьяне, прочитав программу кадетов, «согласились с ней, но с некоторыми ограничениями», и выдвинули эти ограничения в качестве условий своего вступления в партию. Съезд установил, что разногласия «основаны почти исключительно

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 1 об., 18, 21; Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1997. С. 51, 514. Отметим, что такая ситуация возникла только в двух губерниях — Владимирской и Енисейской.

¹⁵ Внутренние известия: Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1905. 4 декабря.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 2 об.; Ф. 579. Оп. 2. Ед. хр. 2. Л. 6 об., 11 об., 16 об.; Оп. 3. Ед. хр. 42. Л. 2, 7 об., 12 об., 17 об., 22; *Пуришкевич В.* В недрах кадетской партии // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 518.

¹⁷ Внутренние известия: Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1905. 4 декабря.

¹⁸ Владимир-губ[ернский] // Наша жизнь. 1906. 19 января; Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1906. 21 января.

¹⁹ Внутренние известия: Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1905. 4 декабря.

²⁰ *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии... С. 64. См. также: *Его же.* Конституционно-демократическая партия... С. 114.

на недоразумениях», и посчитал этих 300–400 крестьян вступившими в партию²¹. Подобные массовые «вступления» в партию как крестьян, так и рабочих происходили и позже²², однако вряд ли эти «новички» уютно чувствовали себя в партии городских интеллигентов и надолго задерживались в ее рядах.

На губернском съезде 14 января 1906 г. отмечалось (по-видимому, в сравнении с состоянием, в котором находилась партия на момент предыдущего съезда), что «число членов в каждой группе растет»²³, а общая численность партии в губернии была оценена приблизительно в 500 человек, кроме которых существовало и неопределенное число тайных членов²⁴. Январский съезд принял решение, что «образование возможно больше мелких делений не только возможно, но и прямо желательно в интересах большей сплоченности отдельных подгрупп, в интересах более живого обмена мнений с губернским комитетом»²⁵.

Первый, наиболее активный этап партийного строительства завершился примерно в феврале – марте 1906 г., когда были образованы основные партийные комитеты в губернии (см. рис.). Этот этап был непосредственно связан с подготовкой и участием владимирских кадетов в первой думской избирательной кампании. В феврале 1906 г. А. В. Смирнов писал, что в 10 уездах созданы 11 организаций Конституционно-демократической партии; кроме того, «образуются по 2 отделения еще в 2 уездах»²⁶. Общую численность партии в губернии на этот момент А. В. Смирнов также оценивал в 500 членов²⁷.

В глазах правительства кадетская партия во Владимирской губернии выглядела не столь внушительно с организационной точки зрения. Согласно сведениям, собранным чиновником особых поручений гр. В. А. Дмитриевым-Мамоновым по заданию председателя Совета министров гр. С. Ю. Витте, на март 1906 г. в губернии действовали только губернский и четыре уездных комитета (в Вязниках, Иваново-Вознесенске, Судогде и Шуе), а также два отдела в селениях Кохме и Орехово-Зуеве²⁸.

²¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 16–16 об.; Внутренние известия: Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1905. 4 декабря.

²² См., например, сообщение о «довольно многочисленной группе крестьян» из Покровского уезда, примкнувших к партии конституционных демократов (По Владимирской губернии: Д[еревня] Жары, Покров[ского] у[езда] // Клязьма. 1906. 1 февраля), а также сведения о приблизительно 500 рабочих, вступивших в Иваново-Вознесенскую группу (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 15 об.).

²³ Владимир-губ[ернский] // Наша жизнь. 1906. 19 января.

²⁴ Владимир-губ[ернский] // Русские ведомости. 1906. 21 января.

²⁵ Там же. Стб. 48.

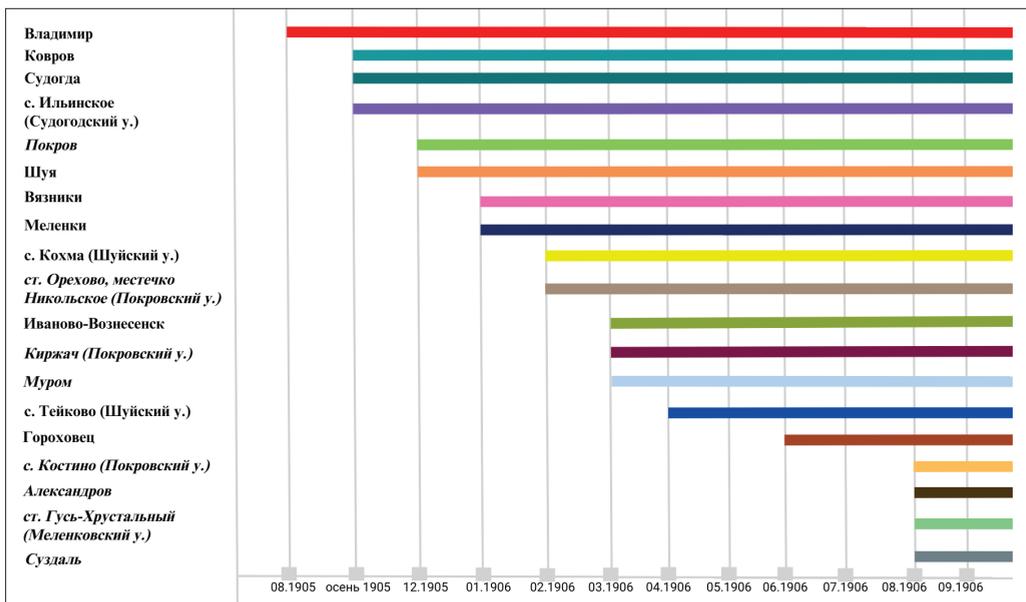
²⁶ Смирнов А. Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. Стб. 46, 48.

²⁷ Там же. Стб. 46.

²⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 129.

В марте 1906 г., по данным, собранным Владимирской кадетской группой для ЦК, в ее составе насчитывалось 119 человек²⁹. Тогда же член Владимирской группы М. Ф. Тихомиров в прессе называл и иную цифру — 150–200 человек³⁰. Эти данные в целом подтверждаются списком, составленным полицией в феврале 1906 г., в котором приведены фамилии членов кадетской партии и сочувствующих ей, участвовавших в партийном собрании в снятой М. Г. Комиссаровым для партийных нужд квартире в доме Бережкова³¹. В пофамильном списке 133 пункта, но на самом деле перечислены 134 человека, так как жена Н. И. Кохановского указана вместе с мужем под № 65.

После выборов в I Государственную думу кадетское партийное строительство в губернии несколько замедлилось, но не прекратилось (см. рис.).

Источники: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177; Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 982; Алфавитный список адресов местных групп конституционно-демократической партии (партии народной свободы). Исправлен по 26 октября. СПб., 1906. С. 4–5; Вестник партии народной свободы. 1906. № 27–28. Стб. 1498; Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии... С. 298–299, прил.

Примечание: курсивом набраны населенные пункты, месяц создания кадетских партийных организаций в которых точно не известен, вместо него указывается месяц первого упоминания в источниках об этих организациях. Возможно, кадетские партийные организации в таких населенных пунктах были созданы несколько раньше.

Рис. Хронология образования организаций Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии в 1905–1906 гг.

²⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 31.

³⁰ М. Т. [Тихомиров М. Ф.] Почему партия народной свободы победила на выборах? // Клязьма. 1906. 18 марта; Выборная кампания: Владимир-губ[ернский] // Речь. 1906. 21 марта (3 апреля).

³¹ Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 40–42; Ф. 981. Оп. 2. Д. 85. Л. 175–178.

На IV Общероссийском съезде партии в докладе А. А. Корнилова было указано как на отрадное явление на возникновение весной – летом 1906 г. волостных и сельских комитетов, причем в качестве примера докладчик среди других привел и Владимирскую губернию³². Представляя губернию на совещании ЦК партии с представителями губернских комитетов 2 августа 1906 г., А. П. Грессер отмечал: «Во Влад[имирской] губ[ернии] партия растет, а не тает. Есть крестьянские к[онституционно-]д[емократические] комитеты»³³. По данным Н. М. Кишкина, в первой половине 1906 г. в губерниях в среднем существовали губернский и 3–4 уездных комитета, которые фактически не распространяли свое влияние дальше уездного города и потому должны были скорее называться городскими. При этом партийную организацию во Владимирской губернии он считал лучшей в Центральной России³⁴. Действительно, во Владимирской губернии, по нашим подсчетам, в первой половине 1906 г. существовало, помимо губернского комитета, еще 13 местных партийных групп, а к августу 1906 г. число местных групп доходило до 19 (см. табл. 1), хотя комитеты были сформированы не во всех этих группах. Лишь в двух уездах не имелось кадетских организаций — Переславском и Юрьевском³⁵.

Данные В. В. Шелохаева в совокупности показывают, что к весне (на самом деле большая часть приведенных им данных относится к лету) 1906 г. во Владимирской губернии было более 900 кадетов³⁶. Однако А. П. Грессер оценивал общую численность партии всего в 500 человек³⁷. По нашим подсчетам, на пике своего развития весной – летом 1906 г. численность кадетской партии в губернии составляла чуть более 600 человек. Следовательно, за несколько месяцев она увеличилась более чем в 10 раз (см. табл. 2). Однако очень скоро запись в партию замедлилась³⁸. Примерно с осени 1906 г. владимирские кадетские организации, как и большинство региональных организаций конституционных демократов, начали вступать в период кризиса, который в одних случаях приводил к серьезному ослаблению партийной деятельности («замиранию» работы, по словам А. П. Грессера³⁹), а порой и к распаду партийной организации.

Владимирская губернская администрация неоднократно стремилась выяснить численность и размещение кадетских организаций на подведомственной

³² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 461–462.

³³ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. Т. 1: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. М., 1994. С. 102.

³⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 470, 472. Источник данных Н. М. Кишкина см.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 1–2, 18–19 об.

³⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 19 об.

³⁶ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии... С. 298–299 прил.

³⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 23.

³⁸ Уже в октябре 1906 г. шуйский кадет М. Н. Кондратьев сообщал в ЦК, что из-за боязни репрессий «запись в члены [партии] идет крайне туго» (Там же. Ед. хр. 192. Л. 15).

³⁹ Там же. Ед. хр. 177. Л. 25.

Таблица 1

**Организации Конституционно-демократической партии
во Владимирской губернии**

Тип партийной организации (группы, отделения)															
	нояб. 1905 г.	январь – февраль 1906 г.	март 1906 г.	авг. 1906 г.	окт. 1906 г.	[1907] гг.	[1907–1908] г.	1908 г.	1908–1909 гг.	1911 г.	январь 1912 г.	1913–1914 гг.	май – август 1917 г.	окт. 1917 г.	январь 1918 г.
Губернская	1	1	1	1	1	1	1	1	1	[1]	–	1	1	1	1
Уездная	8	9	12	10	10	8	11	14	7	[6]	[4]	7	6	5	≥ 7
Уездно-городская*	–	1	–	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–
Городская	–	–	–	2	–	–	–	–	–	[1]	[1]	–	2	2	≥ 1
Районная, сельская, волостная	–	1	–	6	4	4	7	–	–	–	–	–	–	1	≥ 1
Учащихся	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Общее число организаций	9	12	13	20	16	13	19	16	8	[8]	[5]	8	9	10	≥13

Источники: ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 2999; Оп. 14. Д. 169; Ф. 1186. Оп. 2. Д. 207; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177; Оп. 2. Ед. хр. 32; Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1377; Оп. 2. Ед. хр. 2; Оп. 3. Ед. хр. 42; Личный архив А. М. Дубровиной; Алфавитный список адресов местных групп конституционно-демократической партии (партии народной свободы). СПб., 1906. С. 3–4; Алфавитный список адресов местных групп конституционно-демократической партии (партии народной свободы). Исправлен по 26 октября. СПб., 1906. С. 4–5; Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. Стб. 46–48; № 2. Стб. 121–124; № 27–28. Стб. 1498; 1917. № 3. С. 17; № 14–16. С. 43; № 21–22. С. 38; Наша жизнь. 1906. 19 января; *Пуришкевич В. В.* В недрах кадетской партии // Прямой путь. 1910. 31 декабря. С. 518; Русские ведомости. 1905. 4 декабря; 1906. 21 января; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1: 1905–1907 гг. М., 1997. С. 472; *Шелохаев В. В.* Идеология и политическая организация... С. 199, прил.; *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии... С. 298–299, прил.

Примечание: в таблице обычным шрифтом набраны партийные данные, курсивом — данные, собранные для владимирского губернатора; * — в этой графе также учтены случаи, когда уездная и городская группы функционировали совместно.

территории. По сообщениям прессы, в мае 1906 г. по заданию губернатора ковровский полицейский надзиратель обходил городские квартиры и опрашивал проживающих о принадлежности к партии с целью составления списка ее членов⁴⁰. Сама полиция объявила эту корреспонденцию лживой⁴¹.

22 ноября 1906 г. владимирским губернатором были запрошены сведения о персональном составе Конституционно-демократической партии в губернии.

⁴⁰ Губернатор и кадеты. Цена ребенка // Мысль. 1906. 1 июня; Областной отдел. Наши корреспонденции: Ковров Влад[имирской] губ[ернии] // Речь. 1906. 31 мая (13 июня); Провинциальный отдел: Ковров Влад[имирской] губ[ернии] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 13. Стб. 894.

⁴¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1635. Л. 391 об.

Таблица 2

Численность Конституционно-демократической партии
во Владимирской губернии

Населенный пункт	сент. 1905 г.	нояб. 1905 г.	дек. 1905 г.	январь – февраль, 1906 г.	1 апр. 1906 г.	лето 1906 г.	окт. 1906 г.	ноябрь – декабрь, 1906 г.	[1907 г.]	[1908] г.	[1910] г.	1911 г.	январь, 1918 г.
Владимир	–	–	74	[134]	119*	≈ 140	–	65**, 12	–	–	–	0	300
Александров	–	–	–	–	–	?	–	0	–	–	–	12	–
Вязники	–	–	–	–	22	≈ 30	–	–	–	–	–	0	–
Гороховец	–	–	–	–	–	46	–	35, [3]	2	–	–	0	–
Ковров	–	–	–	≈ 30***	–	71	–	–	–	–	–	2	–
Меленки	–	–	–	–	–	≈ 40	–	–	–	–	–	4, [4]	–
ст. Гусь-Хрустальный (Меленковский у.)	–	–	–	–	–	?	–	–	–	–	–	–	–
Муром	–	–	–	–	–	≈ 30	–	4, [129]	–	–	–	0	–
Переславль-Залесский	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	–
Покров	–	–	–	–	–	?	–	3, [5]	5–10	–	–	0	–
Киржач (Покровский у.)	–	–	–	–	–	?	–	–	3	–	–	–	–
с. Костино (Покровский у.)	–	–	–	–	–	?	–	–	–	–	–	–	–
ст. Орехово, мест. Никольское (Покровский у.)	–	–	–	–	–	?	–	2	–	–	–	–	–

Судогда	—	?	—	—	—	7, [?]	?	—	—	3	—	
с. Ильинское (2-я Судогодская группа)	—	—	21	29	≈ 30	—	—	≈ 30	< 30	—	—	—
Судзаль	—	—	—	2, [40–50]	—	—	[1]	—	—	—	2	14
Шуя	—	—	60 ^{(*)2}	50	> 60	40	6, [5]	—	—	70, [≈ 300]	4	—
Иваново-Вознесенск (Шуйский у.)	—	—	?	307 ^{(*)3}	2	> 70	[13]	> 100	≈ 150	70, [≈ 600]	> 7	—
с. Дунилово (Шуйский у.)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с. Кохма (Шуйский у.)	—	—	—	92	75	—	1, [2]	—	≈ 70	—	—	—
с. Тейково (Шуйский у.)	—	—	—	—	62	—	[5]	—	—	—	—	—
Юрьев-Польский	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	16	—
Всего	60	≈ 200	≈ 300	> 500	> 611	?	65, 72, > [163]	?	?	?	> 51, [4]	> 400

Источники: ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1836; Оп. 14. Д. 101, 169; Ф. 981. Оп. 2. Д. 85; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177, 180, 181, 182, 183, 188, 189, 190, 192, 259; Личный архив А. М. Дубровиной; Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. Стб. 46–47; № 2. Стб. 121–124; Владимирская еженедельная газета. 1906. 7 июля; Клязьма. 1906. 18 марта; Речь. 1906. 21 марта (3 апреля); Русские ведомости. 1905. 4 декабря; 1906. 21 января; Русское слово. 1905. 24 декабря; *Шелохаев В. В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии... С. 63, 298–299, прил.

Примечание: в таблице обычным шрифтом набраны партийные данные, курсивом — данные, собранные для владимирского губернатора; в квадратных скобки взяты сведения о нефиксированном членстве в партии (числе сочувствующих) либо сведения о числе «явных» членов и сочувствующих партии при невозможности представить раздельные сведения. * — по другим данным, в марте 1906 г. числилось до 150–200 членов партии; ** — датируется по полицейскому рапорту, в котором приведен партийный список (ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 49–50). На самом деле, исходя из содержания списка, он мог быть составлен в промежутке между июнем и ноябрем 1906 г.; *** — к указанным в графе месяцам отнесено предположительно; ^{(*)1} — известно о присоединении к партии в конце ноября 1905 г. группы из 300–400 судогодских крестьян; ^{(*)2} — К указанным в графе месяцам отнесено предположительно; ^{(*)3} — все — рабочие. По другим данным за апрель 1906 г., более 700, из которых до 500 записавшихся в партию — рабочие.

По данным полиции на ноябрь – декабрь 1906 г., кадетская организация во Владимирской губернии насчитывала более 300 членов партии и сочувствующих ей⁴². Однако сведения не совсем точны. Данные по Вязниковскому, Ковровскому и Меленковскому уездам отсутствуют. А дополнительный список по г. Мурому, включающий 129 фамилий, которые были выписаны из списка городских избирателей с прошедших выборов в Государственную думу, составлен, по словам самого уездного исправника, «на не вполне точных данных»⁴³. Этот список скорее показывает не членов партии, а количество избирателей, поддержавших муромских кадетов на выборах.

Среди собранных губернатором документов особого внимания заслуживает копия одного из двух известных на сегодняшний день поименных списков владимирских кадетов⁴⁴, который попал в руки жандармов в конце ноября 1906 г. в результате обыска во владимирской квартире члена партии М. Ф. Тихомирова⁴⁵. В списке перечислены имена 65 членов партии, по-видимому Владимирской уездной и городской группы. Составление списка можно отнести к периоду между июнем (указанный в списке С. А. Анисимов назван бывшим редактором газеты «Клязьма») и концом октября – началом ноября (указанный в списке Н. Г. Розанов в это время вышел из партии) 1906 г.⁴⁶ По материалам, имевшимся в Губернском жандармском управлении, список был дополнен еще 12 фамилиями⁴⁷ и в таком виде лег на стол губернатору.

В архиве кадетской партии и в архиве П. Н. Милюкова отложились недатированные списки адресов партийных групп Владимирской губернии (относятся, по-видимому, к 1906–1908 гг.). Они позволяют уточнить, какие кадетские организации существовали в этот период. Так, согласно одному из списков⁴⁸, составленному, вероятно, весной 1906 г., во Владимирской губернии действовал губернский комитет, семь уездных и городских комитетов (Ковровский, Покровский, Судогодский, Ильинский, Муромский, Вязниковский и Меленковский) и один районный комитет (Кохомский). Данные в этом списке совпадают с опубликованным в 1906 г. списком адресов кадетских партийных групп⁴⁹. Другие два списка, составленные в 1906 г. (не позднее 27 августа), показывают 19 партийных групп (правда, несколько из них находились еще в процессе

⁴² ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101.

⁴³ Там же. Л. 44 об.

⁴⁴ Там же. Л. 48. Вторым выявленным поименным партийным списком является список членов Ковровской группы. См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 3–4 об.

⁴⁵ См.: Внутренние известия: Владимир, 28 ноября // Народный путь. 1906. 30 ноября; Перед выборами: Владимир-губ[ернский] // Речь. 1906. 1 (14) декабря; Провинциальный отдел: Владимир-губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 40. Стб. 2187.

⁴⁶ Поскольку список известен в копии, нельзя исключать и того, что его текст мог быть дополнен чиновниками жандармерии.

⁴⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 101. Л. 49–50.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1377. Л. 1 об.

⁴⁹ Алфавитный список адресов местных групп конституционно-демократической партии (партии народной свободы). СПб., 1906. С. 3–4.

формирования): уездная и городская (во Владимире), 10 уездных (в Александро-Вязниках, Гороховце, Коврове, Меленках, Муроме, Покрове, Судогде, Суздале и Шуе), шесть районных (в Гусь-Хрустальном, Ильинском, Костино⁵⁰, Кохме, Орехово-Зуеве и Тейково) и две (в безуездных городах Иваново-Вознесенске и Киржаче)⁵¹.

Следующий список можно датировать примерно 1907–1908 гг.⁵² В нем также перечислены адреса 19 партийных групп, однако по сравнению с предыдущими двумя списками в нем дополнительно показаны адреса Владимирской группы (вероятно, подразумевался ее губернский комитет) и группы в селе Дунилово, но отсутствуют адреса Александровской и Суздальской групп. Список, составленный не ранее 1908 г., содержит адреса только шести партийных организаций⁵³.

Согласно опросному листу, заполненному А. А. Эрном (вероятно, исполнявшему обязанности председателя губернского комитета) примерно в 1907 г. или позже⁵⁴, во Владимирской губернии существовали губернский комитет, восемь уездных (Покровский, Ковровский, Шуйский, Судогодский и номинально Гороховецкий, Вязниковский, Муромский и Переславский) и четыре районных (Киржачский, Иваново-Вознесенский, Кохомский и Ильинский) комитета. Кроме того, было отмечено, что городских комитетов нет, а «списки членов не ведутся и число явных членов определить затруднительно»⁵⁵. В 1908 г. А. П. Грессер подтверждал сохранение большинства местных групп партии, но свидетельствовал о сохранении партийных комитетов только во Владимире, Ильинском (2-й Судогодской группе), Коврове, Костино, Кохме и Шуе и о распаде комитетов в Вязниках, Гороховце, Иваново-Вознесенске, Меленках, Муроме и Судогде⁵⁶.

⁵⁰ В селе находилось лесное имение одного из членов Владимирского губернского комитета партии М. В. Сабашникова. См.: *Сабашников М. В.* Записки. Письма / подгот. текста А. Л. Паниной и Т. Г. Переслегиной. М., 2011. С. 167–168.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 43–44 об. Списки датируются на основании того, что полномочия упомянутого в них председателя Иваново-Вознесенского временного комитета партии И. Е. Дворникова были прекращены на собрании партийной группы 27 августа 1906 г. (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 181. Л. 7–7 об., 12–12 об.). Данные этих списков полностью согласуются с упомянутыми выше данными Н. М. Кишкина.

⁵² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1377. Л. 25–25 об. В списке А. А. Эрн назван присяжным поверенным, каковым он стал в 1907 г. (ГАВО. Ф. Р-24. Оп. 2. Д. 1309. Л. 4; Ф. Р-797. Оп. 1. Д. 212. Л. 25; Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1913 г. М., 1914. С. 252), а указанный в списке Г. А. Смирнов в 1908 г. был назначен директором Павлово-Посадского реального училища (Местная хроника // Старый Владимирец. 1908. 19 августа).

⁵³ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1377. Л. 39 об.

⁵⁴ С 6 августа 1906 г. пост председателя Владимирского губернского комитета Конституционно-демократической партии занимал М. Г. Комиссаров (Провинциальный отдел: Владимир губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 27–28. Стб. 1499). Однако он постоянно проживал в Москве, поэтому вполне вероятно, что его обязанности мог исполнять А. А. Эрн либо ко времени заполнения опросного листа А. А. Эрн уже был председателем губернского комитета партии.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 32–32 об.

⁵⁶ Там же. Л. 21–23.

Приведенные партийные данные интересно сравнить с данными, собранными полицией в те же годы. В середине января 1908 г. исполняющий обязанности владимирского полицмейстера, действуя в соответствии с секретным предписанием губернатора о новом предоставлении сведений о примерной численности и размещении организаций Конституционно-демократической партии, сделанным по запросу Департамента полиции, докладывал, что после роспуска II Государственной думы партия в губернии «остановилась в своем распространении и отчасти теряет своих членов»⁵⁷. При этом он затруднился оценить даже примерную численность партии, но, опираясь на сведения о прошедших трех думских избирательных кампаниях, предположил, что «партия эта довольно многочисленная, ибо за кандидатов ее было подано от 450 до 900 голосов»⁵⁸ (вероятно, здесь имелись в виду результаты голосования на съездах городских избирателей). Полиция была недалеко от истины, поскольку, как оптимистично заявлял А. П. Грессер в том же 1908 г., «хотя по спискам теперь невозможно судить о количестве членов [партии], но думается, что на самом деле группа не только не уменьшилась в размере, но получила большее число сочувствующих»⁵⁹.

Упадок Конституционно-демократической партии во Владимирской губернии начался, по-видимому, после третьей думской избирательной кампании, т. е. примерно с конца 1907 – начала 1908 г. Этот процесс, связанный с кризисом партийной деятельности в провинции, охватил большинство регионов Российской империи, и картина во Владимирской губернии в целом повторяла общероссийские тенденции, имея при этом в некоторых деталях свою специфику.

На процесс дезорганизации партии во Владимирской губернии, как писал в 1908 г. А. П. Грессер, повлияли репрессии, заставлявшие «лучших партийных работников... покинуть губернию», и наступившая «реакция... в самоуправлении, влияние на которое ускользнуло теперь почти всюду, после прошлогодних выборов, из рук к[онституционно]-д[емократов]»⁶⁰, что особенно коснулось земства — ключевого организующего кадетского центра в губернии.

Из губернского города продолжали уезжать те лица, которые стояли у истоков партийного строительства, что в конечном счете привело к развалу губернского партийного ядра. Вспоминая 1905 г. в связи с предстоящими думскими выборами, современник писал, что видные члены «кадетской конюшни» уже тогда «кинулись в центр, в городе остались второстепенные, повалить которых ничего не стоит»⁶¹. В Москве постоянно проживали такие владимирские партийные лидеры, члены губернского комитета образца 1906 г., как Н. Н. Вознесенский, Н. М. Иорданский, М. Г. Комиссаров и М. В. Сабашников⁶². По словам Н. М. Иорданского, «большой удар местной организации

⁵⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 125. Л. 3–3 об; Ф. 981. Оп. 2. Д. 89. Л. 8–8 об.

⁵⁸ Там же. Л. 3; Ф. 981. Оп. 2. Д. 89. Л. 8.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 28.

⁶⁰ Там же. Л. 24 об. – 25.

⁶¹ Коробов Я. На острие ножа: Воспоминания. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 192.

⁶² См.: ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1; ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 77; РГАЛИ.

к[онституционно]-д[емократической] партии» в начале января 1906 г. нанес отъезд в Петербург А. В. Смирнова, «отличного организатора и неутомимого работника»⁶³. Следующим кадетом, вышедшим из состава губернского комитета из-за вынужденного отъезда из Владимира (из-за административного давления) в феврале 1906 г. был учитель женской земской гимназии И. И. Марченко⁶⁴. В том же 1906 г., не дожидаясь высылки по постановлению владимирского губернатора, вынужденно перебрался сначала в Вологду, а затем в Кострому основной кандидат вязниковских кадетов на думских выборах Н. И. Воробьев⁶⁵.

Дальнейший отток кадетских лидеров из Владимира происходил как в силу продолжавшегося преследования администрации⁶⁶, так и в результате понимания того, что после избрания III Государственной думы в сложившейся политической ситуации партийная деятельность теряет тот смысл, который она имела изначально, в годы Первой русской революции. Как провозглашал еще в начале 1906 г. П. Н. Милюков, кадетская партия «есть по преимуществу партия парламентарная; ее характер, способы политического действия, ей доступные, — все это делает для нее период избирательной кампании особенно важным в партийном смысле»⁶⁷. Это характеристика классической электоральной партии, главная цель которой заключалась в борьбе за места в парламенте. Как только выборные кампании завершались, в значительной мере утрачивался и основной мотив существования партийной организации. Таким образом, с конца 1907 г. Владимирскую губернию покинули такие видные местные кадеты, как А. О. Горев⁶⁸, А. П. Грессер⁶⁹, Н. П. Губский⁷⁰, Г. А. Смирнов⁷¹, И. П. Смирнов⁷².

Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 846. Л. 76 об.; Ко всем членам и сочувствующим партии «народной свободы» // Владимирская еженедельная газета. 1906. 9 сентября; Перед выборами // Народный путь. 1906. 16 ноября.

⁶³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 846. Л. 76–76 об.

⁶⁴ Областной отдел. Корреспонденции «Страны»: Владимир-губ[ернский] // Страна. 1906. 21 февраля (6 марта); Хроника // Клязьма. 1906. 24 февраля.

⁶⁵ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1 об.; Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма / под общ. ред. Б. П. Козьмина и др. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. II: В–Гм. / сост. Э. А. Корольчук и Ш. М. Левин; под ред. В. И. Невского. М., 1933. Стб. 1000.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 24 об.

⁶⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 67.

⁶⁸ *Иокимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1915. 1-я паг. С. 232.

⁶⁹ Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1911 год. Изд. А. С. Суворина. М., 1911. III отд. Отд. паг. С. 156.

⁷⁰ Губский Николай Порфирьевич (автобиография) // Русские ведомости. 1863–1913: сб. статей. М., 1913. Отд. 2-й. Отд. паг. С. 56. См. также: ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 1 об.

⁷¹ Местная хроника // Старый Владимирец. 1908. 19 августа.

⁷² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 2; Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1910 год. Изд. А. С. Суворина. М., 1910. III отд. Отд. паг. С. 403.

Со второй половины 1906 г. стали фиксироваться и случаи выхода из партии. Например, в конце октября – начале ноября 1906 г. кадетскую организацию покинул секретарь губернского комитета Н. Г. Розанов⁷³. Десять деятельных членов партии покинули Ковровскую группу⁷⁴. Мотивы выхода при этом были различными. Перед непростым выбором поставил чиновников циркуляр Совета министров от 14 сентября 1906 г., запретивший им участвовать в деятельности политических партий. Известно, что активный ковровский кадет К. И. Бувайлов, «исправлявший» должность судебного следователя, подчинился этому правительственному распоряжению и вышел из партии⁷⁵. Были случаи, когда в прошлом убежденные либералы теперь меняли свои политические взгляды. Так, в 1909 г., претендуя на должность земского начальника, старейший партийный деятель, стоявший у истоков либерального движения в губернии, П. П. Булыгин уверял губернатора, «что от всякой политической деятельности он отказывается и что порвал все сношения с конституционно-демократической партией, и обещал впредь действовать согласно видам правительства»⁷⁶.

Источники по истории владимирской организации Конституционно-демократической партии после 1907 г. отрывочны и противоречивы, однако они дают некоторое представление как о кризисных явлениях в ее среде, так и о достаточной устойчивости партийной организации, которая уберегла ее от полного распада, как это произошло в некоторых других российских регионах.

Устойчивость партийных комитетов в этот период косвенно иллюстрируют сведения об уплате денежных взносов. По сведениям за 1908–1909 гг., денежные взносы в кассу Московского отделения ЦК партии поступали только от Владимирского губернского комитета и Иваново-Вознесенской, Кохомской, Покровской, Судогодской и Шуйской партийных групп⁷⁷. В 1911 г. взносы уплатила только Покровская группа⁷⁸, в 1912 и первой половине 1913 гг. — Покровская и Иваново-Вознесенская⁷⁹. По данным В. В. Шелохаева, в 1908–1909 и 1913–1914 гг. партийные взносы уплачивались Владимирским губернским комитетом и комитетами в Коврове, Кохме, Покрове, Судогде и Шуе⁸⁰. Таким образом, в этот период одновременно действовало не более семи партийных организаций.

В 1911 г. полиция назвала партию народной свободы самой большой во Владимирской губернии⁸¹, отметив, что «число сочувствующих этой партии,

⁷³ Провинциальный отдел: Владимир-губ[ернский] // Вестник партии народной свободы. 1906. № 35. Стб. 1841.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 1.

⁷⁵ Допрос И. Г. Щегловитова. 24 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. Т. II. Л.; М., 1925. С. 373.

⁷⁶ ГАВО. Ф. Р-410. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 12.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1, 1 об.

⁷⁸ Там же. Л. 4, 6.

⁷⁹ Там же. Л. 5, 5 об., 7, 7 об.

⁸⁰ Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация... С. 199, прил.

⁸¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 169. Л. 16.

несомненно, значительно»⁸² и что «через своих многочисленных агентов» кадетам по-прежнему удастся «привлекать в свою партию новых лиц»⁸³. По сведениям полиции, в губернии сохранялось не менее восьми кадетских партийных комитетов общей численностью чуть более 50 человек⁸⁴ (см. табл. 1, 2). При этом констатировалось отсутствие лиц, принадлежавших к кадетской партии (и, надо полагать, отсутствие партийных организаций), во Владимире (что является достаточно спорным), Вязниках, Гороховце, Муроме и Покрове⁸⁵.

Как можно видеть, полного развала кадетской партии во Владимирской губернии не произошло. Из Москвы ее курировал и поддерживал на плаву ее давний лидер М. Г. Комиссаров, через которого шли «все руководящие указания для этой партии» и у которого, «по слухам, в Москве бывали собрания членов к[онституционно]-д[емократической] партии»⁸⁶. Действительно примерно в 1908 г. Владимирский губернский комитет «постановил учредить особое отделение к[омитета] в Москве, где легче собираться, и предложил устраивать делегатские съезды также в Москве, помимо Владимира»⁸⁷. В губернском городе местные кадеты могли собираться только на частные беседы с участием приезжавшего члена III Государственной думы от Владимирской губернии К. К. Черносвитова⁸⁸. По данным полиции, «попытки выяснить свою организованность и силы» партия делала во время чествования памяти умерших С. А. Муромцева и Л. Н. Толстого, однако владимирские кадеты ограничились тогда только памятными мероприятиями⁸⁹.

В январе 1912 г. в полицейских рапортах указывалось, что во Владимире кадетская организация распалась, а небольшие «очаги» партийных организаций, представлявшие собой скорее локальные объединения представителей партии, сохранились в Гороховецком, Ковровском, Судогодском и Шуйском уездах, а также в г. Иваново-Вознесенске⁹⁰. Действительно, в мае 1913 г. на совещании думской фракции народной свободы с приглашенными лицами К. К. Черносвитов, ссылаясь в том числе и на «впечатления» от Владимирской губернии, признавал, что «кадетизм разлит в воздухе, но правильных организаций нет, так как местные элементы (земско-чиновничьи) предпочитают быть партийными никодимами. Поэтому и учет сил неосуществим»⁹¹.

⁸² ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 169. Л. 18 об.

⁸³ Там же. Л. 19.

⁸⁴ Там же. Л. 10–11 об., 16–17, 21–24.

⁸⁵ Там же. Л. 16, об., 21.

⁸⁶ Там же. Л. 19.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 27 об. – 28.

⁸⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 169. Л. 19.

⁸⁹ Там же. Л. 19, 21.

⁹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 2999. Л. 5–5 об., 8 об., 10, 11, 12 об., 15–15 об., 33–34; Ф. 981. Оп. 2. Д. 99. Л. 3–3 об.

⁹¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2: 1908–1914 гг. М., 2000. С. 470 (утреннее заседание 25 мая 1913 г.).

В эти трудные для партии годы кадеты Владимирской губернии, утратив организационную стабильность и понимая возросшую политическую индифферентность общества, все больше направляли свои силы на участие в общественных организациях в надежде через них проводить кадетские идеи в жизнь⁹². Вместе с тем во Владимирской губернии ситуация все же была не столь плачевной, как в некоторых других губерниях. В 1914 г. отмечалось сохранение связи между Владимирским губернским комитетом и уездными партийными организациями⁹³. В следующем году при обсуждении вопроса о созыве общероссийского съезда партии председатель Владимирского губернского комитета А. А. Эрн заявлял, не в пример представителям других губерний, что Владимирская губерния способна направить на съезд пять делегатов⁹⁴. Несмотря на то что, как утверждал в 1915 г. глава иваново-вознесенских кадетов М. К. Ефимов, в городе «строго партийной организации нет», а есть только кадетская группа⁹⁵, иваново-вознесенские кадеты, похоже, образовывали самую устойчивую и деятельную партийную структуру, которой кн. Д. И. Шаховской даже предлагал «сорганизовать губернию» при подготовке к общероссийскому съезду⁹⁶.

На волне Февральской революции 1917 г. кадетская идея получила новый импульс развития и Конституционно-демократическая партия во Владимирской губернии фактически была воссоздана заново. Непосредственное участие в этом приняли, по-видимому, старые партийные работники во главе с достигшим вершины политической карьеры в этот момент и получившим от Временного правительства мандат комиссара во Владимирской губернии А. А. Эрном⁹⁷. В конце марта 1917 г. он заявил «о необходимости немедленно на местах приступить к партийной организации»⁹⁸. Во Владимире к тому времени, впредь до избрания губернского комитета, уже образовалось временное бюро, которое и руководило процессом воссоздания кадетских организаций на местах⁹⁹. В апреле 1917 г. во владимирской газете было напечатано приглашение записываться в ряды партии¹⁰⁰.

Не позднее мая – августа 1917 г. во Владимире существовал губернский комитет, а из 13 уездов губернии комитеты функционировали в шести уездных

⁹² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 25–27; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 600–601.

⁹³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 598.

⁹⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 143 (заседание 9 августа 1915 г.).

⁹⁵ Там же. С. 39 ([расширенное] заседание [ЦК] 22–23 февраля 1915 г.).

⁹⁶ Там же. С. 143 (заседание 9 августа 1915 г.).

⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 68; Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. № В-588; Местная жизнь // Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 12 апреля.

⁹⁸ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 1113. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 54.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Объявления // Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. 1917. 30 апреля.

городах (Александров, Муром, Переславль-Залесский, Покров, Судогда, Шуя), в одном уездном городе существовала партийная группа без комитета (Гороховец). Комитет работал также в безуездном г. Иваново-Вознесенске¹⁰¹.

В октябре 1917 г. «Вестник партии народной свободы» сообщал, что во Владимирской губернии функционировали следующие кадетские организации: уездно-городской комитет во Владимире, уездные комитеты в Александрове, Вязниках, Гороховце, Коврове, Муроме, комитет в городском поселении Орехово-Зуево. Кроме того, упомянуты две группы: городская — в Иваново-Вознесенске и сельская — в селе Омофорово Покровского уезда¹⁰². Можно предположить, что организации конституционных демократов в Переславле-Залесском, Покрове, Судогде и Шуе к этому времени прекратили свою деятельность.

Сведения, запрошенные владимирским губернским комиссаром Временного правительства и поступавшие к нему с конца июля по ноябрь 1917 г., показывают, что губернская власть нашла подтверждение существованию кадетских партийных комитетов в Александрове, Вязниках, Гороховце, Коврове, Муроме, а также бюро партии в Иваново-Вознесенске¹⁰³. В основном эти сведения совпадают с теми, которые были опубликованы «Вестником партии народной свободы» в октябре 1917 г.

Общую численность партии во Владимирской губернии в 1917 г. оценить не представляется возможным. Некоторое представление о персональном составе партии в губернском городе позволяет составить кандидатский список, выставленный Конституционно-демократической партией на выборах во Владимирскую городскую думу летом 1917 г. В нем было 58 фамилий¹⁰⁴, среди которых фигурируют как лица, входившие в состав партии в 1905–1906 гг., так и новые члены, присоединившиеся к кадетам, по-видимому на волне февральских революционных событий. Местные группы, вероятно, представляли собой весьма узкий круг сторонников партии. Например, на собрании Иваново-Вознесенской группы в сентябре 1917 г., которое, как писал местный кадет И. И. Власов председателю группы М. К. Ефимову, изначально «хотелось бы сделать пообширнее по количеству членов»¹⁰⁵, присутствовало всего 14 человек¹⁰⁶.

Закрытие кадетских партийных организаций в губернии в 1917 г. началось вскоре после прихода к власти большевиков. Уже 30 октября 1917 г. вооруженные солдаты, предъявив бумагу от революционного комитета, закрыли помещение губернского комитета партии, располагавшегося во Владимире

¹⁰¹ Список местных комитетов партии народной свободы и их адреса // Вестник партии народной свободы. 1917. № 3. С. 17; Список комитетов партии народной свободы и их адреса // Вестник партии народной свободы. 1917. № 14–16. С. 43.

¹⁰² Список местных комитетов и их адреса // Вестник партии народной свободы. 1917. № 21–22. С. 38.

¹⁰³ См.: ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 207. Л. 1–3, 8, 26, 29, 32, 34, 35 об.

¹⁰⁴ Список № 1 // Старый Владимирец. 1917. 26 июля.

¹⁰⁵ ГАИО. Ф. 1113. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 18.

¹⁰⁶ Там же. Л. 5.

на Большой улице в доме Муханова¹⁰⁷. После этого у местных кадетов оставалась возможность легально участвовать в политической жизни только в рамках выборов в Учредительное собрание и через городские думы, в которых действовали кадетские фракции. В остальном, учитывая издание 28 ноября 1917 г. декрета СНК РСФСР, объявившего Конституционно-демократическую партию «партией врагов народа», члены, руководители и учредители которой подлежали «аресту и преданию суду революционных трибуналов»¹⁰⁸, владимирские кадеты были вынуждены уходить в политическое подполье.

Последний по времени документ о составе кадетской организации в губернии был обнаружен нами в архиве потомков А. А. Эрна. Это копия протокола Владимирской губернской партийной конференции от 28 января 1918 г., в котором перечислены фамилии 47 делегатов из двух уездов (44 из Владимирского и трое из Покровского, в числе которых один из села Омофорова)¹⁰⁹. Документ позволяет предположить, что к этому времени партийная структура еще не была окончательно разрушена: была даже предпринята попытка провести партийный съезд, но за неприбытием достаточного числа делегатов он был объявлен конференцией.

В докладе С. С. Алякринского, зачитанном на конференции и посвященном работе агитационной и литературной комиссий, были упомянуты следующие партийные группы: Владимирская, Вязниковская, Гороховецкая, Иваново-Вознесенская, Ковровская, Муромская, Покровская, Суздальская. Названы также три группы учащихся (во Владимире, Вязниках и Покрове). Указана численность только двух организаций: самой крупной — Владимирской (300 членов), и самой маленькой — Суздальской (14).

Если оценить численность оставшихся шести организаций (без групп учащихся), отталкиваясь от указанного в докладе минимального значения, т. е. 15 членов в каждой организации, то общая численность кадетов в губернии должна быть не менее 400 человек и, возможно, была близка к пиковым показателям весны – лета 1906 г. Поскольку в протоколе существует указание на работу комиссий до и во время выборов в Учредительное собрание, то данные, озвученные в докладе С. С. Алякринского, могут быть отнесены и к более раннему времени, чем время проведения конференции, а именно примерно к ноябрю 1917 г. Эти ценные сведения, несомненно, свидетельствуют о росте кадетских партийных групп во Владимирской губернии, в том числе о появлении ранее не характерных для губернии партийных групп учащихся¹¹⁰.

¹⁰⁷ Письмо в редакцию // Владимирская жизнь. 1917. 3 ноября; *Власов Т.* Партия «Народной Кабалы» // Голос народа. 1917. 7 ноября.

¹⁰⁸ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 161–163. № 111; Научно-справочная библиотека ГАВО. Папка № 10. № 392.

¹⁰⁹ Личный архив А. М. Дубровиной.

¹¹⁰ Еще в 1905 г. во Владимире была предпринята попытка создания партийной студенческой организации, но тогда «ничего с этим кружком не вышло» (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 34).

Отрывочные данные о численности партийных групп также, вероятно, могут говорить об увеличении персонального состава партии в целом по губернии. Рост партии в это время (по отношению к первой половине 1917 г.), очевидно, был связан с тщательной подготовкой кадетов к кампании по выборам в Учредительное собрание и с их стремлением активно участвовать в политической борьбе с большевиками.

Символическим событием, знаменовавшим конец кадетской партийной организации во Владимирской губернии, явился выход из партии, «ввиду несоответствия программы [партии] новому экономическому и политическому строительству», ее старейшего и многолетнего лидера А. А. Эрн¹¹¹. Однако, по-видимому, в семейно-дружеских кругах бывшие кадеты продолжали встречаться и обсуждать политическую повестку вплоть до конца 1920-х гг., когда репрессии коснулись последних представителей либеральной идеи на Владимирской земле: 19 октября 1930 г. по делу контрреволюционной организации «Спасение Родины и революции» были осуждены, в частности, бывшие владимирские кадеты А. С. Алякринская, В. С. и С. С. Алякринские, А. А. Владычин, И. И. Воинов, Г. Г. Козлов и А. А. Эрн (все впоследствии реабилитированы)¹¹².

Заключение. Во Владимирской губернии Конституционно-демократическая партия оказалась сравнительно немногочисленной, что не мешало ей завоевывать симпатии значительной части электората. Ее количественный состав достиг максимума примерно к лету 1906 г. и с конца того же года начал уменьшаться под влиянием общепартийных кризисных явлений, а также некоторых местных факторов, таких как отъезд ряда партийных лидеров из Владимирской губернии в столичные города, продолжение политических репрессий в отношении членов партии, ослабление позиций кадетов в учреждениях местного самоуправления, прежде всего в земствах. При уменьшении численности партии и количества ее местных организаций ее структура продолжала оставаться достаточно устойчивой: партийные организации сохранились в большинстве уездов.

География размещения партийных комитетов зависела как от наличия в том или ином населенном пункте губернии активной и достаточно многочисленной интеллигенции, так и от ярких партийных лидеров, вокруг которых формировалась организация. Так, например, существование Ильинской (2-й Судогодской) группы было целиком обязано энергии партийного лидера А. П. Грессера, а возникновение партийной группы в селе Костино Покровского уезда, которую возглавлял З. П. Белоус, вероятно, не обошлось без участия владевшего здесь имением М. В. Сабашникова, у которого З. П. Белоус работал управляющим лесным хозяйством. Долгое время малочисленная иваново-вознесенская интеллигенция

¹¹¹ ГАВО. Ф. Р-797. Оп. 1. Д. 212. Л. 16 об.

¹¹² Личный архив А. М. Дубровиной; Боль и память. Книга Памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Т. 1 / сост. А. Семенов и др. Владимир, 2001. С. 116, 123, 136, 172; ГПУ раскрыта контрреволюционная организация белых офицеров и дворян // Призыв. 1930. 28 октября.

не могла образоваться в самом крупном городе губернии кадетскую партийную организацию. Но после своего создания она не исчезла в сложные для партии годы благодаря усилиям ее лидера М. К. Ефимова.

В 1917 г. создание комитетов в местностях, где ранее их не было, также было связано с появлением там новых деятельных членов партии, как это произошло, например, в селе Омофорово, где партийную группу возглавлял активный кадет В. А. Самойлов. К концу 1917 г. владимирским конституционным демократам, вероятно, удалось довести число местных партийных организаций и общую численность партии почти до максимальных значений 1906 г. в расчете на предстоящую политическую борьбу, в которой, однако, идея народной свободы очень быстро потерпела поражение под решительным натиском советской власти.

Литература

1. Пленкин О. И. Документы местных полицейских учреждений о членах конституционно-демократической партии (на примере Владимирской губернии) // Российская полиция: три века служения Отечеству: материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г.) / под ред. Н. С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 362–367. 1 электрон. опт. диск.

2. Седугин В. И. Либералы Центральной России в начале XX века (1905 – март 1917 гг.). Новомосковск: РХТУ им. Д. И. Менделеева, Новомосковский институт (филиал), 2008. 185 с.

3. Шелохаев В. В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. 232 с.

4. Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 328 с.

5. Шелохаев В. В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М.: РОССПЭН, 2015. 863 с.

6. Dahlmann D. Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996. 509 s.

7. Dahlmann D. Parteileben in Provinzstädten. Die Konstitutionell-Demokratische Partei Rußlands 1906–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 48. H. 1. 2000. S. 5–16. <https://doi.org/0.2307/41050476>

8. Emmons T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 529 p.

References

1. Plenkin O. I. Dokumenty mestnykh politseiskikh uchrezhdenii o chlenakh konstitutsionno-demokraticeskoi partii (na primere Vladimirskoi gubernii) [Documents of local police agencies on members of the Constitutional Democratic Party (using the Vladimir province as an example)] // Rossiiskaia politsiia: tri veka sluzheniia Otechestvu: materialy iubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 300-letiiu rossiiskoi politsii (Sankt-Peterburg, 23–25 aprelia 2018 g.) [Russian Police: Three centuries of service to the Fatherland: proceedings of the jubilee International scientific conference dedicated

to the 300th anniversary of the Russian Police (St. Petersburg, April 23–25, 2018)] / edited by N. S. Nizhnik. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. P. 362–367. (In Russ.).

2. Sedugin V. I. *Liberally Tsentral'noi Rossii v nachale XX veka (1905 – mart 1917 gg.)* [Liberals of Central Russia at the beginning of the 20th century (1905 – March 1917)]. Novomoskovsk: RKhTU im. D. I. Mendeleeva, Novomoskovskii institut (filial), 2008. 185 p. (In Russ.).

3. Shelokhaev V. V. *Ideologiia i politicheskaiia organizatsiia rossiiskoi liberal'noi burzhuazii. 1907–1914 gg.* [Ideology and political organization of the Russian liberal bourgeoisie. 1907–1914]. Moscow: Nauka, 1991. 232 p. (In Russ.).

4. Shelokhaev V. V. *Kadety — glavnaia partiia liberal'noi burzhuazii v bor'be s revoliutsiei 1905–1907 gg.* [The Cadets — the main party of the liberal bourgeoisie in the fight against the revolution of 1905–1907]. Moscow: Nauka, 1983. 328 p. (In Russ.).

5. Shelokhaev V. V. *Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia v Rossii i emigratsii* [The Constitutional Democratic Party in Russia and in exile]. Moscow: ROSSPEN, 2015. 863 p. (In Russ.).

6. Dahlmann D. *Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Duma wahlen 1906–1912.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1996. 509 s.

7. Dahlmann D. *Parteileben in Provinzstädten. Die Konstitutionell-Demokratische Partei Rußlands 1906–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 48. H. 1. 2000. S. 5–16.* <https://doi.org/0.2307/41050476>

8. Emmons T. *The formation of political parties and the first national elections in Russia.* Cambridge: Harvard University Press, 1983. 529 p.

Обзорная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-88-105

Арцуева Анна Саидовна

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

**«УДЕРЖИТ ЛИ ДРАКОН СВОЕ ЖЕЛТОЕ ЗНАМЯ»:
РУССКИЕ ПРАВЫЕ И СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается отношение русских правых начала XX в. к революционным событиям в Китае 1911–1912 гг. Для этой цели автором были изучены материалы печатных периодических изданий (одиннадцать наименований) как крайне правых, так и умеренно правых политических объединений, а также публицистические работы авторов консервативного толка. В ходе исследования были описаны взгляды русских правых на причины Синьхайской революции, проанализировано их отношение к упразднению монархии и установлению в Китае республики, отмечено, что серьезные различия во взглядах крайне правых и националистов на революционные события в Китае отсутствовали. В результате исследования были также выявлены причины, в соответствии с которыми формировалось мнение русских правых о значении Синьхайской революции для России и о вопросе признания независимости Монголии. Большое внимание в статье уделяется ксенофобской идее «желтой опасности», разделяемой русскими правыми начала XX в. и способствовавшей их оптимистичным оценкам в отношении перспектив Российской империи на Дальнем Востоке при ослаблении Китая в результате Синьхайской революции.

Ключевые слова: русские правые, монархисты, русский консерватизм, русский национализм, черносотенцы, периодическая печать, Китай, Синьхайская революция.

Для цитирования: Арцуева А. С. «Удержит ли дракон свое желтое знамя»: русские правые и Синьхайская революция // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 88–105. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-88-105>

Review article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-88-105

Artsueva Anna S.

Postgraduate Student

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

st099004@student.spbu.ru; ORCID: 0000-0001-8393-2951

**“WILL THE DRAGON HOLD ITS YELLOW BANNER”:
RUSSIAN RIGHT-WINGERS AND THE XINHAI REVOLUTION**

Abstract. The article examines the attitude of the Russian right-wingers of the early 20th century to the revolutionary events in China in 1911–1912. For this purpose, the author has studied materials of periodical printed publications (eleven titles), from both extreme right and moderate right political associations, as well as journalistic works of conservative authors. The research described the views of the Russian right-wingers on the causes of the Xinhai Revolution, analyzed their attitude to the elimination of the monarchy and the establishment of a republic in China, and noted that there were no serious differences in the views of the extreme right-wingers and nationalists on the revolutionary events in China. The research also revealed the reasons for the formation of the opinion of the Russian right-wingers on the meaning of the Xinhai Revolution for Russia and on the question of recognition of independence of Mongolia. In the article much attention is paid to the xenophobic idea of the “yellow peril”, shared by the Russian right-wingers of the early 20th century and contributing to their ambitious forecasts of the potential of the Russian Empire in the Far East with the weakening of China as a result of the Xinhai Revolution.

Keywords: Russian right-wingers, monarchists, Russian conservatism, Russian nationalism, black-hundredists, periodicals, China, Xinhai revolution.

For citation: Artsueva A. S. “Will the dragon hold its yellow banner»: Russian right-wingers and the Xinhai revolution // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 88–105. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-88-105>

Введение. Революция, в результате которой завершилось почти 270-летнее правление династии Цин в Китае, привлекала к себе внимание русских правых начала XX в. по целому ряду причин, главной из которых являлась протяженная граница Российской империи с этим восточным соседом. Тема отношения консерваторов к Синьхайской революции еще недостаточно изучена. Помимо общих работ о концептуальных воззрениях русских правых на положение России в мире и ее геополитических устремлениях, представленных отдельными главами или параграфами в обобщающих монографиях¹,

¹ Омельячук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007.; Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024.

а также диссертации В. Ю. Белянкиной² о развитии внешнеполитических взглядов представителей правых политических объединений России в начале XX в., есть небольшое число статей о восприятии консерваторами отдельных внешнеполитических событий, но, как правило, в них рассматриваются темы европейской истории³.

Вопрос отношения русских правых к революции в Китае затрагивается в статье В. Ю. Белянкиной⁴, посвященной представлениям консерваторов о национальных интересах России на Дальнем Востоке. Непосредственно о взглядах российского общества на события Синьхайской революции идет речь в статьях Л. И. Галлямовой⁵, Е. Рычевой⁶, А. Н. Рухлина и О. А. Рухлиной⁷, но в перечисленных работах оценкам русских правых уделяется либо крайне мало внимания, либо они совсем не приводятся. Нельзя не отметить диссертацию Т. И. Нигметзянова⁸ об отношении общественности и правительства России к Китаю в период Синьхайской революции, в которой взгляды консерваторов представлены наряду со взглядами представителей прочих политических направлений, военных кругов, делового мира и деятелей культуры России 1905–1914 гг. Таким образом, вопрос отношения русских правых начала XX в. к Синьхайской революции ранее не являлся отдельным предметом изучения историков. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в рассмотрении взглядов русских правых начала XX в. на революционные события в Китае 1911–1912 гг. и выявлении причин, побудивших их занять ту или иную позицию по вопросам, связанным с Синьхайской революцией.

Основным видом источников для исследования послужили печатные периодические издания, стоявшие в это время на консервативных позициях и выражавшие взгляды правых партий и союзов: газеты «Московские

² Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.

³ См, напр.: Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2022. № 3 (47). С. 27–43; Омелянчук И. В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 60–79.

⁴ Белянкина В. Ю. Национальные интересы России на Дальнем Востоке в контексте геополитической концепции русских консерваторов начала XX века // Всеобщая история. 2023. № 2. С. 14–21.

⁵ Галлямова Л. И. Синьхайская революция в Китае и Россия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Благовещенск, 2015. С. 113–116.

⁶ Рычева Е. Образ китайской революции 1911 г. в российской либеральной и правой печати: по материалам газет «Утро России» и «Русское знамя» // Опыты историко-антропологических исследований: сб. науч. работ студентов и аспирантов. М., 2004. С. 88–95.

⁷ Рухлин А. Н., Рухлина О. А. Синьхайская революция в Китае на страницах самарской периодической печати // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 4 (56). С. 384–393.

⁸ Нигметзянов Т. И. Отношение общественности и правительства России к Китаю в период Синьхайской революции 1911–1913 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 1997.

ведомости», «Русское знамя», «Курская быль», «Новое время», «Киевлянин», «Сокол», «Орел», «Земщина», «Гроза», «Русская правда» и журнал-газета «Гражданин».

Причины революции. Взгляд русских правых на причины революции не был единым. Редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский считал, что китайская революция является очередным этапом «борьбы жидо-масонства с христианскими монархиями»⁹. В газете Н. Е. Маркова «Курская быль» виновниками Синьхайской революции также назывались масоны: «Масоны доказали свою способность в конспирации. Благодаря заговорам им удалось свергнуть правительства в Турции, Персии, Португалии и Китае»¹⁰. В том же ключе высказывался и главный печатный орган Союза русского народа (СРН) «Русское знамя»: «Дело в том, что жидомасонство сделало громадные успехи и нашло возможным и необходимым произвести переворот во всех государствах, еще не вполне подпавших под их влияние... Исполняя этот гнусный план, жидомасонство устроило ряд революций в Турции, Персии, Португалии и, наконец, в Китае»¹¹. Правая пресса рассматривала Синьхайскую революцию в одном ряду с революциями начала XX в. в других государствах. Газета «Орел» на вопрос, почему разрушается Китай, Турция и Персия, отвечала: «от одной и той же причины: от попрания нравственных заповедных государственных устоев»¹².

Издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский в качестве причин революции называл, во-первых, увеличение числа «европеизированных китайцев», получивших образование в Европе и «после ряда впечатлений, приходивших к решимости отрезать косу» («святыню... консервативного и мистического монархизма»¹³); а во-вторых, в отсутствии у китайцев, не знакомых с понятиями политической жизни, тех чувств, «которые в Европе принято называть патриотизмом и монархической преданностью»¹⁴. На европейское влияние как основную причину политической нестабильности Китая указывала и монархическая газета «Сокол»: «Живя тысячелетиями своей особо замкнутой жизнью, Китай не знал и не ведал до последних годов никаких “нововведений” в европейском духе; он жил лишь собой. Пришел европеец со своей культурой и нарушил многовековой его покой. <...> Европейская цивилизация коснулась Турции, Персии, Индии и Японии, не обошла и Китай. Зашевелился уже и желтый дракон, предъявляет и он свои права на пути к “обновлению”. Европейская конституция, обошедшая все уже страны Востока, будет, вероятно, введена и в Китае»¹⁵.

⁹ Земщина. 1912. 1 января. № 864.

¹⁰ Курская быль. 1912. 21 июня. № 139.

¹¹ Русское знамя. 1912. 11 января. № 8.

¹² Орел. 1913. 13 января. № 3-55.

¹³ Гражданин. 1912. 12 февраля. № 6-7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сокол. 1908. 5 ноября. № 236.

В качестве одного из поводов к восстанию «Русское знамя» называло решение китайского правительства о национализации железных дорог, опять-таки отводя роль поджигателей народного возмущения иностранцам: «Из настоящего трудного положения Китая можно убедиться, как опасно допускать иностранцев пользоваться какими-либо льготами в стране, а тем более давать им возможность владеть имениями или промышленными предприятиями. <...> По объявлении богдыханского указа о выкупе дорог в казну иностранцы приняли меры к тому, чтобы не дать правительству возможности осуществить свое намерение. <...> Во главе этого движения стали китайские революционеры, получившие европейское образование и скрывавшиеся в Англии и Америке. Вожаки их неоднократно прибывали в Китай, устраивали заговоры, но спасались в иностранных концессиях или на иностранных военных судах»¹⁶.

Кроме европейцев в разжигании китайского революционного пожара русская правая пресса также обвиняла и Японию. Востоковед С. В. Недачин в статье «Мятеж в Китае» писал, что Япония «под видом участия и дружбы» стала приглашать к себе китайцев на учебу, предоставляя им льготы и стипендии: «преследуя всякие проявления социализма между своими гражданами, Япония с идеальной хитростью стала сеять зловредное учение Карла Маркса среди китайских студентов»¹⁷. В результате этого «получился целый легион китайских социалистов, которые, полуусвоивши разрушительные доктрины марксизма, явились на родину уже злостными врагами законного государственного строя Китая и маньчжурской династии»¹⁸. Недачин заключал, что Япония «теперь может смело торжествовать свою бескровную победу. Научивши уму-разуму китайскую молодежь, просветивши ее ужасом социализма, она спокойно может углубиться в Южную Маньчжурию»¹⁹. Заместитель председателя Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (РНСМА) Н. Д. Облеухов тоже считал, что «крушение Дайцинской династии происходило при деятельном участии Японии»²⁰, и в подтверждение данной точки зрения приводил следующий аргумент: Япония «первой признала республику, первой финансировала республиканское правительство»²¹. «Русское знамя» в статьях о китайской революции также упоминало японцев: «Повстанцами руководят японские инструкторы. Все революционные генералы получили военное образование в Японии. Из Японии и Америки получается оружие и деньги»²².

Вместе с тем при обсуждении причин Синьхайской революции большое внимание в правой прессе и публицистике уделялось проснувшемуся национальному самосознанию китайцев, которое произошло после того, как европейцы стали

¹⁶ Русское знамя 1911. 6 октября. № 222.

¹⁷ Московские ведомости. 1911. 16 октября. № 237.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ухтубужский П. Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 84.

²¹ Там же.

²² Русское знамя 1911. 9 октября. № 225.

активно проникать в их страну²³. Лидер русских националистов М. О. Меньшиков отмечал, что «общественный мир есть продукт строго выдержанной национальности». И пока монархии опирались на национальную аристократию, «их троны были неподвижными», но при условии смещения всех рас и всех культур задача поддержания «народного единодушия» стала значительно труднее²⁴. И «Московские ведомости», и «Русское знамя» также писали о большом значении национального вопроса в Китае, указывая, что восстание направлено «главным образом против маньчжурской династии и маньчжур как поработителей китайцев»²⁵, и именно на этой почве «сильнейшей вражды к маньчжурам» китайскими националистами был подготовлен народ²⁶. В статье «Что такое китайская революция», напечатанной в газете «Киевлянин» в декабре 1911 г., В. Долбин выделял три главных элемента Синьхайской революции: «националистическая вражда между южными — собственно китайскими и северными — инородческими племенами; политический раскол между приверженцами китайской старины, готовыми стоять даже за маньчжурскую гегемонию ради отпора эксплуатирующим Китай европейцам, и приверженцами обновления Китая европейской гражданственностью и культурой; наконец могущественное влияние специально китайской народной темноты, происходящей от того, что в силу особенностей китайской иероглифической письменности грамотность и ученость являются почти что синонимами и доступны очень немногим людям»²⁷.

Не оставляли без внимания русские правые и факт нахождения на китайском престоле несовершеннолетнего императора, пятилетнего Пу И: «Китай... в эпоху сильного брожения, возбужденного японскими войнами во всей Восточной и Южной Азии, оказался с младенцем на троне. Эпохи малолетства правителей и регентства вообще представляют огромную опасность и часто носят трагический характер, а для Китая опасность была в особенности велика»²⁸.

Таким образом, по мысли русских консерваторов начала XX в., кризис в Китае был, во-первых, системным, вызванным целым комплексом внутренних неразрешенных проблем и противоречий, а во-вторых, серьезную роль в разжигании революционного движения в Китае русские правые отводили европейским державам и Японии.

«Желтая опасность». Кроме Синьхайской революции российская правая периодическая печать внимательно следила за развитием событий и в других странах, на долю которых в начале XX в. выпали революционные потрясения. Сильный интерес русские консерваторы проявляли к Конституционной

²³ Ухтубужский П. Указ. соч. С. 77–78.

²⁴ Киевлянин. 1912. 5 февраля. № 36.

²⁵ Московские ведомости. 1911. 12 октября. № 233.

²⁶ Русское знамя 1911. 9 октября. № 225.

²⁷ Киевлянин. 1911. 2 декабря. № 333.

²⁸ Там же. 1912. 5 января. № 5.

революции в Иране²⁹ и Младотурецкой революции³⁰. При этом нельзя не заметить в целом более сдержанный тон публикаций консерваторов о событиях Синьхайской революции в сравнении с публикациями о революциях в Иране и Турции. Объясняется это следующим: с точки зрения русских правых, интересам Российской империи Синьхайская революция не могла причинить какого-либо серьезного ущерба³¹, а даже, наоборот, могла быть выгодна.

Дело в том что на рубеже XIX–XX вв. в Европе получила распространение идея о «желтой опасности», вызванная опасениями «наплыва поселенцев-завоевателей из Азии» на фоне усиления Китая и Японии — так называемого пробуждения Востока³². Восстание ихэтуаней в Китае (1898–1901), а затем поражение России в Русской-японской войне (1904–1905) послужили распространению в российском обществе данной идеи, ставшей одной из «великих ксенофобий»³³ XX в. Проблема казалась особенно острой с учетом недостаточной заселенности русскими дальневосточных окраин. Соответственно, до 1911 г. практически вся правая пресса регулярно публиковала статьи и заметки о недостаточном внимании правительства и общества к проблемам русского Дальнего Востока наряду с тревожными известиями о вооружении Китая и Японии, а также о различных инцидентах на русско-китайской границе. «С Дальнего Востока погромыхивает гром, и этот гром повелительно говорит России: “Помни о войне!”», — писал заместитель председателя Киевского клуба русских националистов (ККРН) А. И. Савенко в середине 1909 г. Говоря о том, что Россия отказалась от многих прав в Северной Маньчжурии, принадлежавших ей по договору 1896 г., Савенко замечал: «Россия теперь — не хозяин на своей собственной Маньчжурской жел. дороге. В пределах полосы отчуждения распоряжаются китайские власти. При начале и конце нашей железной дороги китайцы учредили свои таможни и т. д., на днях телеграф сообщил что китайцы, вопреки Айгунскому договору, открыли таможню на самом берегу Амура, против Благовещенска. Словом, китайцы очень осмелели против нас, а русское министерство иностранных дел ограничивается бессильными бумажными протестами, окончательно роняющими престиж России. Иначе и быть не может, ибо если мы будем говорить всем и каждому о нашем миролюбии

²⁹ Иванов А. А., Арцуева А. С. «Железной рукой навести порядок»: русские правые и персидская революция 1905–1911 годов // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 1. С. 38–54.

³⁰ Арцуева А. С. «И младотуркам не воскресить своего отечества»: русские правые и Младотурецкая революция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 77–90.

³¹ Земщина. 1912. 1 февраля. № 893.

³² Титаренко А. С. Теория «желтой опасности» в России на рубеже XIX–XX вв. // Китай: история и современность: материалы VI международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2013. С. 64.

³³ Дятлов В. И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1. № 2. С. 51–63.

и о том, что мы не изменим ему ни при каких обстоятельствах, то с нами ровно никто не будет считаться, даже Китай»³⁴.

Князь В. П. Мещерский рассуждал в том же ключе: «Минувшая русско-японская война глубоко поколебала не только материальные интересы России, но также и нравственную сторону ее войск. Престиж непобедимости их, так долго и мощно державшийся среди азиатских народов, потерял под собой почву, чем отчасти и объясняется какая-то неуверенность в их расположении к нам»³⁵. При этом В. П. Мещерский считал, что России ни в коем случае нельзя примириться с мыслью «быть оттесненными от берегов Великого океана», так как это равносильно «нашему политическому понижению на степень второклассной державы». А потому, по его мнению, «достоинство русского народа требует принятия следующих мер: во-первых, теперь же надо увеличить численность войск как на самом Дальнем Востоке, так и в местностях к нему прилегающих, и во-вторых, разработать вопрос о заселении их переселенцами русской народности и все это выполнить в ближайший, неотлагаемый срок»³⁶. Н. Д. Облеухов выделял следующие элементы пробуждения народов Азии, заставляющие консерваторов говорить о «желтой опасности»: во-первых, усвоение азиатскими народами внешней европейской культуры и техники военного дела; во-вторых, «органическая ненависть к европейцам»; в-третьих, национальное чувство и желание изгнать европейцев из своих владений; и, наконец, перенаселение Японии и Китая³⁷.

Вместе с тем тон подобных публикаций в правой прессе был все же не воинственным, а только встревоженным. «Мы желаем жить с ними в мирных отношениях, на пользу столько же китайцев, сколько русских, но для этого обе стороны и должны соблюдать условия, создающие эту мирную жизнь», — отмечалось в «Московских ведомостях»³⁸. О том, что «сохранение векового традиционно-дружелюбия между Россией и Китаем... должно быть положено в основу всей русской политики в Азии», писал и востоковед Д. Г. Янчевецкий в очерках о задачах России на Дальнем Востоке³⁹. Так же считала и редакция газеты «Курская быль»: «Границы обеих стран растянулись на 9000 верст... и поэтому отношения их не могут нормально не регулироваться. В течение двухсот лет со времени Нерчинского трактата, когда была уступлена Китаю крепость Албазин, отношения наши были основаны на истинном дружелюбии и взаимном уважении. Но прискорбные события 1900 г. слегка восстановили против нас Китай. Однако же, все еще можно дело уладить. Китайцы народ справедливый, склонный к уступкам. Если в последнее время происходят недоразумения,

³⁴ Киевлянин. 1909. 30 июля. № 208.

³⁵ Гражданин. 1909. 8 октября. № 75–76.

³⁶ Там же.

³⁷ Ухтубужский П. Указ. соч. С. 64–65.

³⁸ Московские ведомости. 1911. 12 октября. № 233.

³⁹ Янчевецкий Д. Г. Гроза с Востока: Задачи России, задачи Японии на Дальнем Востоке. Ревель, 1908. С. 57–58.

то во многом мы сами виноваты. Мы не умеем держать себя с достоинством, приличным великой нации. Если мы будем продолжать свои дела в Китае таким образом, как ныне, то осложнения неизбежны; столкновение с Китаем будет стоить нам так же дорого, как война с Японией»⁴⁰.

Панические статьи о положении на русско-китайской границе печатались в «Московских ведомостях», «Курской были», «Грозе» и других правых газетах все предреволюционные годы. Консервативная пресса писала о том, что «китайцы начинают держать себя по отношению русского населения чрезвычайно враждебно и вызывающе»⁴¹, подсчитывала численность вооруженных сил Китайской империи⁴², а также уделяла большое внимание вопросу переселения русских людей на Дальний Восток⁴³. О том что «Дальний Восток — наша Ахиллесова пята, в которую раз мы уже были жестоко поражены», писало «Русское знамя» и при этом сетовало на то, что многое с этой далекой окраины «до нас вовсе не доходит, а на многие факты, даже оглашаемые в прессе, мы мало обращаем внимания и скоро о них забываем»⁴⁴. Рупор СРН указывал при этом на необходимость навести порядок в войсках на Дальнем Востоке. В газете Астраханской народно-монархической партии «Русская правда» также предьявлялись претензии к русской дальневосточной политике: «Со всех сторон приходят известия, что положение на Дальнем Востоке считается угрожающим. Китай вооружается, строит флот, возводит укрепленные места. <...> А что мы делаем для того, чтобы не быть застигнутыми врасплох новой войной на Дальнем Востоке? Ровно ничего!»⁴⁵. Газета «Новое время» также отстаивала мысль, что российскому правительству и обществу необходимо уделять больше внимания делам Дальнего Востока: «Не собираясь ни с кем воевать и желая только одного: чтобы с нами поступали так же миролюбиво и рассчитывались так же честно, как и мы, все-таки не будем дремать на далекой окраине, чтобы не проснуться от неожиданного удара, может быть неизлечимого»⁴⁶.

Тревога русских правых, вызванная идеей «желтой опасности», привела к тому, что внутриполитические проблемы Китая были восприняты ими как «временная отсрочка»⁴⁷ от возможных конфликтов России на Дальнем Востоке. Редакция газеты «Орел» считала, что, с точки зрения русских людей, конечно, нужно радоваться происходящим событиям, так как Китай своей величиной всегда угрожал «спокойствию нашего отечества»⁴⁸. Подобная мысль

⁴⁰ Курская быль. 1909. 4 октября. № 218.

⁴¹ Курская быль. 1909. 4 августа. № 172; Курская быль. 1909. 6 сентября. № 198; Гроза. 1911. 5 февраля. № 105; Гроза. 1911. 13 марта. № 135.

⁴² Московские ведомости. 1909. 4 сентября. № 203.

⁴³ Московские ведомости. 1909. 19 ноября. № 266; Московские ведомости. 1909. 27 ноября. № 272; Гражданин. 1909. 12 ноября. № 85–86.

⁴⁴ Русское знамя. 1911. 16 ноября. № 257.

⁴⁵ Русская правда. 1909. 8 октября. № 29.

⁴⁶ Новое время. 1909. 3 сентября. № 12025.

⁴⁷ Ухтубужский П. Указ. соч. С. 82.

⁴⁸ Орел. 1913. 13 января. № 3-55.

высказывалась и в «Московских ведомостях»: «Мы должны быть крайне благодарны китайской революции за то, что она развеяла тот мираж призрачной силы, который в течение последних лет заставлял нашу политику, с целью устранения всякой возможности конфликтов с Китаем, жертвовать всеми выгодами нашего политического положения на Востоке»⁴⁹.

Исходя из этих соображений, русские правые начала XX в. восприняли Синьхайскую революцию спокойнее, чем падение монархий в других государствах.

Монгольский вопрос. Одним из наиболее существенных и важных для России вопросов, связанных с событиями Синьхайской революции, по мнению русских правых, являлся монгольский вопрос. На фоне революции усилилось национально-освободительное движение во Внешней Монголии, которая в конце 1911 г. провозгласила свою независимость. Новое китайское правительство было намерено превратить Внешнюю Монголию в одну из китайских провинций, против чего выступала Россия, желавшая признания автономии Монголии и ставшая посредником в китайско-монгольских делах⁵⁰. Отстаивая мысль о ненужности вмешательства России во внутренние дела Китая, русские правые вместе с тем считали, что вопрос независимости Монголии требует от российского правительства немедленных энергичных действий, так как революционные события в Китае обеспечивают для этого благоприятный момент.

«Если китайцы начали свою революцию во имя национальной идеи, то ничего не будет удивительного, если Монголия и Маньчжурия отплатят им той же монетой», — отмечалось после отречения китайского императора в одном из номеров «Нового времени»⁵¹. Практически сразу после сообщений о начале национального-освободительного движения в Монголии редакция «Русского знамени» давала следующий прогноз: «Значение независимости Монголии получается огромное. В этой независимости наиболее заинтересованной является Россия, для которой Монголия отныне сделалась государством буфером от Китая. Выгода от такого положения вещей чрезвычайно велика для России. <...> Монголы... народность миролюбивая, издавна привыкшая видеть в России свою защитницу, и потому по границе с ней свободно можно ослабить военную силу, перенесши ее к Маньчжурии. Надлежит полагать, что это обстоятельство будет служить главной гарантией независимости Монголии, признать которую поспешит, прежде всего, Российское государство»⁵². Аналогично смотрела на монгольский вопрос и редакция «Московских ведомостей»: «Интересы России требуют сохранения независимости Монголии; и нельзя не приветствовать твердую, достойную России политику, принятую нашим правительством в этом вопросе»⁵³.

⁴⁹ Московские ведомости. 1911. 1 ноября. № 250.

⁵⁰ История внешней политики России. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018. С. 362–363.

⁵¹ Новое время. 1912. 2 февраля. № 12893.

⁵² Русское знамя. 1911. 16 декабря. № 281.

⁵³ Московские ведомости. 1911. 31 декабря. № 300.

А. И. Савенко также писал, что Россия обязана воспользоваться «происходящим ныне в Китае развалом» для того, чтобы «продвинуть русские владения до их естественных пределов, до пустыни Гоби, которая должна лежать между Россией и Китаем»⁵⁴. О необходимости буферной зоны, «загораживающей Сибирь и Приамурье от Внутреннего Китая» говорил и Д. Г. Янчевецкий еще в 1907 г.⁵⁵ С. В. Недачин выражал в «Московских ведомостях» мнение, что независимость Монголии представляется для России «весьма важной с точки зрения экономической», и так как «факт независимости Монголии от Китая совершится естественным образом, со стороны русского правительства не может быть никаких оснований к непризнанию Монголии самостоятельным княжеством»⁵⁶.

21 октября 1912 г. было подписано соглашение России с Монголией, в котором говорилось, что «Императорское российское правительство окажет Монголии свою помощь к тому, чтобы сохранился установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами»⁵⁷. Русские правые при этом считали, что российское дипломатическое ведомство «усвоило правильную точку зрения» и выработало «единственно возможное решение монгольского вопроса», заключавшееся в поддержке восстановления самобытного строя Монголии⁵⁸.

«Перемена монархии на республику». Однако при всем оптимизме русских правых, вызванном восприятием Синьхайской революции как временной передышки и возможности для России укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, статьи о самой китайской революции в правой прессе полностью соответствовали базовому убеждению консерваторов: любые революционные потрясения — зло для народа, которого постигла эта участь. «Действительная, истинная цель революционеров всех стран и всех народов заключается не в том, чтобы осуществить “благо народа”, а в том, чтобы захватить власть и, главное, казенный сундук»⁵⁹, — писал А. Вольнец на страницах «Киевлянина». Правые газеты обращали внимание читателей на то, что многочисленные уступки со стороны императора и правительства не производят «успокоение воспаленных умов Китая»: «под диктовку Юань Шикая императором был подписан манифест, где “сын неба” открыто кается перед народом в своих прегрешениях, сознается, что он “ошибался”, “заблуждался” и т. д. Подобного унижения императорской власти в Китае еще не бывало. Такое самоунижение императорского достоинства не только не успокоило бунтующих китайцев,

⁵⁴ Киевлянин. 1912. 2 февраля. № 33.

⁵⁵ Янчевецкий Д. Г. Указ. соч. С. 56–57.

⁵⁶ Московские ведомости. 1911. 24 декабря. № 295.

⁵⁷ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / И. В. Козьменко. М., 1952. С. 411.

⁵⁸ Киевлянин. 1911. 30 декабря. № 359.

⁵⁹ Там же. 18 ноября. № 319.

но, наоборот, еще подлило масла в огонь. Им уже показалось теперь слишком недостаточным обещание правительства о немедленном созыве парламента»⁶⁰.

Русские правые с интересом наблюдали за тем, как разрешится политический кризис в Китае. С. В. Недачин, задаваясь в конце 1911 г. вопросом, «удержит ли дракон свое желтое знамя», писал, что исторически воспитанный на конфуцианстве Китай, боготворящий саму идею императорской власти, вряд ли сможет легко склониться «к такому новшеству, для него странному, как республика», но вместе с этим «по мнению многих, дни Маньчжурской династии могут быть сочтены»⁶¹. А. И. Савенко после отречения императора и провозглашения республики признавал: «мы вообще очень мало знаем Китай и китайцев»⁶² и потому ответить на вопрос, что будет с этой страной, сможет только сама жизнь. Однако дальнейшая судьба Поднебесной империи все же представлялась русским правым неутешительной. В «Русском знамени» подчеркивалось, что невозможно сохранить «в целостности государства с инородческим населением, одновременно с ослаблением центральной власти»⁶³. О том что вместо «национальной славы... Китай стал терять значительные куски своих владений», сообщали «Московские ведомости»⁶⁴. Редакция «Грозы» считала, что Синьхайская революция демонстрирует, «к чему приводит в государствах из смешанных племен перемена монархии на республику»: всего год назад китайская империя заставляла «трепетать все народы мира слухами о своем пробуждении от застоя и вступлении на путь современной культуры», а теперь «все, кому не лень, все рвут от Китая, что только им любо»⁶⁵. «Россия взяла под свое покровительство Монголию, Япония — Манчжурию, Англия — Тибет, Северо-Американские Штаты области Шанхая и Нанкин. От Китая отложились огромные куски, правда, подпавшие под покровительство других держав, но китайцам от этого ведь не легче. Самый Китай разложился на север, середину и юг, и все эти части стремятся к совершенной независимости одна от другой»⁶⁶. М. О. Меньшиков писал, что китайским революционерам предстоит большое разочарование: «Пусть они правы в том, что старая власть, удовлетворительная в древние времена, слишком недостаточна теперь, — но исправнее ли окажется республиканский строй — это еще большой вопрос»⁶⁷. С. К. Глинка-Янчевский полагал, что после победы революции в Китае будет разрастаться анархия. Он считал, что «помимо возмущения народа, начнется дележ добычи, и главари разных провинций неизбежно перегрызутся», а в Китае с его огромным населением «установить власть и заставить ей подчиниться» будет нелегко⁶⁸.

⁶⁰ Московские ведомости. 1911. 19 ноября. № 266.

⁶¹ Там же.

⁶² Киевлянин. 1912. 2 февраля. № 33.

⁶³ Русское знамя. 1911. 14 декабря № 279.

⁶⁴ Московские ведомости. 1912. 18 февраля. № 40.

⁶⁵ Гроза. 1912. 7 февраля. № 319.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Киевлянин. 1912. 5 февраля. № 36.

⁶⁸ Земщина. 1912. 1 февраля. № 893.

При рассмотрении событий Синьхайской революции русские правые большое внимание уделяли личности Юань Шикая. После того как китайское правительство доверило ему вести переговоры с революционерами, в консервативной прессе стали печататься факты из биографии этого сановника; особо подчеркивалось то, что он уже однажды предал доверившегося ему императора. В том что Юань Шикай снова может пойти на предательство, не сомневались редакции «Земщины», «Грозы», «Московских ведомостей» и «Русского знамени»⁶⁹. «Курская быль» обвиняла первого министра Китайской империи и главнокомандующего всеми войсками в ведении двойной игры⁷⁰; В. П. Мещерский предполагал, что Юань Шикай планирует сам стать китайским императором, воспользовавшись революцией⁷¹, в чем, как оказалось, не ошибся. И надо сказать, что оценки личности Юань Шикая, которые давали русские правые во время революционных событий, совпадают с характеристиками исследователей истории Китая⁷². «Монархический строй рухнул после многотысячелетнего существования, и вместо него в Китае должна утвердиться республика, создать которую поручено как раз тому человеку, который призван был к поддержанию империи... Вместо борьбы Юань Шикай предпочел принудить династию к отречению, чтобы самому стать во главе Китая», — сообщали «Московские ведомости» в феврале 1912 г.⁷³

Пример для России. Выражая свои мысли по поводу Синьхайской революции, русские правые не уставали повторять, что революционные потрясения опасны для всех государств, и призывали помнить «неограниченных еще в своей власти государей», что «ни одна революция не приносила пользы ни одной стране, что государственные перевороты имели успех только при малодушных правителях, что революции брали верх исключительно благодаря предательству высших сановников, и потому никогда ни одному из них верить нельзя»⁷⁴. С. К. Глинка-Янчевский полагал, что, хотя анархия в Китае не несет для России каких-либо материальных потерь, нельзя забывать, что «моральное значение переворота — несомненно», так как «разрушена монархия, существовавшая много тысячелетий», и этот факт «неизбежно окрылит и наших разрушителей». При этом редактор «Земщины» выражал надежду на то, что «этот же переворот заставит нас взяться за ум и умерить слишком поспешное шествие к “прогрессу”»⁷⁵.

⁶⁹ Земщина. 1912. 1 февраля. № 893; Гроза. 1912. 7 февраля. № 319; Московские ведомости. 1911. 19 ноября. № 266; Русское знамя. 1911. 9 декабря. № 275.

⁷⁰ Курская быль. 1912. 25 февраля. № 45.

⁷¹ Гражданин. 1912. 12 февраля. № 6–7.

⁷² См., например: Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия / пер. с англ. А. И. Куприна. М., 2013. С. 393–394.

⁷³ Московские ведомости. 1912. 5 февраля. № 29.

⁷⁴ Гроза. 1912. 7 февраля. № 319.

⁷⁵ Земщина. 1912. 1 февраля. № 893.

Газета «Русское знамя» часто проводила параллели между событиями в Китае и политической жизнью России: Сунь Ятсен сравнивался с П. Н. Милюковым, Юань Шикай — с графом С. Ю. Витте, а противники учреждения республики в Китае — с Союзом русского народа⁷⁶. «Изучение истории других государств весьма важно для народов, так как на их примерах возможно избегать ошибок у себя, и наши обозрения жизни у соседей имеют именно эту цель», — заявляла редакция «Русского знамени»⁷⁷. Через год после отречения китайского императора, рисуя безрадостную картину политического положения Китая, неизвестный автор газеты «Орел» писал: «Этот пример Китая особенно поучителен для нас, русских. 21 февраля наступает счастливый день избрания на российский престол всем народом русским боярина Михаила Федоровича Романова. Под самодержавной властью потомков его в какие-нибудь ничтожные 300 лет небольшая русская страна, теснимая со всех сторон врагами, вырослась в огромную империю, занимающую шестую часть земного шара и числящую в себе 170 миллионов жителей обоего пола. Не показывает ли это русским людям всей важности охранения самодержавной власти от каких бы то ни было попыток на народоправство. Если 400-миллионный Китай, в течение одного лишь года после лишения богдыхана самодержавной власти, потерял третью часть своих владений, то не грозят ли тем же самым и для России попытки установить народоправство!?»⁷⁸

Заключение. Как видим, свержению династии Цин в ходе Синьхайской революции 1911–1912 гг. в правой прессе было уделено достаточно внимания. Представители монархических политических объединений России высказывали различные мнения о причинах китайского революционного движения, но сходились в том, что внутренние проблемы Китайской империи были использованы иностранными державами для раздувания выгодного им революционного пожара и ослабления Китая. И крайне правые, и националисты были сходны в своих оценках и взглядах на революционные события в Китае. В сравнении с публикациями о революциях в Иране и Турции тон сообщений консервативных периодических изданий о Синьхайской революции был более спокойным, что объясняется геополитическими соображениями русских правых. Дальний Восток представлялся им регионом, который находится под постоянной угрозой «просыпающихся народов Азии», и поэтому ослабление крупнейшего восточного соседа внутренними неурядицами было воспринято консерваторами как отсрочка от опасности и возможность наладить дела на дальневосточных окраинах Российской империи. Руководствуясь такими соображениями, русские правые приветствовали действия Министерства

⁷⁶ Русское знамя. 1912. 27 января. № 22; Русское знамя. 1912. 14 февраля. № 35; Русское знамя. 1911. 9 декабря. № 275.

⁷⁷ Русское знамя. 1911. 9 декабря. № 275.

⁷⁸ Орел. 1913. 13 января. № 3-55.

иностранных дел по оказанию помощи Внешней Монголии в провозглашении ее независимости. Независимая Монголия становилась буферной зоной между Россией и Китаем, что, по мнению правых, всецело отвечало интересам Российской империи. Однако при этом публикации о Синьхайской революции в консервативной прессе были пронизаны духом непринятия революционных общественных изменений. Кроме того, тема революции в Китае использовалась русскими правыми для того, чтобы продемонстрировать читателям негативные последствия народных волнений и напомнить о необходимости сохранения самодержавия в России.

Литература

1. Арцуева А. С. «И младотуркам не воскресить своего отечества»: русские правые и Младотурецкая революция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 77–90. <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-2-7>
2. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005. 215 с.
3. Белянкина В. Ю. Национальные интересы России на Дальнем Востоке в контексте геополитической концепции русских консерваторов начала XX века // Всеобщая история. 2023. № 2. С. 14–21. <https://doi.org/10.25791/vseist.02.2023.1175>
4. Галлямова Л. И. Синьхайская революция в Китае и Россия // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы V Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г.). Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ун-т, 2015. С. 113–116.
5. Дятлов В. И. «Великие ксенофобии»: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 2-1 (4). С. 51–63.
6. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
7. Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2022. № 3 (47). С. 27–43. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03>
8. Иванов А. А., Арцуева А. С. «Железной рукой навести порядок»: русские правые и Персидская революция 1905–1911 годов // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. № 1 (49). С. 38–54. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04>
9. История внешней политики России: в 5 т. Т. 5. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический Проект; Парадигма, 2018. 658 с.
10. Крофтс А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия / пер. с англ. А. И. Куприна. М.: Центрполиграф, 2013. 571 с.
11. Нигметзянов Т. И. Отношение общественности и правительства России к Китаю в период Синьхайской революции 1911–1913 годов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 1997. 24 с.
12. Омелянчук И. В. Взгляды монархистов на русско-германские отношения в начале XX в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 60–79. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05>

13. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с.
14. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 519 с.
15. Рухлин А. Н., Рухлина О. А. Синьхайская революция в Китае на страницах самарской периодической печати // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 4 (56). С. 384–393. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.56.021.202104.384-393>
16. Рычева Е. Образ китайской революции 1911 г. в российской либеральной и правой печати: по материалам газет «Утро России» и «Русское знамя» // Опыты историко-антропологических исследований: сборник научных работ студентов и аспирантов. М.: Экон-Информ, 2004. С. 88–95.
17. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952. 462 с.
18. Титаренко А. С. Теория «желтой опасности» в России на рубеже XIX–XX вв. // Китай: история и современность: материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. С. 64–71.

References

1. Artsueva A.S. «I mladoturkam ne voskresit' svoego otechestva»: russkie pravye i Mladoturetskaia revoliutsiia [“And the Young Turks will not resurrect their fatherland”: Russian right-wingers and the Young Turk Revolution] // Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Science. 2024. № 2. P. 77–90. <https://doi.org/10.5922/vestnikhum-2024-2-7> (In Russ.).
2. Belyankina V. Yu. Vneshnepoliticheskie vzgliady russkikh pravyykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.) [Foreign policy views of the Russian right-wingers at the beginning of the 20th century (1905–1914)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Kostroma, 2005. 215 p. (In Russ.).
3. Belyankina V. Yu. Natsional'nye interesy Rossii na Dal'nem Vostoke v kontekste geopoliticheskoi kontseptsii russkikh konservatorov nachala XX veka [National interests of Russia in the Far East in the context of the geopolitical concept of Russian conservatives at the beginning of the 20th century] // Universal History. 2023. № 2. P. 14–21. <https://doi.org/10.25791/vseist.02.2023.1175> (In Russ.).
4. Gallamova L. I. Sin'khaiskaia revoliutsiia v Kitae i Rossiia [Xinhai revolution in China and Russia] // Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva: Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk – Kheikhe – Kharbin, 18–23 maia 2015 g.) [Russia and China: history and prospects of cooperation: proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk – Heihe – Harbin, May 18–23, 2015)]. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2015. P. 113–116. (In Russ.).
5. Dyatlov V. I. «Velikie ksenofobii»: vzaimovliianie i vzaimodeistvie (opyt Rossii) [“Great Xenophobias”: Mutual influence and interaction (Russian experience)] // Ideas & Ideals. 2010. Vol. 2. № 2-1 (4). P. 51–63. (In Russ.).
6. Ivanov A. A. Pravye partii Rossiiskoi imperii [Right-wing parties of the Russian Empire]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2024. 735 p. (In Russ.).

7. Ivanov A. A. Soiuz Rossii s Frantsiei i Velikobritaniei v otsenke russkikh pravyykh nachala XX v. [The alliance of Russia with France and Great Britain in the perception of Russian right-wingers in the early XXth century] // MCU Journal of Historical Studies. 2022. № 3 (47). P. 27–43. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03> (In Russ.).

8. Ivanov A. A., Artsueva A. S. «Zheleznoi rukoi navesti poriadok»: russkie pravye i persidskaia revoliutsiia 1905–1911 godov [“To bring order with an iron hand”: Russian right-wingers and the Persian Revolution of 1905–1911] // MCU Journal of Historical Studies. 2023. № 1 (49). P. 38–54. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2023.49.1.04> (In Russ.).

9. Istoriiia vneshnei politiki Rossii: v 5 t. T. 5. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot rusko-frantsuzskogo soiuza do Oktiabr’skoi revoliutsii) [History of Russia’s foreign policy: in 5 vols. Vol. 5. The end of the 19th – the beginning of the 20th century (From the Russian-French union to the October Revolution)]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Paradigma, 2018. 658 p. (In Russ.).

10. Crofts A., Buchanan P. Istoriiia Dal’nego Vostoka. Vostochnaia i Iugo-Vostochnaia Aziia [The History of the Far East. East and Southeast Asia] / translated from English by A. I. Kuprin. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 571 p. (In Russ.).

11. Nigmatzianov T. I. Otnoshenie obshchestvennosti i pravitel’sтва Rossii k Kitaiu v period Sin’khaiskoi revoliutsii 1911–1913 godov [The attitude of the Russian public and government towards China during the Xinhai Revolution of 1911–1913]: abstract of the thesis of the Candidate of Historical Sciences. Kostroma, 1997. 24 p. (In Russ.).

12. Omelyanchuk I. V. Vzgliady monarkhistov na rusko-germanskiiye otnosheniia v nachale XX v. [Monarchists’ views on Russian-German relations at the beginning of the 20th century] // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 60–79. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2024.54.2.05> (In Russ.).

13. Omelyanchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901 – 1914) [Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).

14. Repnikov A. V. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii [Conservative concepts of Russia rearrangement]. Moscow: Academia, 2007. 519 p. (In Russ.).

15. Rukhlin A. N., Rukhlina O. A. Sin’khaiskaia revoliutsiia v Kitae na strani-tsakh samarskoi periodicheskoi pechati [The Xinhai revolution in China on the pages of the Samara periodic press] // Gumanitarian: Russian Journal of the Humanities. 2021. T. 21. № 4 (56). P. 384–393. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.056.021.202104.384-393> (In Russ.).

16. Rycheva E. Obraz kitaiskoi revoliutsii 1911 g. v rossiiskoi liberal’noi i pravoi pechati: po materialam gazet «Utro Rossii» i «Russkoe znamia» [The image of the Chinese revolution of 1911 in the Russian liberal and right-wing press: based on materials from the newspapers “Utro Rossii” and “Russkoe Znamya”] // Opyty istoriko-antropologicheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov. Moscow: Ekon-Inform, 2004. P. 88–95. (In Russ.).

17. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917] / compiler I. V. Koz’menko. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 462 p. (In Russ.).

18. Titarenko A. S. Teoriia «zheltoi opasnosti» v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The theory of the “yellow peril” in Russia at the turn of the 19th–20th centuries] // Kitai: istoriia i sovremennost’: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [China: history and modernity: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference]. Ekaterinburg: Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, 2013. P. 64–71. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-106-121

Ермаков Вадим Андреевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный технический

университет им. Н. Э. Баумана

Москва, Россия

fact-476@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6774-24445

**РОЛЬ ПОЛОЖЕНИЯ ОТ 14 АВГУСТА 1881 г.
В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ
САРАТОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА П. А. СТОЛЫПИНА**

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов административной практики саратовского губернатора Столыпина в 1903–1906 гг., связанного с применением Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Предметом изучения стал правовой механизм его введения, продления и функционирования в Саратовской губернии. Уделено внимание оценке эффективности и результативности Положения в различных уездах Саратовской губернии в период революционных событий 1905–1906 гг. и тому значению, которое оно сыграло в стабилизации политической ситуации.

Автор приходит к выводу о том, что характер и частота применяемых статей Положения были напрямую связаны с нарастанием социально-политического кризиса, что отразилось на содержании управленческих решений и методах реализации чрезвычайных мероприятий. При этом комплекс антикризисных мер, реализуемых Столыпиным в условиях дестабилизации обстановки в губернии, включал как меры репрессивного воздействия на оппозицию, так и проекты по решению аграрного вопроса, что повышало эффективность проводимой политики урегулирования конфликта.

Ключевые слова: агитация, губерния, Положение от 14 августа 1881 г., обязательные постановления, революция, управление, усиленная охрана, чрезвычайное законодательство.

Для цитирования: Ермаков В. А. Роль положения от 14 августа 1881 г. в административной практике саратовского губернатора П. А. Столыпина // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 106–121. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-106-121>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-106-121

Ermakov Vadim A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Bauman Moscow State Technical University

Moscow, Russia

fact-476@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6774-24445

**THE ROLE OF THE REGULATION OF AUGUST 14, 1881
IN THE ADMINISTRATION OF SARATOV PROVINCE
DURING THE PERIOD OF P. A. STOLYPIN'S ACTIVITY**

Abstract. The article examines one of the aspects of the administrative practice of the Saratov Governor Stolypin in 1903–1906, related to the application of the Regulation “On measures to maintain state order and public peace”. The article examines the legal mechanism for the introduction and extension and functioning of the Regulation in the Saratov province. Attention is paid to the assessment of the effectiveness and efficiency of the Regulation in various districts of the Saratov province during the revolutionary events of 1905–1906 and the significance it played in stabilizing the political situation. The author comes to the conclusion that the nature and frequency of the articles of the Regulation applied were directly related to the growing socio-political crisis, which affected the content of management decisions and methods of implementing emergency measures. At the same time, the complex of anti-crisis measures implemented by Stolypin in the context of destabilization of the situation in the province included both measures of repressive influence on the opposition and projects to resolve the agrarian issue, which increased the effectiveness of the policy of conflict resolution.

Keywords: agitation, province, state, mandatory regulations, revolution, administration, enhanced security, emergency legislation.

For citation: Ermakov V. A. The role of the Regulation of August 14, 1881 in the administration of Saratov province during the period of P. A. Stolypin's activity // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 106–121. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-106-121>

Введение. Государственное управление Российской империи, механизм функционирования политической системы и ее эффективность являются актуальными и проблемными темами в контексте современной политической истории. В связи с этим представляет интерес изучение управленческого опыта на различных уровнях самодержавной вертикали власти как в периоды политической стабильности, так и в условиях кризиса. К такого рода опыту можно отнести деятельность П. А. Столыпина на посту саратовского губернатора с 1903 по 1906 г. Период достаточно краткий, тем не менее значимый для формирования управленческого стиля Столыпина

и понимания механизмов выработки управленческих решений, проектов реформ и стратегий развития государства.

Предметом исследования в статье стал один из аспектов практики антикризисного управления саратовского губернатора Столыпина в 1903–1906 гг., связанного с применением Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

В историографии, посвященной П. А. Столыпину, несколько работ касаются саратовского периода его биографии. Так, Н. Н. Зырянов, затрагивая вопрос о протестной активности 1904 г. (в том числе крестьянские беспорядки и оппозиционную деятельность земств), «успокоение» губернии во многом объясняет решительными действиями губернатора¹. И. В. Омелянчук, писал, что представители монархических партий, памятуя ту твердость, которую П. А. Столыпин проявил при подавлении революционных выступлений в Саратове, одобрили его назначение председателем Совета министров, «надеясь, что новый глава правительства... сумеет подавить революцию»² и в масштабах России.

П. А. Пожигайло и В. В. Шелохаев в своей монографии не рассматривали отдельно саратовский период деятельности П. А. Столыпина, но интерес представляет данная ими оценка использования чрезвычайных мер: «Понимая, что власть должна, обязана выполнить непопулярную в оппозиционных общественных кругах отрицательную задачу, суть которой сводилась к подавлению всеми имеющимися в руках государства средствами революционных эксцессов, Столыпин приложил максимальные усилия для ее реализации»³.

В исследовании Д. В. Табачника и В. Н. Воронина⁴ саратовскому периоду деятельности посвящен специальный раздел «Во главе “трудной губернии”». Констатируя тот факт, что в период революции 1905 г. сохранять политический порядок становилось все сложнее, так как в его дестабилизацию были вовлечены как левые, так и правые силы, авторы отмечают конструктивные действия Столыпина на посту губернатора. По их мнению, принимая обязательные постановления в 1903 г., «саратовский губернатор пытался сделать все возможное, чтобы предотвратить массовые беспорядки», однако «подобные паллиативные (а в масштабах одной губернии они иными быть и не могли) меры, конечно, не могли потушить костер близкой революции и давали лишь краткосрочный эффект»⁵.

¹ Зырянов П. Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992. С. 21–23.

² Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 63.

³ Пожигайло П. А., Шелохаев В. В. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М., 2011. С. 17.

⁴ Табачник Д. В., Воронин В. Н. Петр Столыпин: крестный путь реформатора. М., 2012. С. 56–75.

⁵ Там же. С. 59.

В своей работе Г. П. Сидоровнин⁶ посвятил деятельности П. А. Столыпина на посту саратовского губернатора отдельную главу, в которой рассмотрел использование П. А. Столыпиным чрезвычайных мер как средства противодействия и аграрным беспорядкам, и другим неконвенциональным формам протеста. Вопрос о применении Положения от 14 августа 1881 г. упоминается в связи с прибытием в Саратовскую губернию военного министра В. В. Сахарова: «3 ноября он прибыл с войсками в губернию, а на следующий день все уезды были объявлены на положении “усиленной охраны”»⁷.

Таким образом, вопрос о применении П. А. Столыпиным Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. в бытность его Саратовским губернатором практически не исследован. Не прослежена также связь между арсеналом применяемых на местах методов чрезвычайного управления и вышеназванным Положением. Восполнить эту историографическую лакуну и призвана данная статья.

Основной источниковой базы исследования стали документы, отложившиеся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО), в частности в фонде Канцелярии саратовского губернатора (Ф. 1). Среди них следует выделить переписку П. А. Столыпина с главой МВД, его донесения о текущей обстановке и обязательные постановления, телеграммы губернатора местным властям, начальникам полиции и войск, циркуляры земским начальникам и т. п. Ряд документов содержится в сборнике под редакцией А. В. Вороженцева и А. И. Пиреева⁸. Названный корпус источников позволяет установить корреляцию между введением чрезвычайных мер и степенью дестабилизации политической ситуации, а также оценить эффективность административных мер, направленных на прекращение беспорядков, т. е. вполне репрезентативен.

Ход и результаты исследования. Саратовский период государственной службы Столыпина пришелся на динамичное и драматичное время, когда необходимо было принимать срочные и не всегда поддерживаемые общественным мнением решения, что не могло не отразиться на методах управления и стиле руководства реформатора. Некоторые из таких решений касались применения Положения от 14 августа 1881 г. в Саратовской губернии в начале XX в.

Положение об усиленной охране, принятое императором Александром III как средство обеспечения государственной и общественной безопасности, к моменту саратовского губернаторства Столыпина функционировало уже

⁶ Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М., 2014. С. 96–148.

⁷ Сидоровнин Г. П. Указ. соч. С. 141.

⁸ Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.): сборник документов Государственного архива Саратовской области / сост. А. В. Вороженцев, А. И. Пиреев; отв. ред. Г. В. Скорочкина. Саратов, 2007.

более двадцати лет и имело многообразные применения как на уровне губерний, так и в Российской империи в целом. Принципиальную значимость этого установления отмечал американский историк Р. Пайпс: «14 августа 1881 г. Александр III узаконил своей подписью наиболее важный законодательный акт в истории императорской России между отменой крепостного права в 1861 г. и Октябрьским манифестом 1905 г.»⁹.

Столыпин, приступив к исполнению губернаторских обязанностей в 1903 г., застал Саратовскую губернию в состоянии усиленной охраны, что предоставило ему изначально расширенный объем полномочий в управлении губернией. Следует подчеркнуть, что усиленная охрана являлась систематически продлеваемой мерой, вводимой Комитетом министров и Министерством внутренних дел каждый год в качестве проверенного способа управления губерниями, особенно в случае дестабилизации обстановки. 19 апреля 1903 г. в соответствии со статьей 15 Положения от 14 августа 1881 г. вышло обязательное постановление саратовского губернатора «О воспреещении сходок и собраний» на основании Положения об усиленной охране за подписью Столыпина и скрепленное управляющим канцелярией И. Г. Кноллем. Оно стало реакцией нового губернатора на активизацию оппозиционных настроений в среде крестьянства и возобновившуюся практику поджогов помещичьего имущества, особенно в Балашовском и Царицынском уездах.

Прежде всего, в рамках этого постановления оказались под запретом любые публичные мероприятия, не санкционированные властью, и за нарушение его предусматривался арест в административном порядке или денежный штраф в размере до 500 рублей. «Воспреещаются повсеместно в пределах Саратовской губернии всякого рода сборища и собрания, не дозволенные установленным порядком, независимо от их цели и места»¹⁰. Доведение содержания постановления до населения происходило разными способами: «В гг. Саратове и Царицыне — путем опубликования в местных газетах, в прочих уездных городах и посаде Дубовке — путем расклейки печатных объявлений, а в сельских — через г[оспод] земских начальников на сельских сходах»¹¹, что достаточно быстро обеспечило его введение. Тем не менее, как следует из конфиденциального донесения Столыпина министру внутренних дел В. К. Плеве под № 2660 от 3 мая 1903 г., в котором давался обзор аграрных выступлений в губернии с указанием их причин, поджоги и тревожные настроения среди крестьян и опасения помещиков губернии продолжались, а единичное привлечение крестьян к ответственности — аресту на 7 суток, как это было в с. Сестренки в имении Сусанова Балашовского уезда, — не решало

⁹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 398.

¹⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Д. 6460. Л. 126; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 32.

¹¹ Там же.

принципиально проблемы¹². К причинам снижения эффективности подобного положения следует отнести не только длительность применения чрезвычайных мер, но и популярность антиправительственной агитации среди крестьянства в связи с нерешенностью аграрного вопроса.

Инициативы Столыпина в рамках комплекса чрезвычайных мер не ограничивались статьями Положения об усиленной охране. Так, 17 мая 1903 г. в донесении В. К. Плеве был предложен проект Положения об учреждении в Саратовской губернии конно-полицейской команды, в разработке которого были задействованы представители судебных и жандармских органов. В соответствии с ним предполагалось сформировать на выделенные из бюджета средства казачьи команды, набранные из казачьих войск для несения полицейских функций военного назначения. «В основание означенного проекта положен принцип сохранения за командой, насколько это возможно при несении полицейской службы, военного характера, присвоения всем членам команды прав и преимуществ действительной службы и применения, по возможности, отдельных статей положения к существующим узаконениям и практике последних лет»¹³. Данная инициатива скорее уже согласовывалась с правилами Положения о чрезвычайной охране, где в статье 26 пункте б предписывалось: «Главначальствующему, независимо от прав, указанных в отделе II настоящего Положения, предоставляется в пределах подведомственной ему местности... право учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды, с кругом прав и обязанностей, указываемых при самом их учреждении»¹⁴. Особенность вводимых саратовским губернатором мер в рамках борьбы с кризисом 1903 г. состояла в том, что использование силы для поддержания порядка сочеталось с подаваемыми в Министерство внутренних дел проектами по решению аграрного вопроса в пределах губернии.

Повторное использование обязательного постановления от 19 апреля 1903 г. произошло во время активизации аграрных волнений в Аткарском уезде в мае 1903 г. в связи с претензиями крестьян на часть земельной собственности землевладельца Юрьевича. Самовольный захват земли и сопротивление представителям власти заставили Столыпина лично выехать 19 мая в село Дурасовку с конно-полицейской командой и арестовать зачинщиков беспорядков. «Все эти 9 лиц были мной немедленно выделены на основании моего обязательного постановления от 19 апреля 1903 г. из толпы и с места под конвоем отправлены в уездный город под арест при полиции, срок которого

¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6517. Л. 22–25; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 38–39.

¹³ Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 41–42.

¹⁴ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1. От № 1–585 и Дополнения. СПб., 1885. № 350. С. 264.

я определил для первых 4 главных зачинщиков и подстрекателей — в 3 месяца, для двоих менее виновных — в 1 месяц и для остальных — в 10 дней»¹⁵.

В качестве дополнительных мер для урегулирования конфликта в уезде и защиты прав собственников были использованы учрежденные ранее военно-полицейские команды, оставляемые на содержании крестьян и отзываемые по мере нормализации ситуации. С момента вступления в должность в 1903 г. и до октября 1904 г. П. А. Столыпин использовал Положение от 14 августа 1881 г. для издания обязательных постановлений 17 раз, в результате чего санкциям подверглись 101 человек¹⁶.

Ситуация с применением Положения об усиленной охране, в том числе и в Саратовской губернии, начала меняться в 1904 г. Это было обусловлено, во-первых, вступлением в войну с Японией, во-вторых, нарастанием общественно-политического кризиса и усилением массового движения крестьянства по всей стране из-за нерешенных внутренних проблем, в-третьих, частичной готовностью власти к более либеральному политическому курсу, в рамках которого можно было провести назревшие реформы, в-четвертых, изменением в руководстве Министерством внутренних дел, когда на смену консервативному В. К. Плеве, оказывавшему поддержку силовым инициативам Столыпина, пришел в августе 1904 г. более либеральный князь П. Д. Святополк-Мирский, стремившийся к компромиссу с общественными и сословными организациями (в том числе и оппозиционными) и более гибкой внутренней политике. Как отмечает историк П. С. Кабытов, «ситуация усугубилась тем, что П. Д. Святополк-Мирский приостановил действия Положения об усиленной охране, и губернатор оказался не в силах издавать для губернии обязательные постановления, которые предусматривали административное наказание за их нарушения»¹⁷.

Приостановка и ограничение функционирования чрезвычайных законов, применявшихся столь длительный период времени, отразились как на механизме управления государством в целом, так и на характере принимаемых решений на уровне многих губерний.

Подобная инициатива министра внутренних дел имела двойной эффект: с одной стороны, высшие должностные лица и губернские администрации, основательно усвоившие возможности дискреционной власти и расширения объемов полномочий, воспринимали такой способ управления как естественный и им сложно было возвращаться к нормальному способу управления с доминантой гражданских законов; с другой стороны, власть на местах лишалась инструмента первостепенной важности для введения превентивных мер с целью предотвращения беспорядков и для стабилизации обстановки

¹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10257. Л. 21–22.

¹⁶ Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 76.

¹⁷ Кабытов П. С. П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007. С. 119.

в случае наступления чрезвычайных ситуаций. Как раз дальнейшие предложения в Министерство внутренних дел и действия саратовского губернатора, учитывавшего положение дел на местах и возможные риски негативного развития событий, в определенной степени объясняют его заинтересованность в продлении усиленной охраны.

В течение весны – лета 1904 г. Столыпин совершил серию инспекционных поездок по губернии, побывав в том числе в Балашовском, Аткарском, Царицынском уездах, где вновь наблюдалась беспорядки. Активизировалось также земское движение, некоторые земские собрания выражали протест в ответ на распоряжения правительства и вступали в конфликт с администрацией и духовенством. Помимо этого, «энергичная подпольная деятельность, значительно упавшая с удалением отсюда главных ее виновников, имела громадное влияние на местное крестьянское население, в особенности на молодежь, окончательно восстановила его против властей, малейшее послабление или снисходительность которых рассматривалась как слабость, и имела следствием целый ряд систематических поджогов имущества землевладельцев, самовольных захватов их земель и т. п.»¹⁸.

Учитывая особенности сложившегося положения на управляемой территории, саратовский губернатор 12 сентября 1904 г. под грифом «Секретно» отправил на имя министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского ходатайство за № 5820 о продлении в губернии Положения об усиленной охране, так как 1 декабря формально заканчивался срок вводимой на год усиленной охраны в соответствии со статьей 12 Положения от 14 августа 1881 г. Основанием для продления послужили обозначенные губернатором угрозы повторения беспорядков вследствие антипомещечьих настроений крестьянства, а также фактор Русско-японской войны, который мог стать поводом для критики правительства и катализатором нарастания оппозиционного движения. «Принимая во внимание, что политическая жизнь губернии еще не вошла в колею и аграрные вопросы не перестают волновать крестьянские умы, я признавал бы, безусловно, необходимым, особенно ввиду военных событий, служащих поводом к усиленной агитации среди населения, продолжить срок усиленной охраны во вверенной мне губернии еще на год, о чем и ходатайствую перед Вашим Сиятельством»¹⁹.

15 октября 1904 г. последовало повторное донесение в Министерство внутренних дел, адресованное товарищу министра внутренних дел, командиру корпуса жандармов К. Н. Рыдзевскому с целью сохранить право применения статей чрезвычайных законов в необходимом объеме. В нем П. А. Столыпин убедительно показывал на основании осуществленных мероприятий,

¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10253. Л. 112; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 73–74.

¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6628. Л. 65; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 69.

что только особые полномочия в пределах Положения об охране предоставляли ему оперативные и эффективные инструменты в деле пресечения и предотвращения правонарушений в аграрной сфере. «Если мне и удалось остановить крестьянское движение в уезде Балашовском, части Аткарского, Петровского и Сердобского, то только благодаря мерам самым строгим и решительным, до высылки из пределов губернии включительно, которые я имел возможность применять на основании Положения об усиленной охране»²⁰. Следует учитывать и те пояснения в документе, что право административной высылки, предоставляемое Положением, последний раз использовалось Столыпиным в июне 1903 г. и он допускал отказ в дальнейшем от него, что являлось определенным шагом в ограничении инструментов, имевшихся в составе чрезвычайных законов.

При этом саратовский губернатор настоятельно защищал ту часть Положения об охране, которая предоставляла полномочия по изданию обязательных постановлений и полагал, что их следует сохранять до тех пор, пока не будут устранены причины антиправительственной агитации и аграрных беспорядков — крестьянское малоземелье и вытекающая из него экономическая неустойчивость крестьянских хозяйств. В донесении говорилось: «Полагаю еще рискованным отнимать у губернатора единственное оружие для успешной борьбы с этим злом, требующей времени и возможности действовать в каждом случае быстро и решительно, что осуществимо только для губернатора, облеченного достаточной властью, которую предоставляет ему Положение об охране»²¹. В итоговом заключении предлагалось распространить усиленную охрану на год на всю Саратовскую губернию.

Аналогичное предложение было отправлено и в очередном секретном донесении саратовского губернатора от 31 октября 1904 г. в Департамент полиции с изложением причин, требующих сохранения в губернии чрезвычайного законодательства: «Это постановление давало мне возможность оказывать немедленное воздействие на крестьянскую толпу в случаях проявления ею своеволий»²².

Следует подчеркнуть, что судебное преследование не приносило ожидаемого результата: собрания революционного характера продолжались под прикрытием официально разрешенных мероприятий. Так, в донесении саратовского губернатора министру внутренних дел «О политическом брожении в губернии и невозможности подавить его мерами судебного преследования», отправленного П. Д. Святополку-Мирскому 31 декабря 1904 г. под № 8773²³,

²⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10257. Л. 65–65 об.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 70.

²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10257. Л. 65–65 об.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 71.

²² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10257. Л. 64–64 об.

²³ Там же. Д. 6616. Л. 129–132 об.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 83–88.

сообщалось об инциденте в г. Балашове, где 14 декабря 1904 г. на банкете в честь празднования 40-летней годовщины судебных уставов Александра II представители земств открыто критиковали правительство и его политику, предлагали ликвидировать самодержавие²⁴. Немедленно открытое Саратовским губернским жандармским управлением по этому поводу дело о государственном преступлении не дало ожидаемого эффекта, и подобные оппозиционные собрания продолжились в других городах Саратовской губернии. В этом же документе сохранилась и просьба о продлении Положения об охране в Саратовской губернии: «Привлечение же виновных к ответственности в административном порядке неосуществимо, т. к. срок действия в Саратовской губернии правил об усиленной охране 1 сего декабря истек, а право дальнейшего издания постановлений мне еще не предоставлено. Было бы весьма желательно возможно скорейшее узаконение за мной этого права, так как с начала января начнутся подготовительные совещания перед земским собранием и попутно новые незаконные сходки и собрания»²⁵. Таким образом, Столыпин в конце 1904 г. для обеспечения безопасности во вверенной ему губернии, ссылаясь на многочисленные прецеденты нарушений прав собственников и усиливающуюся оппозиционную активность, считал применение чрезвычайных законов необходимым как в качестве предупредительной, так и регулярной меры.

По причинам юридического характера действие Положения об охране в Саратовской губернии было прекращено чуть больше чем на месяц. Тем не менее даже за такой короткий срок стало очевидным, что отсутствие оперативных репрессивных мер для «охранения» общественного порядка провоцировало население к неповиновению администрации, а неэффективность судебного преследования по статьям о государственных преступлениях в соответствии с Уставами уголовного судопроизводства влекла игнорирование существовавших законов.

Опасения по поводу рисков дестабилизации высказывались П. А. Столыпиным в донесении министру внутренних дел в первой декаде января 1905 г.: «В данное время, спустя больше месяца после снятия охраны, применение предоставленного мне теперь права налагать административные наказания за нарушения моих обязательных постановлений, я боюсь, окажется опасным и может вызвать открытые беспорядки»²⁶. При таких обстоятельствах саратовский губернатор оказался между Сциллой и Харибдой: с одной стороны, возобновление режима усиленной охраны приведет к обострению политического противостояния властей и общества; с другой — опыт показал, что приостановка действия чрезвычайных законов также не способствует умиротворению населения. Выбор все же был сделан в пользу силовых методов, эффективность которых была доказана событиями 1904 г. Радикализация политического процесса в стране

²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6616. Л. 129.

²⁵ Там же. Л. 132–132 об.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 89.

²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6806. Л. 6.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 93.

после событий 9 января 1905 г. подтолкнула правительство к возобновлению права саратовского губернатора издавать обязательные постановления с 11 января по 1 декабря 1905 г. для предотвращения противоправных действий, накладывать санкции в виде трехмесячного ареста или штрафа в 500 рублей, разрешать в административном порядке дела о нарушениях постановлений. Ссылаясь на предоставленные права, губернатор восстановил действие обязательного постановления от 19 апреля 1903 г., введенного им в начале саратовского периода²⁷.

Одновременно начавшиеся в январе 1905 г. повсеместные забастовки на предприятиях Саратовской губернии, прецеденты выхода из-под контроля органов земского самоуправления, когда служащие уездных земских управ саботировали работу и решения об увольнении вышестоящего начальства, волнения молодежи и участие в протестном движении учащихся средних учебных заведений, а также другие формы политической активности стали качественно новым вызовом для администрации и органов власти. Ответом на эти вызовы являлись испытанные средства административного воздействия, предусмотренные Положением от 14 августа 1881 г.

В регулярных телеграммах на имя министра внутренних дел в течение января – февраля 1905 г. докладывалось о нестабильной обстановке в Саратовской губернии, готовности не допустить любыми способами открытых революционных демонстраций и вооруженных выступлений против власти. Кроме того, делался прогноз о рисках повторения аграрных волнений с наступлением весны, поэтому в качестве превентивной меры, способной обеспечить безопасность в случае конфликта, предлагалось выслать дополнительные войска. «В представлении от 29 минувшего января за № 428 я доложил Вашему Высокопревосходительству свои опасения относительно возобновления в Саратовской губернии с наступлением весны аграрных захватов, поджогов и беспорядков и ходатайствовал об усилении саратовского гарнизона кавалерией»²⁸.

Отметим, что тенденция к децентрализации протестных акций и увеличение их размаха, а также синхронность и внезапность их возникновения при неспособности власти эффективно и единовременно ответить на большинство из них имела следствием дальнейшую динамику революционного кризиса. П. А. Столыпин 11 февраля 1905 г. сообщал: «Саратовская губерния, всегда отличавшаяся особой отзывчивостью на всякого рода преступные агитации, очутилась бы в критическом положении как вследствие недостатка войск, отсутствия кавалерии, так особенно и вследствие невозможности двинуть пехотные части в места беспорядков при прекращении железнодорожного сообщения»²⁹. Он предлагал увеличить количество армейских частей на случай беспорядков.

²⁷ Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 32.

²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6896. Л. 46; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 98.

²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6896. Л. 47.

Применение обязательных постановлений в течение 1905 г. по отношению к различным формам протестной общественной активности приобрело в Саратовской губернии повсеместный характер. Как отмечают в комментариях историки А. В. Воронежцев и А. И. Пиреев, «во время революционных событий 1905 г. применение губернатором постановлений стало повседневностью. На их основе наказаниям подверглись сотни людей»³⁰. Достаточно привести несколько фактов применения подобных мер, чтобы сделать дополнительные выводы о масштабах и степени использования Положения об охране в управлении Саратовской губернией во время революции 1905–1907 гг.

Так, в рамках просветительских мероприятий, направленных на профилактику эпидемии холеры, проводились открытые лекции, одна из которых прошла 17 марта 1905 г. в городском театре. Достаточно было сомнительных слухов о готовящейся демонстрации, подозрений в оппозиционности организаторов мероприятий из городского санитарного попечительства или отдельных антиправительственных высказываний из зала, чтобы мероприятие попало под действие обязательных постановлений и было отменено. Саратовский губернатор в донесении министру внутренних дел «о политическом настроении в губернии» от 24 марта под № 1480 сообщал: «Отказав решительным образом в домогательстве этих лиц, приказал полицмейстеру опустить занавес и объявить публике, что собрание по моему приказанию закрыто и присутствующие должны разойтись. Таким образом, дальнейшее имело характер незаконного сборища, за которые участники должны были отвечать, как за нарушение моего обязательного постановления»³¹. Аресты лиц, не подчинившихся распоряжению П. А. Столыпина, проводились по всему городу, в том числе и в публичных местах, «так как демонстранты бросились в пивные, во дворы, в рестораны и даже в первоклассный ресторан “Россия”»³².

Еще один прецедент применения чрезвычайных мер был связан с поступившей к губернатору информацией о сборе денежных средств для вооружения бастующих, распространении огнестрельного оружия и отдельными случаями его применения. Реакция его последовала незамедлительно: «вследствие сего я издал обязательное постановление о запрещении ношения огнестрельного оружия в гг. Саратове, Царицыне и Вольске»³³. 23 марта 1905 г. выпущено распоряжение, которое ставило под запрет ношение огнестрельного и холодного оружия на улицах и в публичных местах, кроме сотрудников правоохранительных структур, нарушители могли подвергнуться аресту до 3 месяцев или штрафу до 500 рублей³⁴. С нарастанием угрозы вооруженного сопротивления и в связи с инцидентами применения огнестрельного оружия революционерами

³⁰ Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 211.

³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6822. Л. 6–8. Копия; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 103–104.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6746. Л. 92.

П. А. Столыпин идет на исключительную меру. 7 сентября 1905 г. было издано обязательное постановление саратовского губернатора о запрете на продажу оружия, в соответствии с которым «торговцам во всех городах и посаде Дубовке Саратовской губернии» запрещалась «продажа патронов для ружей и револьверов и разного рода огнестрельных припасов лицам, не имеющим на то разрешения полицмейстеров и уездных исправников»³⁵. Информация об этом постановлении была доведена до населения через местные газеты и расклеенные повсюду объявления.

Весной – летом 1905 г. в Саратовской губернии заметно активизировалось аграрное движение. Триггером массовых волнений, как правило, становились повторяющиеся эпизоды покушения на крупную частную собственность и нарушения прав собственников в различных частях губернии. Существенное значение в наращивании протестной активности крестьянства играла подпольная, а затем открытая антиправительственная агитация, использующая в качестве ключевого аргумента «революционизирования» крестьянских масс нерешенность аграрного вопроса, а также регулярную мобилизацию в армию из-за продолжавшейся Русско-японской войны. Проводниками подобной пропаганды становился близкий к сельскому населению «третий элемент» — земские врачи и учителя, а также служащие земских управ, которых не смущало даже присутствие земских начальников и полиции. Таким образом, пресечение актов революционной пропаганды становилось не менее существенной задачей, чем оперативное реагирование на случаи самовольного захвата собственности, поскольку эти два явления были прямо связаны между собой.

29 апреля 1905 г. Столыпин с охраной из казаков и полиции совершил поездку в Ивановку 2-ю Балашовского уезда для разбирательства дела о несанкционированном собрании, на повестке которого стояли вопросы о ликвидации частной собственности и прекращении войны, что прямо нарушало обязательные постановления. Сообщая министру внутренних дел А. Г. Булыгину о наложении санкций (аресте) на крестьян с. Ивановки 2-й за нарушение обязательных постановлений, П. А. Столыпин писал: «Я решил применить в данном случае свое обязательное постановление о недозволенных собраниях, так как сход по данным вопросам не мог считаться законным, ссылка же на рескрипт от 18 февраля не могла иметь никакого значения, так как сход не обращался, согласно указу Сената от 18 февраля, на высочайшее имя через Совет министров, а через губернскую земскую управу министру внутренних дел»³⁶.

Напомним, царский указ от 18 февраля 1905 г., официально разрешавший обсуждение вопросов государственного управления, дополненный циркуляром

³⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6674. Л. 19. Копия; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 159.

³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6896. Л. 494–495; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 116.

А. Г. Булыгина от 12 апреля 1905 г., содержал предписания, которые проводили тонкую грань между легальным и нелегальным обсуждением государственных проблем во время собраний, и, конечно, они могли вступать в противоречие с базовыми нормам Положения об охране и обязательными постановлениями должностных лиц по конкретным случаям. Лишь размытость в юридических формулировках и ссылки на процессуальные нарушения при подаче решений схода для обсуждения крестьянских нужд дало Столыпину возможность оставить в силе свои постановления.

В июне 1905 г. произошло ухудшение обстановки во многих уездах губернии на фоне известий о поражении русского флота в Цусимском сражении и угрозы голода из-за непогоды. Центрами аграрных волнений стали Аткарский, Сердобский, Петровский, Саратовский, Балашовский, Камышинский уезды. Основным средством губернатора для пресечения беспорядков по-прежнему являлось Положение об охране. П. А. Столыпин писал министру внутренних дел (донесение от 11 июня 1905 г. № 3486): «План действий мой таков: всякое насилие останавливать в зародыше и немедленная репрессия, так как иная постановка вызывает лишь глумление над полицией и войсками. Репрессия же выражается в аресте зачинщиков... Аресты производятся на основании 29 статьи Положения об охране»³⁷.

В случае если прокуратура не выносит участникам приговор по уголовной статье, то они наказываются за нарушение обязательного постановления. Подобные действия в отношении открытых крестьянских сходов и наличие в то же время царского указа от 18 февраля, позволявшего при соблюдении процедур, сообщать на высочайшее имя о нуждах подданных, способствовали тому, что крестьяне начали тайно собираться в лесах и других труднодоступных местах, что вызывало опасения губернатора, поскольку такого рода собрания не поддавались контролю со стороны администрации, а обсуждавшиеся на них вопросы об изменении государственного строя могли стать дополнительным катализатором беспорядков.

Проблема также состояла и в том, что по мере масштабирования обязательных постановлений по практически любым поводам крестьянской активности власть сталкивалась со снижением результативности репрессий. Крестьяне не только понимали, что за нарушение вводимых постановлений их ожидало максимальное наказание — арест на три месяца, — но и то, что расследования дел в жандармских управлениях, как правило, не доводились до суда. Это способствовало тому, что многие из них продолжали противоправную деятельность по мере возвращения из-под ареста. Следствием такого положения дел стали еще более откровенные захваты помещичьей собственности и открытое неповиновение властям. Дело доходило и до массовых конфликтов, как это было 21 июля в Балашовском уезде, когда земское собрание

³⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7038. Л. 108–108 а об.; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 127.

по делу врачей переросло в массовые погромы с участием крестьянского населения.

Отметим, что Министерство внутренних дел поощряло решительность саратовского губернатора, признавая применяемые им меры адекватными и настаивало на дальнейшем использовании Положения от 14 августа 1881 г. в качестве законодательной основы для борьбы с революционными выступлениями. 20 октября товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново прислал телеграмму Столыпину, в которой настаивал на расширении действия Положения об охране: «Убедительно прошу Вас принять меры действительной охраны в Сердобском уезде и Трескине, ибо, по имеющимся сведениям, в Аткарском уезде положение крайне опасно»³⁸.

Земские начальники на местах также требовали от губернатора присылать дополнительные войска. П. А. Столыпин от подчиненных требовал решительности и в случае исчерпания других средств для наведения порядка открытия огня на поражение. В телеграмме № 986 саратовскому уездному исправнику В. П. Протопопову губернатором были даны следующие рекомендации: «Примите самые решительные меры. При сопротивлении войскам, после неудачи остальных мероприятий, должен быть открыт огонь»³⁹.

После публикации Манифеста 17 октября 1905 г., предоставлявшего политические права и свободы подданным, в том числе на свободу слова и собраний, применение властями Положения об охране осложнилось, так как названный манифест противоречил и нормам чрезвычайных законов, и обязательным постановлениям губернаторов. Так, 3 февраля 1906 г. П. А. Столыпин издал секретный циркуляр уездным исправникам Саратовской губернии, в котором предписывал «согласно циркулярному письму министра внутренних дел от 24 минувшего января за № 4, принять к неуклонному исполнению, что в местностях, объявленных на Положении усиленной и чрезвычайной охраны, собрания по аграрным вопросам с участием крестьян, безусловно, не могут быть допускаемы»⁴⁰. Даже на тех территориях, где не действовало Положение об охране и подобные собрания имели правовое основание в соответствии с официальными распоряжениями правительства, необходимо было получить разрешение на их проведение от Министерства внутренних дел и прочих инстанций.

В период стабилизации обстановки саратовский губернатор уже не настаивал на открытых силовых действиях в отношении протестующих, а ограничивался организацией судебных преследований участников аграрных беспорядков и других революционных выступлений. Тем не менее в апреле 1906 г. специальным циркуляром «в виде временной меры» земским начальникам «в чрезвычайных случаях, при отсутствии полицейского начальства» было

³⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6730. Л. 69; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 161.

³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6730. Л. 154.

⁴⁰ Там же. Д. 7068. Л. 15; Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 197.

предоставлено «право вызова войсковых частей для предупреждения и подавления беспорядков... на что командующий войсками изъявил свое согласие»⁴¹.

Решительность Столыпина и его эффективность как губернатора в противодействии антиправительственным выступлениям, в том числе на основании Положения об охране, не могли не обратить на себя внимания со стороны верховной власти. Об этом свидетельствуют как отчеты Д. Ф. Трепова Николаю II в течение 1905 г., так и последовавшее в апреле 1906 г. назначение саратовского губернатора на пост министра внутренних дел.

Заключение. Таким образом трехлетний срок губернаторских полномочий П. А. Столыпина пришелся на период нарастания общественно-политического кризиса и начала революционных событий, что не могло не отразиться на содержании и качестве управленческих решений, характере предпринимаемых чрезвычайных мероприятий. Однако отметим, что комплекс антикризисных мер, реализуемых Столыпиным в условиях дестабилизации обстановки в губернии, включал как меры репрессивного воздействия по отношению к различным формам протестной активности, так и проекты по решению аграрного вопроса, что повышало эффективность проводимой политики урегулирования конфликта. Сложность заключалась в том, что по мере проведения запущенных в 1905–1906 гг. трансформаций государственного механизма все сложнее было сочетать чрезвычайные методы управления и гражданские политические свободы. Однако ни центральные ведомства, ни региональные органы власти, представителем которых на тот момент являлся П. А. Столыпин, не могли отказаться от устоявшейся традиции применения чрезвычайных законов и использования особых полномочий. Роль регулярно продлеваемого Положения от 14 августа 1881 г. в защите самодержавной власти была настолько существенной, что оно продолжало сохраняться вплоть до Февраля 1917 г.

Литература

1. Зырянов П. Н. Петр Столыпин: Политический портрет. М.: Высшая школа, 1992. 157 с.
2. Кабытов П. С. П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М.: РОССПЭН, 2007. 192 с.
3. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
4. Пайпс Р. Россия при старом режиме / [пер. с англ. В. Козловского]. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
5. Пожигайло П. А., Шелохаев В. В. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2011. 237 с.

⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6672. Л. 77–77 об. Саратовский губернатор П. А. Столыпин в зеркале документов (1903–1906 гг.). С. 207–208.

6. Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за отечество. Жизнеописание (1862–1911). М.: Общество сохранения литературного наследия, 2014. 736 с.
7. Табачник Д. В., Воронин В. Н. Петр Столыпин: крестный путь реформатора. М.: Молодая гвардия, 2012. 404 с.

References

1. Zyryanov P. N. Petr Stolypin: Politicheskii portret [Pyotr Stolypin: A political portrait]. Moscow: Vysshaia shkola, 1992. 157 p. (In Russ.).
2. Kabytov P. S. P. A. Stolypin: poslednii reformator Rossiiskoi imperii [P. A. Stolypin: the last reformer of the Russian Empire]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 192 p. (In Russ.).
3. Omelyanchuk I. V. Pravye partii i P. A. Stolypin [Right-wing parties and P. A. Stolypin] // Rossiiskaia istoriia [Russian History]. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
4. Pipes R. Rossiia pri starom rezhime [Russia under the old regime] / translated from English by V. Kozlovsky. Moscow: Nezavisimaia gazeta, 1993. 424 p. (In Russ.).
5. Pozhigailo P. A., Shelokhaev V. V. Petr Arkad'evich Stolypin. Intellect i volia [Pyotr Arkadyevich Stolypin. Intellect and will]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 237 p. (In Russ.).
6. Sidorovnin G. P. P. A. Stolypin. Zhizn' za otechestvo. Zhizneopisanie (1862–1911) [P. A. Stolypin. Life for the Fatherland. Biography (1862–1911)]. Moscow: Obshchestvo sokhraneniia literaturnogo naslediia, 2014. 736 p. (In Russ.).
7. Tabachnik D. V., Voronin V. N. Petr Stolypin: krestnyi put' reformatora [Pyotr Stolypin: the way of the Cross of the reformer]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012. 404 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-123-137

Астахов Иван Эдуардович

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

iastakhov16@list.ru

**ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
И ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ДУХОВЕНСТВА ОРЕНБУРГА
КАК ОРГАНЫ ЕПАРХИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В 1917 г.**

Аннотация. После Февральской революции в Русской православной церкви началось разрушение старой консисторской системы управления епархиями. По всей стране прошли общепархиальные съезды, которые положили основание новой административной системы. Однако остается малоизученным вопрос, как осуществлялось епархиальное управление в регионах в период между революцией и съездами. В Оренбургской епархии в этот период на первый план выдвигаются общее собрание оренбургского городского духовенства и его исполнительный комитет. В статье рассматриваются вопросы, связанные с появлением этих органов в марте 1917 г., их деятельностью, а также их упадком летом и осенью 1917 г. Автор делает вывод, что общее собрание духовенства и исполнительный комитет являлись ключевыми административными органами в Оренбургской епархии весной 1917 г., так как почти сразу после создания их влияние распространилось далеко за пределы Оренбурга. Именно эти органы власти способствовали поддержанию порядка в епархии. Пиком их влияния был май 1917 г. Летом и осенью 1917 г., после избрания епархиального совета, деятельность собрания и исполнительного комитета постепенно затухает, окончательно прекращаясь осенью 1917 г.

Ключевые слова: Оренбургская епархия, церковная революция, общепархиальный съезд, Мефодий (Герасимов), общее собрание городского духовенства, исполнительный комитет оренбургского духовенства.

Для цитирования: Астахов И. Э. Исполнительный комитет и общее собрание духовенства Оренбурга как органы епархиальной власти в 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 123–137. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-123-137>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-123-137

Astakhov Ivan E.

Postgraduate Student

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

iastakhov16@list.ru

EXECUTIVE COMMITTEE AND GENERAL ASSEMBLY OF CLERGY OF ORENBURG AS ORGANS OF DIOCESAN AUTHORITY IN 1917

Abstract. After the February Revolution in the Orthodox Russian Church the destruction of the old consistory system of diocesan administration began. All over the country general diocesan congresses were held, which laid the foundation for a new administrative system. However, the question of how diocesan administration was carried out in the regions between the revolution and the congresses remains poorly studied. In the Orenburg diocese, the General Assembly of the Orenburg city clergy and the Executive Committee of the Orenburg city clergy come to the fore during this period. The article deals with the issues related to the emergence of these bodies in March 1917, their activities, as well as their decline in the summer and autumn of 1917. The author concludes that the General Assembly of the Clergy and the Executive Committee were the key administrative bodies in the Orenburg diocese in the spring of 1917, since almost immediately after their creation their influence spread far beyond Orenburg. It was these authorities that helped to maintain order in the diocese. The peak of their influence was May 1917. In the summer and autumn of 1917, after the election of the diocesan council, the activity of the assembly and the Executive Committee gradually faded, finally ceasing in the autumn of 1917.

Keywords: Orenburg diocese, church revolution, general diocesan congress, Methodius (Gerasimov), General Assembly of the city clergy, Executive Committee of the Orenburg clergy.

For citation: Astakhov I. E. Executive Committee and General Assembly of clergy of Orenburg as organs of diocesan authority in 1917 // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 123–137. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-123-137>

Введение. Февральская революция 1917 г. не только свергла императора Николая II, но и сломала старую систему государственного устройства. Часть старых административных учреждений потеряли то значение, которое они имели во все предыдущие годы. Началась всеобщая демократизация, стали появляться различные комитеты и советы. Не обошел стороной этот процесс и Русскую православную церковь, которая являлась частью государственной системы Российской империи. В каждой из епархий изменение системы епархиального управления проходило по-разному.

Однако во всех регионах шла демократизация церковной жизни, ставшая одной из главных частей внутрицерковной революции 1917 г.

В современной историографии есть немало работ, посвященных изменению церковного управления в 1917 г. Часть из них рассматривает изменение внутриепархиальной системы¹. В других показано, как эти изменения коррелировали с политической позицией духовенства². Среди работ по теме нашего исследования следует выделить труды А. В. Соколова³ и П. Г. Рогозного⁴, посвященные истории Русской православной церкви в период 1917–1918 гг., а также монографию М. Г. Нечаева о церковной истории Урала в 1917–1922 гг.⁵

В Оренбургской епархии процессы церковной революции проходили в целом без эксцессов. Более того, демократизация была поддержана епископом Оренбургским и Тургайским Мефодием (Герасимовым), который действовал в согласии с духовенством епархии и смог избежать серьезных конфликтов. Кроме того, архипастырь пользовался уважением среди клира, поэтому духовенство защищало его от нападков со стороны.

Именно при поддержке правящего архиерея состоялось общее собрание городского духовенства, превратившееся из совещательного органа в административный. Кроме того, по инициативе епископа был создан исполнительный комитет духовенства Оренбурга, который являлся учреждением, помогающим архиерею в управлении епархией и во многом заменивший собой духовную консисторию. Система управления епархией, в которой собрание и исполнительный комитет фактически были главными органами управления, существовала в Оренбуржье весной – летом 1917 г. После Епархиального съезда духовенства и мирян они постепенно теряют свое значение и перестают собираться, так как новым органом управления епархией должен был стать епархиальный совет.

¹ *Кокарев М. С., свящ.* Февральская революция 1917 г. и изменения в системе епархиального управления Русской православной Церкви // Вестник Самарского государственного университета. № 11 (133). 2015. С. 201–206; *Слесарев А. В.* Движение церковного обновления в Могилевской епархии после Февральской революции 1917 г.: Чрезвычайный Съезд духовенства и мирян // Церковно-исторический альманах «Хронос». 2016. № 3. С. 95–137; *Скарборо Д.* Московская епархиальная революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 104–126.

² *Бирюкова Ю. А.* Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70; *Сушко А. В.* Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. // Гражданская война на востоке России: Взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Международной научно-практической конференции. Омск, 2023. С. 333–339.

³ *Соколов А. В.* Православная Российская Церковь в эпоху великих потрясений (1917–1918). М., 2024.

⁴ *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

⁵ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004.

Ход и результаты исследования. 2 марта 1917 г. в Оренбург пришла весть об отречении Николая II, а двумя днями позже, 4 марта, было получено официальное подтверждение этого события. Вечером того же дня стало известно и об отказе великого князя Михаила Александровича вступить на престол. Епископ Мефодий (Герасимов) в тот же день дал указание консистории «объявить причтам всех городских церквей о возношении на ектениях и в многолетствовании вместо “Царствующего Дома” “Богохранимой Державы Российской”». Распоряжение было приведено в исполнение уже на вечернем богослужении⁶.

7 марта 1917 г. оренбургское городское духовенство впервые собралось на общее собрание в архиерейском доме для обмена мнениями о сложившейся обстановке. Кроме того, было решено избрать и делегатов в Оренбургские городской и губернский гражданский комитеты. Собрание открыл епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий. Отметив важность и значение момента, он предложил духовенству послать приветственную телеграмму «революционному» обер-прокурору В. Н. Львову, что и было единогласно поддержано. После ухода архиерея закрытым голосованием были избраны делегаты от духовенства в комитеты⁷. Фактически архиерей поддержал гражданские инициативы духовенства. Кроме того, он заявил о себе как о лидере епархии в условиях революции.

Несколько дней спустя епископ Мефодий вновь созвал общее собрание городского духовенства, на котором предложил создать из городских священников особый исполнительный комитет, который являлся бы представительным органом духовенства, предназначенным для обсуждения местных церковных вопросов, вызываемых как текущими переживаемыми событиями, так и нуждами епархиальной жизни в целом. Исполком был избран и начал свою работу. На его заседаниях были одобрены переименование «Оренбургских епархиальных ведомостей» в «Оренбургский церковно-общественный вестник» и отмена обязательной череды проповедничества для городского духовенства в Оренбургском кафедральном соборе, причем последнее предложение получило благословение архиерея. Было принято также предложение епископа Мефодия об избрании городских благочинных и заместителя председателя епархиального комитета Красного Креста⁸. Именно правящий архиерей, получив поддержку местного духовенства, начал процесс демократизации церкви в Оренбурге.

В данном контексте показательный случай произошел на общем собрании городского духовенства, состоявшемся 20 марта 1917 г. Здесь, помимо вопросов епархиальной жизни, были рассмотрены и поступившие сведения о том,

⁶ Нечаев М. Г. Указ. соч. С. 34.

⁷ Кононов Д., свящ. Оренбургское духовенство и последние события // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 2 апреля. № 1. С. 2–3.

⁸ Там же. С. 3.

что некоторые горожане собираются ходатайствовать перед Святейшим синодом о назначении желательного им архиерея в Оренбург. Духовенство единогласно постановило обратиться в Синод с просьбой не перемещать владыку Мефодия. Тогда же было рассмотрено положение об исполнительном комитете городского духовенства⁹.

После одобрения епископом Мефодием положение было опубликовано. Согласно ему исполнительный комитет представлял из себя пастырский совет при епископе, состоящий из 12 избранных представителей оренбургского духовенства. Комитет должен помогать архипастырю в благоустройении Оренбургской епархии согласно переживаемым событиям. Задачей комитета, помимо епархиальных дел, являлось объединение городского духовенства в деле поддержания новой власти, подготовка выборов в Учредительное собрание, проведение в жизнь мероприятий, соответствующих современным запросам и потребностям, а также защита прав духовенства. Кроме того, комитет должен был собирать общие собрания городского духовенства не менее двух раз в месяц, а экстренные — по мере необходимости. Протоколы, составляемые по всем вопросам, рассмотренным на общем собрании, после одобрения их участниками собрания, за подписью членов комитета, предоставлялись на утверждение архиерею. Кроме того, в заседаниях комитета с правом совещательного голоса могли принимать участие все клирики епархии, а также осведомленные лица. Изменения в положение могло вносить только общее собрание городского духовенства¹⁰.

Таким образом, исполнительный комитет духовенства Оренбурга с самого начала стал органом епархиальной власти. Фактически он взял на себя многие функции Оренбургской духовной консистории. Тем не менее последняя продолжала вести все делопроизводство, в том числе по делам исполнительного комитета¹¹.

Первое собрание исполнительного комитета городского духовенства состоялось 15 марта 1917 г. Председателем комитета был избран настоятель Георгиевского войскового собора протоиерей Иоанн Чернавский, товарищем председателя — священник домового церкви Оренбургской женской гимназии Димитрий Нассонов. Секретарями были избраны И. А. Архангельский и священник Петр Аманацкий. В составе комитета оказалось несколько членов духовной консистории, что только усилило авторитет и влияние вновь созданного органа¹².

Показательно, что, несмотря на процессы церковной революции, происходившие в то время, оренбургское духовенство имело настрой на сотрудничество с правящим архиереем. Так, 4 апреля 1917 г. городское духовенство

⁹ Кононов Д., *свящ.* Оренбургское духовенство и последние события.

¹⁰ Положение об исполнительном комитете градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 13 апреля. № 3. С. 2.

¹¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 173. Оп. 4. Д. 7872. Л. 1.

¹² Кононов Д., *свящ.*, Оренбургское духовенство и последние события. С. 3.

поздравляло епископа Мефодия с Пасхой. В ответном слове архипастырь поблагодарил духовенство за посылку в Синод телеграммы с просьбой об оставлении его на кафедре¹³.

Следующее собрание оренбургского духовенства состоялось 7 апреля 1917 г. На нем активно обсуждался вопрос о созыве Общеeparхиального съезда. Несмотря на некоторые возражения, большинством голосов открытие съезда было назначено на 7 мая того же года. Большинство также проголосовало за участие в съезде не только духовенства, но и мирян. Однако горячая дискуссия разгорелась по вопросу о составе предстоящего съезда. Некоторые, как редактор «Оренбургского церковно-общественного вестника» Н. М. Чернавский, ссылаясь на пример ряда епархий, высказывались за участие мирян на широких демократических началах (не менее 2–3 человек от каждого благочиннического округа), дабы приходы были заинтересованы в проведении съезда. Другие считали, что от каждого округа будет достаточно 3 человека (священник, диакон или псаломщик, мирянин). Третьи полагали, что от каждого округа будет достаточно двух человек: один — от духовенства, другой — от мирян, — с возможностью направить на съезд и третьего депутата за свой счет. Наконец, четвертые высказывались за двух делегатов от округа: один — от духовенства (священник, диакон или псаломщик), другой — от мирян.

В итоге после горячих и долгих прений был принят вариант, предусматривающий трех представителей от округа, включая одного мирянина. Однако группа участников собрания во главе с кафедральным протоиереем Петром Сысуевым осталась при особом мнении, полагая, что из-за дороговизны следует присылать на съезд лишь двух делегатов от каждого округа. Кроме того, собрание отметило, что каждый округ может прислать на съезд за свой счет и дополнительных уполномоченных делегатов¹⁴. Таким образом, вопрос о епархиальном съезде, который должен был создать новую систему управления епархии, а также наметить направления ее развития, решался именно на собрании оренбургского городского духовенства, что подчеркивает его значение для управления епархией в тот период.

Несколько дней спустя, 13 апреля, состоялось совместное заседание исполнительного комитета и предсъездной комиссии, на котором обсуждался перечень вопросов для вынесения их на общеeparхиальный съезд. Решение было передано на рассмотрение общегородского собрания духовенства¹⁵, т. е. комитет и собрание решали не только организационные вопросы, касающиеся предстоящего съезда, но и напрямую влияли на его повестку.

Вместе с тем, помимо административных дел, исполнительный комитет также пытался защитить духовенство от нападков, но в тех условиях сделать

¹³ Оренбургское духовенство у епископа Мефодия // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 9 апреля. № 2. С. 3.

¹⁴ Кононов Д., свящ. Общее собрание духовенства г. Оренбурга // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 13 апреля. № 3. С. 3.

¹⁵ В исполнительном комитете // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 20 апреля. № 4. С. 3.

это было очень непросто. 1 апреля 1917 г. делегаты от служащих беженского отдела Городской управы представили епископу Мефодию заявление об увольнении в трехдневный срок из беженского прихода священника Владимира Пугачевского. В противном случае они грозили забастовкой всех городских служащих, не исключая и лечебных заведений. Конфликт со священником возник на почве личных счетов с ним одного служащего. В целях разрешения ситуации епископ Мефодий отстранил пастыря от должности, назначив расследование. Исполнительный комитет, заслушав сообщение о данной ситуации, во время заседания от 20 апреля 1917 г. выразил протест против бездоказательного обвинения священника и ультимативного требования со стороны данной общественной организации¹⁶.

Конфликты духовенства и мирян происходили во многих местах. Все это было одной из составляющих церковной революции 1917 г. Так, на одном из следующих общих собраний городского духовенства рассматривалось ходатайство священника Попова о возбуждении преследования лиц, причастных к его незаконному аресту в с. Ново-Дмитриевка. Докладчик, секретарь консистории И. И. Архангельский, поднял вопрос, стоит ли начинать прокурорскую проверку против лиц, которые самоуправно притесняют духовенство.

Данный вопрос вызвал горячие споры. Некоторые члены собрания во главе с протоиереем Павлом Марсовым считали, что в подобном случае не следует обращаться к светской власти, а нужно нравственно воздействовать на прихожан. Другие, как, например, протоиерей Александр Вознесенский и священник Михаил Быстров, полагали, что защита священником себя с помощью закона не противоречит пастырской совести. Если же, по их мнению, священник не будет защищать себя, то у населения может создаться впечатление, что теперь дозволено абсолютно все. Священник Георгий Пинегин вообще подверг резкой критике духовную консисторию за то, что она «спит» и не защищает права духовенства. В итоге собрание приняло решение: в случае противоправных действий по отношению к клирикам консистория будет оповещать об этом прокурора¹⁷. Очевидно, что появление демократического собрания городского духовенства как органа административной власти было возможно только в условиях внутрицерковной революции сверху. Однако не все члены собрания поддерживали эту революцию, выступая против ее крайностей. Тем не менее архипастырь считал собрание одной из главных опор в существовавших тогда непростых церковных и общественных реалиях.

27 апреля 1917 г. епископ Мефодий созвал экстренное пастырское совещание, для рассмотрения ходатайства Челябинского съезда духовенства и мирян о переносе общепархиального съезда на 26 мая (ранее, архиерей уже перенес

¹⁶ Удаление священника // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 23 апреля. № 5. С. 4.

¹⁷ Кононов Д., свящ. Общие собрания градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 27 апреля. № 6. С. 3.

съезд на 20 мая). Собрание в согласии с архипастырем ответило отказом на данное ходатайство¹⁸.

На следующий день состоялось очередное заседание исполнительного комитета оренбургского духовенства. Священнику Димитрию Насонову и И. И. Архангельскому было поручено составить проект положения о разрешении разногласий между духовенством и паствой, для того чтобы избежать случаев самоуправных действий по отношению к клирикам, которые продолжали происходить в епархии. Кроме того, на этом заседании протоиерей Иоанн Чернавский попросил освободить его от должности председателя исполкома в связи с тяжестью исполнения им его прямых обязанностей. Председателем был назначен его заместитель священник Димитрий Насонов¹⁹ — один из самых образованных и видных представителей городского духовенства. Он родился в 1875 г. в семье сельского священника Троицкого уезда. После окончания Челябинского духовного училища и Уфимской духовной семинарии в течение 13 лет служил в сельских приходах Оренбургской епархии. Параллельно в 1910 г. окончил юридический факультет Томского университета. В 1911 г. перешел на службу по линии Министерства народного просвещения и был назначен законоучителем в 1-й женской гимназии. По политическим взглядам священник был идейным приверженцем партии кадетов. Н. М. Чернавский характеризовал его как вдумчивого, осторожного, тактичного человека и большого знатока политических наук²⁰.

На состоявшемся вскоре собрании городского духовенства его председателем был избран о. Дмитрий Насонов. На заседании обсуждался номер троицкой газеты «Свобода народа» со статьей священника Александра Петропавловского, где он обрушился с нападками на епископа Мефодия и исполнительный комитет оренбургского духовенства. Собрание постановило исполнительному комитету составить ответ и представить его на следующем общем собрании²¹.

Статья о. А. Петропавловского обсуждалась на заседаниях исполнительного комитета дважды — 2 и 4 мая. Ответ был составлен. На этих же заседаниях заявили о своем протесте против обвинений консистории в бездействии со стороны священника Георгия Пинегина ее члены: протоиерей Иоанн Чернавский, протоиерей Михаил Филологов и секретарь консистории И. И. Архангельский. Они доказывали, что с начала революции консистория исполняла все дела, поступившие на рассмотрение от правящего архиерея и в согласии с ним делала соответствующие конкретной ситуации распоряжения. После образования

¹⁸ Ходатайство о новой отсрочке епархиального съезда // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 30 апреля. № 7. С. 3.

¹⁹ В исполнительном комитете градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 30 апреля. № 7. С. 3.

²⁰ Чернавский Н. М. Новый председатель исполнительного комитета градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 4 мая. № 8. С. 4.

²¹ Кононов Д., свящ. Седьмое общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 7 мая. № 9. С. 3.

исполнительного комитета, некоторые члены консистории вошли в его состав, считая, что этим шагом лишь укрепят авторитет комитета.

Г. Пинегин заявил, что не хотел оскорбить членов консистории, но считал себя вправе сделать подобное заявление, так как не видел со стороны консистории принимаемых мер для предотвращения конфликтов в некоторых приходах. Однако, если его слова кого-то оскорбили, он заявил о готовности взять их обратно. Секретарь консистории И. И. Архангельский в ответ заявил, что в данный момент трудно говорить о каких-либо общих мерах, которые смогут защитить духовенство. После долгих дискуссий Комитет постановил, что позволил себе резкие высказывания в адрес отдельного лица или учреждения, которые позволил себе о. Г. Пинегин. Однако, учитывая, что он готов был забрать свои слова назад, инцидент было решено считать исчерпанным²². Из этой полемики становится очевидным, что консистория де-факто уже не имеет той власти, которую она имела ранее, уступив ее созданным революцией органам.

Ответ на статью о. А. Петропавловского был представлен на заседании собрания духовенства 7 мая 1917 г. В нем подчеркивалось, что статья была написана в оскорбительном тоне. По отношению к епископу Мефодию были незаслуженно использованы такие выражения, как «иудино окаянство», «новый Каиафа», в то время как архипастырь шел навстречу общественным запросам: в случае конфликтов духовенства и мирян он переводил неугодных прихожанам пастырей на другие приходы и ставил желаемого ими клирика. Собрание отметило, что выборное начало укоренилось не во всех приходах Оренбургской епархии, но архиерей в отдельных случаях считается с мнением мирян. По поводу нападок на комитет в ответе разъяснялось, что он исполняет только волю оренбургского городского духовенства и лишь по просьбе епископа и по сочувствию к собратьям не из Оренбурга, рассматривает вопросы, связанные с конфликтами между духовенством и мирянами²³.

Ответило собрание и на обвинения оренбургского духовенства в том, что клирики каждого округа представлены двумя делегатами, а миряне — одним. Собрание отметило, что подобное решение было принято ради диаконов и псаломщиков, которые опасались, что представителей от них может не оказаться на съезде. При этом исполком внес предложение: мирян, избранных на Обще-епархиальный съезд от городских приходов, ввести в состав исполнительного комитета. Предложение было поддержано собранием²⁴.

Секретарь консистории И. И. Архангельский предложил, чтобы двое членов исполнительного комитета дежурили в архиерейском доме до 20 мая, чтобы в случае необходимости епископ Мефодий мог посоветоваться в затруднительной ситуации, а также чтобы он имел возможность попросить ускорить

²² ОГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 37. Л. 9–9 об.

²³ Кононов Д., свящ. Восьмое общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 11 мая. № 10. С. 4.

²⁴ Там же.

какое-либо дело, особенно в случае конфликта между духовенством и мирянами. Исполнительный комитет, ранее рассматривавший этот вопрос, признал предложение желательным. Общее собрание поддержало мнение комитета²⁵.

На заседании исполнительного комитета 11 мая 1917 г. был избран заместитель председателя. Им стал священник Никольской церкви при детском приюте святой Ольги о. Димитрий Кононов. В связи с отъездом священника Димитрия Нассонова он и возглавил заседание исполкома. На нем, среди прочего, рассматривалось ходатайство священника Иванова из Кустанайского уезда. В нем он сообщал, что из-за недоразумений с прихожанами более не в силах оставаться на своем месте и просил устроить его в другой приход. Однако комитет ответил, что согласно временным правилам о замещении вакантных священнических мест, принятых Синодом, ни правящий архиерей, ни исполнительный комитет ничем не могут помочь Иванову. Ему лишь был дан совет обменяться приходами с кем-то из духовенства, предварительно заручившись согласием прихожан²⁶. Кроме того, на этом заседании также решались вопросы, связанные с общеeparхиальным съездом²⁷.

Как видим, значение исполнительного комитета лишь росло и он довольно успешно вводил новые правила епархиального управления, стремясь сохранить законность (пусть и революционную) даже в условиях хаоса.

14 мая 1917 г. состоялось очередное общее собрание духовенства Оренбурга, в котором впервые участвовали миряне, избранные на общеeparхиальный съезд. При этом преподаватель женской гимназии К. С. Доброловский был избран почетным председателем собрания, а купец И. А. Рябцев — заместителем председателя. На собрании выступали представители секций, созданных для подготовки к общеeparхиальному съезду. Выслушав выступление представителя церковно-политической секции, собрание постановило: «Приветствовать раскрепощение Церкви, молиться об укреплении нового строя, выразить полное доверие Временному правительству и всемерно содействовать к проведению в жизнь всех его начертаний»²⁸. В то время нечасто можно было увидеть единомыслие по политическим и церковным вопросам правящего архиерея и остального духовенства, и пусть только из епархиального центра. Отношения мирян и клира также сложились вполне удовлетворительные. Таким образом, по сравнению с некоторыми другими епархиями события в Оренбургской развивались относительно мирно.

Собрание ознакомилось и с докладом второй комиссии «Приход в свободной Церкви». Дискуссию вызвало лишь предложение комиссии о замене церковно-

²⁵ Кононов Д., священник. Восьмое общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 11 мая. № 10. С. 4.

²⁶ В исполнительном комитете // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 14 мая. № 11. С. 4.

²⁷ ОГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

²⁸ Кононов Д., священник. Девятое общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 18 мая. № 12. С. 3–4.

славянского богослужебного языка на русский, адресованное предстоящему Поместному собору. Некоторые члены собрания, например известный миссионер Д. А. Несмеянов и священник Сергей Иллюминарский, выступали категорически против такого предложения, заявляя, что это может создать новый раскол в Церкви. Докладчик, протоиерей кафедрального собора Петр Сысуев, указал, что комиссия только сообщает съезду о желательности внесения данного вопроса в повестку Поместного собора. Но его участники сами рассмотрят этот вопрос и решат, проводить ли его в жизнь и как это сделать. Собрание поддержало предложение комиссии²⁹. Таким образом, говоря о непосредственно церковной стороне жизни епархии, можно сказать, что, несмотря на ведущие позиции «либеральной» части клира, «консерваторы» также сохраняли влияние в епархии.

Последнее перед съездом заседание общего собрания духовенства прошло 18 мая 1917 г. Председателем собрания был выбран мирянин, авторитетный среди духовенства купец И. А. Рябцев. Его товарищем избрали священника Д. Кононова, а секретарем диакона Алексея Шевченко. На этом заседании рассматривались вопросы о реформе епархиального и приходского управления, которые было решено передать на рассмотрение съезда. Вместе с тем председатель И. А. Рябцев внес предложение о том, чтобы во всех епархиальных, викариатских, благочиннических советах и всех комиссиях, касающихся церковно-общественной жизни, в равной степени были представлены клирики и миряне³⁰.

Епархиальный съезд избрал новый состав духовной консистории и епархиального совета, которому предстояло занять одно из важнейших мест в системе управления епархией. Выстраивалась новая система епархиального управления, в которой общее собрание духовенства и исполнительный комитет должны были со временем потерять свое значение и прекратить существование.

Следующее после съезда собрание городского духовенства Оренбурга состоялось только 11 июня 1917 г. Главным предметом обсуждения на нем стали предстоящие выборы в Оренбургскую городскую думу. Собрание постановило войти в блок с Партией народной свободы (кадетами), программа которой вполне удовлетворяла клир. Однако обязательным условием было названо включение в первый список одного представителя от духовенства (протоиерея Д. Нассонова³¹) и одного представителя от духовно-учебных заведений (преподавателя Оренбургской духовной семинарии И. И. Григорьева). Кроме того, в остальной список также было необходимо включить еще трех кандидатов (о. Д. Кононова, смотрителя Оренбургского духовного училища Е. А. Бурцева и секретаря духовной консистории И. И. Архангельского)³².

Уже через неделю, 18 июня 1917 г., состоялось следующее общее собрание. Его участники постановили не голосовать за партию кадетов, так как условия,

²⁹ Кононов Д., *свящ.* Девятое общее собрание градо-оренбургского духовенства.

³⁰ ОГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.

³¹ Возведен в сан протоиерея 28 мая 1917 г.

³² Общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 15 июня. № 20. С. 4.

выдвинутые ее комитетом, оказались неприемлемыми. Собрание постановило поддержать беспартийную прогрессивно-деловую группу, в которую решили выставить своих кандидатов — И. И. Григорьева и И. И. Архангельского. Кандидатуру же протоиерея о. Д. Нассонова, которую кадеты уже внесли в свой избирательный список, было решено не считать представителем духовенства³³.

На общем собрании городского духовенства 29 июня 1917 г. состоялось переизбрание членов исполнительного комитета по куриям. От священников оказались избранными о. Д. Кононов (21 записка), протоиерей И. Чернавский (13 записок), о. Аристарх Сперанский и протоиерей Александр Вознесенский (оба по 10 записок). Кандидатами в члены исполнительного комитета были избраны протоиерей Д. Нассонов (9 записок) и протоиерей Андроник Левитский (8 записок). От диаконов и псаломщиков были избраны И. И. Архангельский (18 записок), диакон А. Шевченко (17 записок), диакон Георгий Рязанов (12 записок) и протодиакон Митрофан Ефимов (11 записок). Кандидатом к ним избран диакон Владимир Введенский (5 записок)³⁴. Таким образом, комитет планировал продолжить свое существование. Но, судя по всему, он планировал заниматься делами, связанными только с городским духовенством.

Последнее заседание исполнительного комитета состоялось 2 августа 1917 г. На нем присутствовали лишь четыре человека; было рассмотрено прошение члена комитета протоиерея Александра Вознесенского об отказе от должности члена комитета. Учитывая большую загруженность как о. Александра, так и ближайшего кандидата, о. Д. Нассонова епархиальными делами, комитет предложил вступить в должность члена протоиерею Андронику Левитскому³⁵. О дальнейших заседаниях исполнительного комитета сведения найти не удалось.

В то же время продолжали собираться общие собрания городского духовенства. Одно из них состоялось 6 августа 1917 г. в присутствии многочисленных делегатов, прибывших в Оренбург на епархиальное собрание для избрания членов Поместного собора. На заседании обсуждались вопросы епархиальной жизни³⁶. Следующее собрание духовенства Оренбурга состоялось после долгого перерыва 26 сентября 1917 г. Его многочисленные участники выслушали доклад делегата на Поместный собор от Оренбургской епархии Б. А. Острова. Кроме того, о. Д. Кононов ознакомил собрание с докладом председателя совета Союза казачьих войск А. И. Дутова Оренбургскому войсковому кругу о положении России и о некоторых подробностях выступлений А. М. Каледина и Л. Г. Корнилова³⁷.

³³ Общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 22 июня. № 22. С. 4.

³⁴ ОГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 37. Л. 18 об. – 19.

³⁵ Там же. Л. 20–20 об.

³⁶ Кононов Д., свящ. Общее собрание градо-оренбургского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 10 августа. № 34. С. 2–3.

³⁷ Общее собрание оренбургского городского духовенства // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1917. 8 октября. № 42. С. 3.

Есть основание предполагать, что это было последнее общее собрание городского духовенства, так как сведения о дальнейших заседаниях обнаружены не были.

Заключение. Февральская революция не только разрушила старую государственную систему в России, но и стала катализатором для начала внутрицерковной революции. Под натиском волны демократизации, консисторская система стала разрушаться. В этот момент появляются новые органы власти, созданные в епархии. В Оренбурге такими органами стали исполнительный комитет городского духовенства и общее собрание городского духовенства. При этом вопреки названию и комитет, и собрание рассматривали вопросы, связанные с делами епархиальных приходов, лежащих за пределами Оренбурга.

Общее собрание городского духовенства зародилось во многом стихийно. В условиях революции городские клирики изначально собирались у архиерея для обмена мнениями о текущих событиях. Но вскоре собрания стали регулярными, и на них стали рассматриваться ключевые вопросы для жизни епархии, такие как созыв и повестка епархиального съезда духовенства и мирян, отношение духовенства к политической власти и др. Собрания проходили с марта по сентябрь 1917 г. Пик влияния этого представительного органа духовенства пришелся на май 1917 г.

Исполнительный комитет городского духовенства действовал на основании принятого положения и фактически являлся постоянным административно-совещательным органом при правящем архиерее, подчиняясь общему собранию городского духовенства. Действовал исполнительный комитет в перерывах между общими собраниями и практически занял в системе епархиального управления место, которое ранее занимала консистория. Более того, некоторые члены консистории вошли в состав комитета, таким образом легитимировав новый административный орган. При этом делопроизводство комитета проходило через консисторию. Комитет действовал с марта по август 1917 г.

Итак, весной 1917 г. в Оренбургской епархии сложилась новая система управления, ведущую роль в которой играли общие собрания оренбургского городского духовенства и его исполнительный комитет. После епархиального съезда духовенства и мирян система управления епархией была вновь изменена. Общегородское собрание и исполнительный комитет еще продолжали собираться, однако стремительно теряли свое влияние.

Литература

1. Бирюкова Ю. А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после Февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. // Научная мысль Кавказа. 2019. № 1 (97). С. 64–70. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70>
2. Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2004. 335 с.

3. Рогозный П. Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. 224 с.
4. Скарборо Д. Московская епархиальная революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1-2. С. 104–126. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-104-126>
5. Слесарев А. В. Движение церковного обновления в Могилевской епархии после Февральской революции 1917 г.: Чрезвычайный Съезд духовенства и мирян // Церковно-исторический альманах «Хронос». 2016. № 3. С. 95–137.
6. Соколов А. В. Православная Российская Церковь в эпоху великих потрясений (1917–1918). М.: Общество любителей церковной истории, 2024. 920 с.
7. Сушко А. В. Политическая деятельность Омского епархиального собрания в июне 1918 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Международной научно-практической конференции (18–19 октября 2023 г., Омск, Россия). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 333–339.
8. Кокарев М. С. Февральская революция 1917 г. и изменения в системе епархиального управления Русской православной Церкви // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 201–206.

References

1. Biryukova Y. A. Problema formirovaniia novoi modeli gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii posle Fevral'skoi revoliutsii v resheniiakh Donskogo chrezvychainogo s'ezda dukhovenstva i mirian 1917 g. [The problem of formation of a new model of Church-state relations after the February revolution in the decisions of the Don extraordinary Congress of clergy and laity in 1917] // Nauchnaia mysl' Kavkaza [Scientific Thought of Caucasus]. 2019. № 1 (97). P. 64–70. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-97-1-64-70> (In Russ.).
2. Nechaev M. G. Tserkov' na Urale v period velikikh potriasiinii: 1917–1922 [The Church in the Urals in the period of great upheavals: 1917–1922]. Perm: Permskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004. 335 p. (In Russ.).
3. Rogozny P. G. Tserkovnaia revoliutsiia 1917 goda (Vysshee dukhovenstvo Rossiiskoi Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiakh posle Fevral'skoi revoliutsii). [Church Revolution of 1917 (Higher clergy of the Russian Church in the struggle for power in the dioceses after the February Revolution)]. St. Peterburg: Liki Rossii, 2008. 224 p. (In Russ.).
4. Scarborough D. Moskovskaia eparkhial'naia revoliutsiia [Moscow's diocesan revolution] // Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. 2019. Vol. 37. № 1-2. P. 104–126. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-104-126> (In Russ.).
5. Slesarev A. V. Dvizhenie tserkovnogo obnoveniia v Mogilevskoi eparkhii posle Fevral'skoi revoliutsii 1917 g.: Chrezvychainyi S'ezd dukhovenstva i mirian [Movement of Church renewal in the Mogilev diocese after the February Revolution of 1917: Extraordinary congress of clergy and laity] // Tserkovno-istoricheskii al'manakh «Khronos» [Chronos Church Historical Almanac]. 2016. № 3. P. 95–137. (In Russ.).
6. Sokolov A. V. Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov' v epokhu velikikh potriasiinii (1917–1918) [Orthodox Russian Church in the epoch of great shocks (1917–1918)]. Moscow: Obshchestvo liubiteli tserkovnoi istorii, 2024. 920 p. (In Russ.).

7. Sushko A. V. Politicheskaia deiatel'nost' Omskogo eparkhial'nogo sobraniia v iune 1918 g. [Political activity of the Omsk diocesan assembly in June 1918] // Grazhdanskaia voina na vostoке Rossii: vzgliad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (18–19 oktiabria 2023 g. [The Civil War in Eastern Russia: a look through the documentary legacy: proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (October 18–19, 2023, Omsk, Russia)]. Omsk: OmGTU, 2023. P. 333–339. (In Russ).
8. Kokarev M. S. Fevral'skaia revoliutsiia 1917 g. i izmeneniia v sisteme eparkhial'nogo upravleniia Russkoi pravoslavnoi Tserkvi [February Revolution of 1917 and changes in the system of diocesan administration of the Russian Orthodox Church] // Vestnik of Samara State University. 2015. № 11 (133). P. 201–206. (In Russ).

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-138-152

Долгова Анжела Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Россия

avdolgova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-7859-3596

«...ЕСЛИ ЕЩЕ ПОВТОРИТСЯ ЧТО-НИБУДЬ ПРОТИВ НАШЕЙ РОДИНЫ РОССИИ...»: РАПОРТЫ УПРАВЛЯЮЩИХ УЕЗДАМИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОЛЧАКОВСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Статья посвящена истории деятельности органов власти Временного Всероссийского правительства в Пермской губернии в первой половине 1919 г. После того как 24 декабря 1918 г. Пермь была занята войсками 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Р. Гайды, приказом Министерства внутренних дел Временного Всероссийского правительства возобновлялась деятельность губернских органов власти, которые должны были руководствоваться законодательными актами Временного Сибирского правительства и Временного Всероссийского правительства. С точки зрения изученности первая половина 1919 г. выглядит обособленно, словно выпадает из хронологических рамок Гражданской войны. Исследуемые архивы по данному периоду не соответствовали общепринятому тезису «о триумфальном шествии Советской власти», поскольку ее установление было отложено почти на полгода.

В основе исследования — впервые вводимые в научный оборот документы краевого архива — рапорты управляющих уездами на имя управляющего губернией Н. П. Чистосердова. Документы выполнены на плотной бумаге чернилами или карандашом, без видимых грамматических и стилистических ошибок, иногда неразборчивым почерком. Кое-где отсутствуют фамилии авторов документов и датировка. Уточнение имен собственных производилось с помощью баз данных населенных

пунктов. Как первоисточник, рапорты, будучи информативными по содержанию, отображают поиски решения властями путей выхода из кризиса, вызванного последствиями установления большевистской власти, политические настроения населения, а также его отношение к аграрному вопросу и мобилизации в Красную армию. Цель работы — изучить деятельность органов местного самоуправления в условиях их реставрации.

Ключевые слова: земства, Колчак, рапорты, Гражданская война, мобилизации, Сибирская армия, управляющий Пермской губернией.

Для цитирования: Долгова А. В. «...Если еще повторится что-нибудь против нашей родины России...»: рапорты управляющих уездами Пермской губернии в колчаковский период // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 138–152. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-138-152>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-138-152

Dolgova Anzhela V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russia

avdolgova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-7859-3596

**«...IF SOMETHING AGAIN HAPPENS
AGAINST OUR MOTHERLAND RUSSIA...»:
REPORTS OF THE LOCAL GOVERNORS
OF THE COUNTIES OF THE PERM PROVINCE
DURING THE PERIOD OF KOLCHAK**

Abstract. The article is devoted to the history of the activities of the authorities of the Provisional All-Russian Government in the Perm province in the first half of 1919. After Perm was occupied by the troops of the 1st Middle Siberian Corps of General R. Gaida on December 24, 1918, the Ministry of Internal Affairs of the Provisional All-Russian Government ordered the resumption of the activities of the provincial authorities, which were to be guided by the legislative acts of the Provisional Siberian Government and the Provisional All-Russian Government. From the point of view of the level of study, the first half of 1919 looks isolated, as if it falls outside the chronological framework of the Civil War. The archives studied for this period did not correspond to the generally accepted thesis of “the triumphal march of Soviet power”, since its establishment was postponed for almost six months.

The study is based on documents from the regional archives, which are being introduced into scientific circulation for the first time — reports from district governors addressed to the Governor of the province N. P. Chistoserdov. The documents are written on thick paper in ink or pencil, without visible grammatical and stylistic errors, sometimes

in illegible handwriting. In some places, the names of the authors of the documents and the dates are missing. The clarification of proper names was carried out using the databases of settlements. As a primary source, the reports, being informative in content, reflect the authorities' search for solutions to overcome the crisis caused by the consequences of the establishment of Bolshevik power, the political mood of the population, as well as its attitude to the agrarian question and mobilization into the Red Army. The purpose of the work is to study the activities of local government bodies in the context of their restoration.

Keywords: zemstvo, Kolchak, reports, Civil war, mobilization, Siberian army, Governor of the Perm province.

For citation: Dolgova A. V. «...If something again happens against our motherland Russia...»: reports of the local Governors of the counties of the Perm province during the period of Kolchak // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 138–152. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-138-152>

Введение. История Гражданской войны в Пермской губернии всегда была и остается в центре внимания исследователей. Огромный пласт работ посвящен таким вопросам, как история создания милиции¹, органы правосудия белых правительств², местное самоуправление³, антибольшевистское повстанческое движение⁴.

Рассекречивание документов центральных и региональных архивов в постсоветский период позволило объективно подойти к истории Гражданской войны, благодаря чему было опубликовано немало солидных исследований, раскрывающих самые разные аспекты Белого движения⁵.

¹ Петров А. В. Система советской милиции: проблема развития в 1919–1921 гг. (региональный аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 134–139.

² Стариков И. В. Органы правосудия Белой государственности на Востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 3. С. 18–25.

³ Тетерин В. И. Система местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А. В. Колчака // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 43–48.

⁴ Бринюк Н. Ю. Время надежд и разочарований. Антибольшевистское движение в Поволжье и на Урале в 1918 году // Военно-исторический журнал. 2020. № 1. С. 39–46; Звягин С. П. Привлечение милиции антибольшевистских правительств к сбору налогов с населения на Урале и в Сибири (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 3. № 2 (54). С. 225–228.

⁵ Хандорин В. Г., Тепляков А. Г. К вопросу о реабилитации адмирала А. В. Колчака // Клио. 2022. № 11 (191). С. 162–169; Хандорин В. Г. К вопросу об отличительных особенностях режимов А. В. Колчака и А. И. Деникина // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4 (37). С. 204–213; Шишкин В. И. Организация охраны российского правительства А. В. Колчака (Омск, 1919 год) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 23–33; Пученков А. С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 33–37; Рынков В. М. Временное областное правительство

История Пермской губернии продолжает оставаться слабоизученной, а неопубликованные архивные документы, не вывезенные и не уничтоженные во время отступления Сибирской армии, в большинстве своем ждут своих исследователей.

Основой источниковой базы статьи являются ранее не опубликованные документы фонда Р-746 «Управляющий Пермской губернией МВД Временного Всероссийского Правительства» Государственного архива Пермского края. Рапорты управляющих уездами Пермской губернии представляют собой уникальный источник — рукописи, содержащие сведения о смене политической обстановки, общественных настроениях, политических взглядах, принимаемых мерах по выходу из кризиса. Самые ранние документы датируются началом января 1919 г., более поздние — 2 июля того же года.

Интерес представляют и рукописные протоколы волостных собраний, анализ которых позволяет установить факт немедленного возобновления работы служащих вследствие высокой степени заинтересованности в переходе государства на мирные рельсы: необходимо было наладить транспортную и почтовую службы, определиться с решением аграрного вопроса, организовать волостную милицию, привлечь к ответственности пособников большевиков, выделить всем миром средства на поддержание порядка. В волостных собраниях порой принимали участие до 800 человек, что свидетельствует о неутешительной политической обстановке, когда каждый осознавал опасность перемены власти. Такой процент населения вовлеченный в политический процесс представляется достаточно большим, даже при условии, что в среднем численность населения уезда до революции составляла 150–200 тысяч человек.

Отдельного внимания заслуживает телеграмма начальника штаба Сибирской армии Восточного фронта генерал-майора Б. П. Богословского от 8 марта 1919 г. о запрете выдавать призывникам удостоверения о принудительной мобилизации⁶.

Ход и результаты исследования. В состав Пермской губернии входили Осинский, Оханский, Усольский (Соликамский), Чердынский и Пермский уезды. Кроме того, до официального раздела 15 июля 1919 г. к Пермской губернии административно относились 6 уездов Екатеринбургской губернии: Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Верхотурский, Красноуфимский — и Серебрянский район Кунгурского уезда. В совокупности они составляли 254 волости.

26 декабря 1918 г. в должности губернского комиссара приказом верховного правителя был утвержден Н. П. Чистосердов⁷. На основании постановления

Урала: соотношение региональных и общероссийских факторов деятельности (август – декабрь 1918 г.) // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 96–103.

⁶ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 43. Л. 13.

⁷ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

Совета министров Всероссийского Временного правительства от 10 января 1919 г. он стал именоваться управляющим губернией. В его ведении была деятельность управляющих уездами, милиции, земств и городских дум⁸.

Практически сразу после установления власти верховного правителя пермские земства возобновили работу. 6 января 1919 г. в Чердынском уезде состоялось совещание земских служащих, на котором было принято решение о созыве земского собрания и назначена дата на 12 января. Совещание постановило: «Просить управу составить смету расходов на содержание земских учреждений в течение трех месяцев и организовать штат служащих из числа лиц, подавших заявления о службе; собрать расхищенное советами земское имущество; волостные земства в очищенных от красноармейцев волостях, впредь до производства новых выборов, восстановить»⁹.

Оценивая нанесенный ущерб прежней властью системе образования, чердынские земские служащие отмечали: «В некоторых училищах не осталось никаких учебных принадлежностей, имущество школ разграблено и разбито большевиками. Из библиотек изъяты отделы духовно-просветительный и исторический, взамен коих начала высылаться большевистская растленная литература»¹⁰.

Вот как выглядела обстановка в Красноуфимском уезде со слов управляющего уездом: «Цены на предметы первой необходимости на рынке стоят чрезвычайно высокие. Мануфактуру, сахару очень трудно приобрести. Сыпной тиф в волостях постепенно уменьшается за исключением заводов Михайловского, Бисерского, Молебского, Суксунского, также самого города Красноуфимска, где распространению сыпного тифа способствует скопление солдат. В уезде сильно развито приготовление кумышки. Борьба с этим злом идет непродуктивно, благодаря милиции, не стоящей еще на должной высоте. Заработные платы рабочих не соответствуют дороговизне хлеба, и многие рабочие оставляют заводские работы и идут работать на линию железной дороги, где работа оплачивается много дороже. Занятия в учебных заведениях сельских местностей с наступлением полевых работ прекращены»¹¹.

О том, что за время деятельности советов (1917–1918 и вторая половина 1919–1921 гг.) Пермская губерния подверглась большевистскому погрому и красному террору, свидетельствуют многие документы краевого архива, в первую очередь рассекреченные. Это не только воспоминания жителей, но и «списки расстрелянных или уведенных» при отступлении большевиками, составленные земскими служащими. В Пермском краевом архиве практически по каждой волости можно обнаружить подобные списки, подлинность которых не вызывает никакого сомнения. Жертвами были обычные крестьяне,

⁸ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 4. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 470. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 34. Л. 11, 11 об.

¹¹ Там же. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 54. Л. 6–10 об.

духовенство, интеллигенция (земские учителя). Как справедливо заметил пермский историк Л. А. Обухов, «Пермь, в отличие от Екатеринбурга, в полной мере испытала красный террор осенью 1918 г.»¹². Кроме того, анализ архивных документов за тот же период показывает высокую степень распространенности таких явлений, как дезертирство и бандитизм.

Деятельность земств носила не только восстановительный, но и созидательный характер, что в условиях военного времени, нестабильности власти было бесперспективным, так как серьезной помехой в этом деле, а также угрозой для жителей стало присутствие в городе Перми военнослужащих Сибирской армии и остатков красных частей, оставшихся по каким-либо причинам. Что касается установления в губернии в первой половине 1919 г. белого террора, то это не более чем раздутая пропаганда. До сих пор не выявлено ни одного архивного документа с указанием на факты массовых расправ над сочувствующими большевикам, за исключением отдельных случаев¹³, в отличие от террора красного, узаконенного в сентябре 1918 г. Между тем этот тезис до сих пор используется в работах пермских ученых примерно в одной и той же формулировке: «Население, сочувствующее советской власти, подверглось гонениям и террору»¹⁴. В сводках пермской милиции за рассматриваемый период отобразились лишь немногочисленные факты арестов за открытые антиправительственные высказывания; в остальной истории задержаний связана не с политическими причинами, а с уголовными деяниями: участие в конфискациях имущества, вооруженные ограбления, убийства, хранение оружия¹⁵.

Первой же проблемой стал вопрос о том, как поступить с теми, кто успел приобрести опыт в советских органах власти и в силу каких-либо причин остался на местах. Независимо от смены власти одни и те же лица продолжали занимать свои должности и выполнять привычную работу. Таким образом, состав земских служащих до революции и в период реставрации земств, по сути, не изменился. В годы Гражданской войны подобное явление было характерно для представителей самых разных социальных групп и профессий.

Большевистская власть испытывала острую потребность в квалифицированных кадрах. В то же время крайне необходимой была их политическая подготовка в целях воспитания нового и преданного поколения не только среди военнослужащих, но и среди гражданского населения.

¹² Обухов Л. А. «Белая» печать Перми о большевистском режиме и лидерах большевиков // Технологос. 2022. № 2. С. 95.

¹³ Вебер М. И. Уральская провинция в начале гражданской войны (на материалах Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 79.

¹⁴ Кальсина А. А. Деятельность временного областного правительства Урала и Временного Сибирского правительства по реформированию школы на территории Пермской губернии (лето – осень 1918 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 273.

¹⁵ Долгова А. В. «Пермская катастрофа»: органы местного самоуправления в период Верховного правителя // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 943–959.

Как правило, перед потенциальными управленцами выбор не стоял, какой власти служить. Один и тот же человек при Советах мог быть председателем комитета бедноты или исполкома, а при верховном правителе земским служащим или милиционером. В силу вышеуказанных причин в то время это не считалось предательством. И если для руководства большевиков на первом месте была политическая составляющая, то для простых граждан во внимание принимались такие качества, как честность и неподкупность, готовность служить на благо общества и способность отстаивать его интересы. Неважно, какая власть, важно то, какую пользу приносит человек. Тем не менее судьба таких управленцев напрямую зависела от власти и в немалой степени от отношения сельчан и сослуживцев.

В селе Черноярском Кунгурского уезда произошел следующий случай: «В апреле реставрировалась в своих правах волостная земская управа состава 1917 г. Некоторые члены почему-то не вошли в земство, но зато остался прежний председатель И. П. Мякшин. Этот Мякшин, как известно, в 1918 г. с успехом выполнял роль председателя волостного исполкома, затем состоял членом ревизионной комиссии Кунгурского уездного совдепа, избранный от левых эсеров, и, наконец, был председателем уездной волости от военнопленных. Каким путем люди безграмотные, но разбитные, при Советской власти достигали столь почетных и теплых мест — нам известно, но, как и почему такие ревнители советов не только остаются на свободе, но даже занимают теперь ответственные посты на общественной службе — непонятно»¹⁶.

Из протокола от 8 июня 1919 г., составленного начальником 1-го участка Кунгурской уездной милиции Байковым, следовало: «Гражданин И. П. Мякшин действительно служил в 1918 г. самым первым председателем Черноярского исполнительного комитета с января по май включительно. На эту службу он был избран народом. Во время своей службы вредного народу он ничего не делал. Наоборот, наши общества [не] подвергались никаким налогам. Знал многих мобилизованных красными, которые не служили в советской армии, а скрывались по лесам и тому подобное, и вместо того чтобы задерживать их, он наоборот способствовал им скрываться. Так, напротив, я лично, как фельдфебель, был мобилизован красными, но, не желая у них служить, я скрывался в лесу. Наконец, военный комиссариат меня задержал, арестовал и приговорил к расстрелу, но Иван Петрович за меня заступился и этим спас мне жизнь. Также он не дал расстрелять и еще двоих скрывавшихся от красных граждан. Во всех соседних волостях были местные отряды для защиты советской власти на местах, а когда в Черноярской волости избрали дружину в числе 20 человек, то он как председатель вместо того, чтобы ходатайствовать об усилении и вооружении дружины, распустил ее или вернее сказать, разогнал. Вообще он человек хороший и желательный работник для общества»¹⁷.

¹⁶ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 29. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10–11.

Вопрос о наказании за нахождение на службе у большевиков неоднократно поднимался на повестке дня в Кизвинской волостной управе Оханского уезда. При этом в документе прямо не говорится, какой проступок совершил провинившийся: 27 апреля 1919 г. управа, рассмотрев предложение председателя следственной комиссии Д. Г. Воробьева «О коммунистах и коммунистках», единогласно постановила: «Исключить из списков своей волости или назначить на общественные работы нижеследующих коммунистов: П. З. Шляпина исключить из списка своей волости как вредного человека, коммуниста К. Ф. Чудинова то же. Коммуниста Т. Ф. Кривощекова тоже исключить из списков, Н. П. Надеина приговорить на общественные работы на три месяца, коммуниста Г. В. Лопатина исключить из списков волости как вредного человека, коммунистку М. А. Чадову исключить из списков волости как вредной женщины за позор нашей Родины. Матери коммуниста Шитоева Екатерину Егорову Шитоеву приговорили общим собранием дать наказание, то есть дать двадцать розог... с предупреждением, если еще повторится что-нибудь против нашей Родины России, то исключить из списков своей волости. Жене коммуниста Лопатина М. А. Лопатину единогласно постановили общим собранием назначить на общественные работы на мытье полов на один год от 27 апреля 1919 г. по 27 апреля 1920 г. за нехорошее ее поведение, то есть за воровство, как идущей по инициативе своего мужа-грабителя. Жену коммуниста А. П. Неволлина постановили исключить из списков волости вместе со своим семейством с дочерью Марией и сыновьями Николаем, Александром и Павлом за ихнее худое положение как вредных и нарушающих внутренний порядок нашей Родины России»¹⁸ (орфография документа сохранена. — *А. Д.*).

Несмотря на разрушительные последствия пребывания большевиков в городе и уездах, среди населения все же находились сочувствующие. 27 мая 1919 г. управляющий Соликамским уездом докладывал управляющему губернией: «При проведении земельных и других мероприятий Правительства в деревнях некоторые недовольные элементы позволяют себе при стечении народа и на сходах высказывать враждебность к правительственным распоряжениям, говоря, что “этого никогда не будет”, что “теперь народное право”, а иногда на прочитанное распоряжение отвечают площадной руганью. Такие враждебные проявления, являющиеся результатом нравственной распущенности и неуважения к власти под влиянием большевизма должны быть немедленно пресечены»¹⁹.

23 июня 1919 г. управляющий Осинским уездом рапортовал: «При общем внешнем спокойствии уезда, среди его населения имеется значительное количество элементов, связывавших свое благополучие с Советской властью и потому продолжающих втайне мечтать о возвращении большевиков. Эти элементы держатся в настоящее время совершенно пассивно, но в случае каких-либо

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

¹⁹ Там же. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 29. Л. 34, 34 об.

затруднений Правительства не преминут оказать содействие его противникам. Способствующими этим элементам обстоятельства являются в настоящий момент все возрастающая дороговизна, отсутствие транспорта, наличных денег, в связи с изъятием керенок и тяжести натуральных повинностей, а особенно постоев войск и подводной. Они группируются вокруг земских кооперативов. Значительная часть их из бывших и настоящих народных учителей»²⁰.

Стремление во что бы то ни стало найти причастных к большевизму иногда заканчивалось трагически. Начальник Соликамской уездной милиции в рапорте докладывал: «15 марта в 6 часов вечера на Губахинских каменноугольных копях князя А. Лазарева выстрелом из дробового ружья покончил жизнь самоубийством чиновник военного времени 25-го Тобольского Сибирского полка Семен Семенович Тиунов. В квартире Тиунова была обнаружена записка следующего содержания: “В смерти моей никого не винить, меня подозревают коммунистом, но я не коммунист. Прощайте все родные и знакомые”»²¹.

С возобновлением работы, земскими служащими были составлены списки уведенных красными при отступлении работников образования (вероятно, находившихся в этот момент под арестом). 19 мая 1919 г. управляющему Оханским уездом Кизвинская волостная управа прислала «список лиц, без вести пропавших, во время господства Советской власти», среди которых были председатель Кизвинского отдела народного образования В. Н. Бирюков, учитель 2-й ступени А. Е. Орехов, учитель 2-й ступени Н. Н. Нержин, отметив при этом, что «убитых и расстрелянных в Кизвинской волости нет»²².

Подобных списков в архиве встречается много. Это позволяет сделать предположение о негласном использовании большевиками в пропагандистских целях учителей как единственно грамотных, имеющих опыт и навыки воспитательной работы с населением.

Весьма болезненным и спорным оказался аграрный вопрос, а именно: поделить всю землю поровну или оставить на условиях прежнего владения. Первое означало, по сути, признание Декрета о земле. В условиях кризиса владельцы стали раздавать землю на правах аренды. Возникал вопрос и о запашке земли.

19 мая 1919 г. управляющий Красноуфимским уездом докладывал управляющему губернией: «Появилось некоторое волнение среди крестьян в связи с вопросом, кто должен пахать землю, благодаря позднему опубликованию закона о посевах. Но волнение утихает, так как многоземельные добровольно отдают часть своей земли в аренду»²³.

Вопреки распространенному мнению о доверии масс большевикам по причине бесплатной передачи в руки земли архивные документы свидетельствуют

²⁰ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 54. Л. 16.

²¹ Там же. Д. 66. Л. 3, 3 об.

²² Там же. Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

²³ Там же. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 54. Л. 10.

об обратном. В июне 1919 г. Ирбитской городской управой была составлена записка, где прямо говорилось: «Массы далеки были от мысли получить землю бесплатно, а тем более путем захвата закрепить ее. Иначе и не могло быть, так как среди населения крепко укоренился взгляд на неприкосновенность чужой собственности. Незаконное и самовольное владение не могло быть значительным, а главным образом, оно не могло в значительной мере сократить размеры площади крупного владения... Можно себе представить, что создано на местах в течение двух лет революции, насколько оказался запутанным, затуманенным в умах масс вопрос о праве на обладание землей. Господство большевиков окончательно перепутало все карты и внесло в землепользование полнейший хаос. В силу чего к моменту освобождения России от засильников создались по терминологии законов гражданских владения насильственные и самовольные, иначе владения незаконные. Владения эти в силу того же закона должны быть охранены правительством, пока имущество не будет присуждено другому и сделаны надлежащие по закону распоряжения»²⁴.

Ничто так не угнетало население, как возобновившаяся в январе 1919 г. мобилизация с целью создания 1-й Пермской стрелковой дивизии. К тому времени в массовом сознании сложилось устойчивое представление о Гражданской войне как о братоубийственной, поэтому призывы вступить в Красную или Сибирскую армию под разными заманчивыми лозунгами уже не работали. Антивоенные настроения выражались в неявке на призывные пункты, поступлении на службу в гражданские учреждения, бунтах против земств и милиции.

13 марта 1919 г. начальник милиции Красноуфимского уезда в рапорте отмечал: «Имею честь донести Вам господин управляющий, что с 15 мая по 1 июня настроение населения после отмены мобилизации оставалось спокойным, открытых агитаций не велось, хотя на существующие порядки недовольства не высказывалось, но во всех слоях общества чувствуется затаенная грусть, причиной которой является продолжающаяся война»²⁵.

2 июня 1919 г. управляющий Камышловским уездом докладывал: «Во время производившихся здесь мобилизаций после падения советской власти открытых выступлений и недовольства не было, были лишь два случая, в сущности даже мало относящиеся к мобилизации. А именно: в одном из них несколько человек пьяных призываемых сорвали погоны с милиционера в то время, когда последний вследствие поднятого шума вошел к ним на частную квартиру, и во втором случае при приеме в Воинском Присутствии матрос из города Керчи заявил, что “он не желает проливать гражданскую кровь”»²⁶.

Как и осенью 1918 г., в период мобилизации в Красную армию, сельскими обществами, вероятно, продолжалась практика выдачи удостоверений о принудительном ее характере. Призывники требовали выдать удостоверение о том,

²⁴ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 35. Л. 15–16.

²⁵ Там же. Д. 54. Л. 6.

²⁶ Там же. Д. 43. Л. 16.

что они «принудительно мобилизованы, а не добровольцы»²⁷. Об этом косвенно свидетельствует следующий документ. 8 марта 1919 г. начальник штаба Сибирской армии Восточного фронта генерал-майор Б. П. Богословский в телеграмме приказывал: «Призываемым никаких удостоверений не выдавать. Передайте мобилизованным, что при малейшей попытке к беспорядку будут все преданы военно-полевому суду, а виновные расстреляны. 3-й Степной корпус озаботится присылкой трех эшелонов с вооруженными командами для приведения к повиновению мобилизованных»²⁸. Известный своим политическим непостоянством генерал Богословский впоследствии будет арестован и расстрелян в Омской тюрьме.

Управляющий Соликамским уездом 5 июня докладывал управляющему губернией: «Что касается объявленной с 29 мая мобилизации солдат о сроке службы 1907 г., то последняя проходит не так гладко. Медленность в явке мобилизованных лиц происходит по разным причинам: во-первых, вследствие неправильного движения пароходов, отчего призываемые запаздывают с явкой на сборный пункт на 1, 2, и 3 дня. Во-вторых, призываемые неохотно идут, так как мобилизация совпала со временем производства весеннего посева яровых хлебов, установкой полевых изгородей, вспашкой пара и отсутствием рабочих мужских рук в деревне, вследствие призыва на службу ранее солдат более молодых возрастов. На почве призыва в последнюю мобилизацию открытых недовольств и выступлений не замечается, но от Березовской и Щекинской волостей много призываемых не явились. По слухам они ушли наниматься на местные работы с целью получить отсрочку»²⁹.

Архивные документы свидетельствуют: как местные власти, так и гражданское население панически боялись возвращения красных. Нескончаемая вереница беженцев подпитывала эти страхи рассказами о приближении «красных банд». Летом 1919 г. приток беженцев увеличился.

Управляющий Оханским уездом в рапорте от 10 июня отмечал следующее: «В связи с временными неудачами наших войск на фронте среди населения уезда начинают усиленно циркулировать слухи о скором приходе красных, иной раз даже указывают срок, к которому они должны прибыть в ту или иную местность, передают какие-то приказы бежавших комиссаров вроде того, что “сейте больше овса, он нам понадобится”. Источниками слухов по большей части являются семьи бежавших коммунистов, несомненно возлагающие большие надежды на возвращение красных... Некоторые коммунисты уже возвращаются и скрываются где-либо в лесах, многие даже проживают дома, а население молчит, не сообщает об этом властям, опасаясь мщения красных в случае их возвращения»³⁰.

18 июня 1919 г. временно исполняющий обязанности управляющего Осинским уездом Скрутковский докладывал: «В город продолжают прибывать

²⁷ Долгова А. В. Неизвестный фронт Гражданской войны: конфликт между властью большевиков и крестьянской массой в Пермской губернии. М., 2019. С. 25.

²⁸ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 43. Л. 13.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 43. Л. 20–20 об.

³⁰ Там же. Ф. Р-746. Оп. 1. Д. 55. Л. 54–54 об.

беженцы. Настроение тревожное вследствие приближающегося фронта. Коренное население боится красных, часть его эвакуируется. Рабочие же настроены выжидательно. Прикамские волости дают добровольцев в Воткинскую дружину. Открытых выступлений не было»³¹.

10 июня 1919 г. начальник Осинской уездной милиции сообщал управляющему Пермской губернией: «В связи с эвакуацией Сарапула и Ижевского завода, в городе Осе и уезде появилось много беженцев. Продолжают прибывать воинские части. В Осе разместился штаб 8-го корпуса. Некоторые части возвращаются к фронту сухопутными дорогами. Настроение населения довольно тревожное, боятся приближения красных к Осе. Комендантом Осы по этому поводу выпущено объявление успокоительного характера. По последним частичным сведениям Сарапул будто бы теперь в наших руках»³².

В последних сводках, составленных начальником милиции по Усольскому уезду Антипиным, отмечалось: «Настроение в последние дни тревожное в связи с эвакуацией Саратова; за неделю спокойно, за исключением убийства милиционера-конвоира двумя арестованными между Усольем и Соликамском; население южных и северо-западных волостей обеспокоено приближением Красной армии из села Бабки, где находятся эвакуированные учреждения Ижевской управы»³³.

Заключение. Анализ представленных документов показал высокую степень адаптации населения Пермской губернии к жизни в военных условиях. Существовавшая практика выдачи удостоверений о принудительном характере мобилизации, готовность трудиться на благо общества при любой власти, работы по восстановлению мирного уклада жизни — показатели всеобщей усталости от войны.

Готовность предоставлять земельные участки на правах аренды, введение в практику наказаний за службу у большевиков, недовольство образовательной и продовольственной политикой — свидетельства неприятия населением большевистской власти. Эти настроения станут причиной затяжного характера Гражданской войны в регионе, где отдельные столкновения продолжатся до конца 1920-х гг.

Власти не позаботились о своевременной эвакуации граждан. Вместо принятия срочных решительных мер занимались успокаиванием населения, разворачивали беженцев обратно к своим домам, убеждая, что никакой опасности возвращения красных не существует.

Земства еще продолжали работать, но уже с июля повсеместно начинали воссоздаваться комиссии по борьбе с дезертирством, уездные и волостные военные комиссариаты как насущная необходимость для пополнения свежими силами Рабоче-крестьянской Красной армии.

³¹ ГАПК. Ф. Р-746. Оп. 1. Д. 55. Л. 50.

³² Там же. Оп. 2. Д. 54. Л. 51.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 55. Л. 69–86.

Литература

1. Бринюк Н. Ю. Время надежд и разочарований. Антибольшевистское движение в Поволжье и на Урале в 1918 году // Военно-исторический журнал. 2020. № 1. С. 39–46.
2. Вебер М. И. Уральская провинция в начале гражданской войны (на материалах Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии) // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 72–79.
3. Долгова А. В. «Пермская катастрофа»: органы местного самоуправления в период Верховного правителя // Вестник архивиста. 2024. № 3. С. 943–959. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-3-943-959>
4. Звягин С. П. Привлечение милиции антибольшевистских правительств к сбору налогов с населения на Урале и в Сибири (1918–1919 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 3. № 2 (54). С. 225–228.
5. Кальсина А. А. Деятельность временного областного правительства Урала и Временного Сибирского правительства по реформированию школы на территории Пермской губернии (лето – осень 1918 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6 (Археология. История). С. 270–274.
6. Обухов Л. А. «Белая» печать Перми о большевистском режиме и лидерах большевиков // Технологос. 2022. № 2. С. 93–102. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.2.07>
7. Петров А. В. Система советской милиции: проблема развития в 1919–1921 гг. (региональный аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 134–139.
8. Пученков А. С. Размышляя о Гражданской войне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 33–37. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V031>
9. Рынков В. М. Временное областное правительство Урала: соотношение региональных и общероссийских факторов деятельности (август – декабрь 1918 г.) // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 96–103. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-96-103](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-96-103)
10. Стариков И. В. Органы правосудия Белой государственности на Востоке России в годы Гражданской войны (1918–1922) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 3. С. 18–25.
11. Тетерин В. И. Система местного самоуправления в Пермской губернии при правительстве А. В. Колчака // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 43–48. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-43-48>
12. Хандорин В. Г. К вопросу об отличительных особенностях режимов А. В. Колчака и А. И. Деникина // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4 (37). С. 204–213. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213>
13. Хандорин В. Г., Тепляков А. Г. К вопросу о реабилитации адмирала А. В. Колчака // Клио. 2022. № 11 (191). С. 162–169. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_11_162
14. Шишкин В. И. Организация охраны российского правительства А. В. Колчака (Омск, 1919 год) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 23–33.

References

1. Brinyuk N. Yu. Vremia nadezhd i razocharovanii. Antibol'shevistskoe dvizhenie v Povolzh'e i na Urale v 1918 godu [The time of hope and disenchantment. The anti-Bolshevik movement in the Volga region and the Urals in 1918] // Military History Magazine. 2020. № 1. P. 39–46. (In Russ.).
2. Veber M. I. Ural'skaia provintsiiia v nachale grazhdanskoi voiny (na materialakh Kamyshlovskogo i Shadrinskogo uezdov Permskoi gubernii) [Ural province at the beginning of the Civil war (based on materials from Kamyshlov and Shadrinsk districts of Perm province)] // Ural Historical Journal. 2009. №. 34 (24). P. 72–79. (In Russ.).
3. Dolgova A. V. «Permskaia katastrofa»: organy mestnogo samoupravleniia v period Verkhovnogo pravitel'ia [“Perm catastrophe”: local government bodies during the period of the Supreme Ruler] // Herald of an Archivist. 2024. № 3. P. 943–959. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-3-943-959> (In Russ.).
4. Zvyagin S. P. Privlechenie militsii antibol'shevistskikh pravitel'stv k sboru nalogov s naseleniia na Urale i v Sibiri (1918–1919 gg.) [Involving the police of anti-Bolshevik governments in collecting taxes from the population in the Urals and Siberia, 1918–1919] // Bulletin of Kemerovo State University. 2013. Vol. 3. № 2 (54). P. 225–228. (In Russ.).
5. Kalsina A. A. Deiatel'nost' vremennogo oblastnogo pravitel'stva Urala i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva po reformirovaniuu shkoly na territorii Permskoi gubernii (letno – osen' 1918 g.) [Activity of the Ural provisional regional government and the Siberian provisional government on reformation of the school in Perm province (summer – autumn 1918)] // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. № 2 (62). Vol. 6 (Archaeology, History). P. 270–274. (In Russ.).
6. Obukhov L.A. «Belaia» pechat' Permi o bol'shevistskom rezhime i liderakh bol'shevikov [The “white” press of Perm on the Bolshevik regime and Bolshevik leaders] // Technologos. 2022. № 2. P. 93–102. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.2.07> (In Russ.).
7. Petrov A. V. Sistema sovetskoii militsii: problema razvitiia v 1919–1921 gg. (regional'nyi aspekt) [The Soviet police system: the problem of development in 1919–1921 (regional)] // Vestnik of the Orenburg State University. 2006. № 3 (53). P. 134–139. (In Russ.).
8. Puchenkov A. S. Razmyshliaia o Grazhdanskoi voine [Reflecting on the Civil War] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seria: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2020. № 4. P. 33–37. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V031> (In Russ.).
9. Rynkov V. M. Vremennoe oblastnoe pravitel'stvo Urala: sootnoshenie regional'nykh i obshcherossiiskikh faktorov deiatel'nosti (avgust – dekabr' 1918 g.) [The provisional regional government of the Urals: correlation of regional and all-Russian factors of activity (August – December 1918)] // Ural Historical Bulletin. 2019. №. 2 (63). P. 96–103. (In Russ.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-96-103](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-96-103)
10. Starikov I. V. Organy pravosudiia Beloi gosudarstvennosti na Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoi voiny (1918–1922) [Justice bodies of the White state in the East of Russia during the Civil War (1918–1922)] // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2020. Vol. 5. № 3. P. 18–25. (In Russ.).
11. Teterin V. I. Sistema mestnogo samoupravleniia v Permskoi gubernii pri pravitel'stve A. V. Kolchaka [The system of local self-government under government of A. V. Kolchak

(The case of Perm province] // Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. 2022. Vol. 7. № 2. P. 43–48. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2022-7-2-43-48> (In Russ.).

12. Khandorin V. G. К вопросу об отличительных особенностях режимов А. В. Колчака и А. И. Деникина [To the issue of distinctive features of regimes of A. V. Kolchak and A. I. Denikin] // Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. 2020. Vol. 16. № 4 (37). P. 204–213. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-204-213> (In Russ.).

13. Khandorin V. G., Teplyakov A. G. К вопросу о реабилитации адмирала А. В. Колчака [On the question of rehabilitation of admiral A. V. Kolchak] // Clio. 2022. № 11 (191). P. 162–169. https://doi.org/10.51676/2070-9773_2022_11_162 (In Russ.).

14. Shishkin V. I. Organizatsiia okhrany rossiiskogo pravitel'stva А. V. Kolchaka (Omsk, 1919 god) [Organization of the security of the Russian government of A. V. Kolchak] // Izvestiya Omsk State Museum of Local Lore. 2009. №. 15. P. 23–33. (In Russ.).

Научная статья

УДК 340.158

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-153-167

Боголюбов Егор Андреевич

кандидат исторических наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

bogolubovegor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9312-7793

УСТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ И УПЛАТУ КАЛЫМА В ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Аннотация. Советская власть стремилась раскрепостить женщин Средней Азии и боролась за их равноправие с мужчинами. Проведение этой политики отразилось и на уголовном праве. Было заявлено, что пережитки прошлого угнетают женщину, делают ее бесправной. Одним из таких пережитков был калым (выкуп за невесту). Его криминализация на территории Туркменской ССР происходила волнообразно. Сначала он был отменен в Закаспийской области в 1920 г., но одновременно была введена обязанность жениха оплатить свадебные расходы. Затем власти Туркестанской АССР приняли декреты об отмене калыма в 1921 и 1923 гг. Потом наказания за калым были зафиксированы в Уголовном кодексе РСФСР в 1924 г. Однако после получения статуса союзной республики в Туркменской ССР калым в 1926 г. был признан лишь необоснованным обогащением, что предоставляло жениху право истребовать калым обратно. Такое законодательное закрепление означало ненаказуемость данного деяния. В Уголовном кодексе Туркменской ССР 1927 г. наказание за калым не было закреплено. Его криминализация произошла только в мае 1928 г. Тот непростой путь, который проделал калым, чтобы попасть в Уголовный кодекс Туркменской ССР, показывает те сложности, с которыми столкнулась советская власть в регионе. Местное население и туркменские власти не хотели запрещать калым, поскольку он был традицией предков и его наказуемость могла пошатнуть и без того зыбкое положение большевиков. Лишь под нажимом центральной партийной власти в лице Средазбюро удалось внести изменения в Уголовный кодекс Туркменской ССР.

Ключевые слова: раскрепощение женщин, Туркестанская АССР, Средазбюро, пережитки, местные обычаи, уголовное право, обычное право, адаты, национальная политика.

Для цитирования: Боголюбов Е. А. Установление уголовного наказания за получение и уплату калыма в Туркменской ССР // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 153–167. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-153-167>

Original article

UDC 340.158

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-153-167

Bogoliubov Egor A.

Candidate of Historical Sciences

National Research University Higher School of Economics

Saint Petersburg, Russia

bogolubovegor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9312-7793

**ESTABLISHMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT
FOR RECEIVING AND PAYING KALYM
IN THE TURKMEN SSR**

Abstract. The Soviet government sought to liberate the women of Central Asia and fought for their equality with men. The implementation of this policy has also had an impact on criminal law. It was stated that remnants of the past oppress a woman, make her disenfranchised. One of these remnants was the kalym (bride price). His criminalization on the territory of the Turkmen SSR occurred in waves. At first, it was abolished in the Transcaspian region in 1920, but at the same time the obligation of the groom to pay the wedding expenses was introduced. Then the authorities of the Turkestan ASSR adopted a decree on the abolition of kalym in 1921 and 1923. Later, punishments for kalym were fixed in the Criminal Code of the RSFSR in 1924. However, after receiving the status of the Union Republic of the Turkmen SSR, kalym in 1926 was recognized only as unjustified enrichment, which gave the groom the right to claim kalym back. Such legislative consolidation meant that the act was not punishable. In the Criminal Code of the Turkmen SSR of 1927, kalym was not fixed. His criminalization took place only in May 1928. The difficult path that Kalym took to get into the Criminal Code of the Turkmen SSR shows the position of the Soviet government in this region. The local population and the Turkmen authorities did not want to ban kalym, as it was an ancestral tradition and its punishability could shake the already precarious position of the Bolsheviks. It was only under pressure from the central party authorities in the person of the Media Bureau that it was possible to amend the Criminal Code of the Turkmen SSR.

Keywords: emancipation of women, Turkestan ASSR, Sredazburo, relics, local customs, criminal law, customary law, adats, national policy.

For citation: Bogoliubov E. A. Establishment of criminal punishment for receiving and paying kalym in the Turkmen SSR // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 153–167. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-153-167>

Введение

У становление советской власти в Средней Азии привело к кардинальным изменениям во всех сферах жизни общества. Одним из них стало изменение правового положения женщины. Советские и партийные органы стремились освободить женщину от пережитков прошлого, для чего была организована кампания по ее раскрепощению. В рамках этой кампании женщины привлекались к управлению государством, становились членами партии, поступали

на учебу в школы и университеты, осваивали новые практики гигиены и т. д. Для защиты и освобождения женщин принимались нормативные правовые акты, направленные на устранение пережитков родового быта.

Отдельные аспекты кампании по раскрепощению женщин в Средней Азии уже попадали в фокус внимания исследователей¹. Однако законодательное регулирование и практика применения нормативных правовых актов о бытовых преступлениях изучены мало и фрагментарно. Истории борьбы с родовыми пережитками в современной историографии посвящено незначительное количество работ. Изучением этой темы занимались преимущественно в советское время². В этих исследованиях приводилась общая характеристика каждого вида бытовых преступлений (калым, многоженство, браки с несовершеннолетними, кровная месть и др.). Обобщающий характер этих работ приводил к тому, что порой авторы упускали многие детали законодательного регулирования, не изучались конкретные виды бытовых преступлений.

По мнению Д. В. Мелентьева, введение в научный оборот новых документов, связанных с раскрепощением женщин, позволит показать всю искусственность «триумфального нарратива» советских исследований в 1960–1970-е гг.³ Это мнение справедливо и для бытовых преступлений. В предыдущих работах авторы рассказывали об истории таких преступлений фрагментарно, упуская некоторые факты и умалчивая о дискуссиях внутри советского общества и государственного аппарата о подходах к борьбе с пережитками родового быта. Советские авторы торжественно заявляли, что эта борьба велась успешно, правда встречая порой сопротивление со стороны местного населения и членов партии, которые саботировали решения вышестоящих органов. Советская власть, с их точки зрения, последовательно боролась с родовыми пережитками, никогда не отступая назад и лишь усиливая меры наказания и расширяя составы бытовых преступлений.

В этой связи перспективным видится изучение регулирования отдельных бытовых преступлений в их историческом развитии. На примере криминализации калыма в Туркменской ССР (далее — ТССР) можно будет проследить, как воспринимался калым туркменскими органами власти, партией и местными жителями и какие этапы предшествовали закреплению калыма в Уголовном кодексе (далее — УК) ТССР. Для ответа на эти вопросы необходимо в хронологическом порядке рассказать о законодательном регулировании калыма на территории Туркменской ССР от установления советской власти на этой территории и до введения в УК ТССР статьи о калыме.

¹ См. подробнее: *Мелентьев Д. В.* Чем был Худжум? // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. 2024. № 37. С. 137–140.

² *Дурманов Н. Д.* Преступления, составляющие пережитки родового быта. М., 1938; *Дурдыев Б.* Уголовное законодательство Туркменской ССР (1927–1967 годы). Ашхабад, 1969; *Пальванова Б. П.* Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М., 1982; *Сарыев Б.* Опасные последствия пережитков. Ашхабад, 1967.

³ *Мелентьев Д. В.* Поэтесса Анна Алматинская и раскрепощение мусульманок советского Туркестана // Восточный архив. 2023. № 2 (48). С. 46.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные нормативные правовые акты, посвященные борьбе с бытовыми пережитками и изданные различными органами власти (РСФСР, Туркестанской АССР (далее — ТАССР), Туркменской ССР). Кроме того, в статье использованы материалы, в которых отражен процесс создания новых актов о бытовых преступлениях. Стенограммы съездов Центрального исполнительного комитета (далее — ЦИК) ТССР публиковались как отдельными изданиями, так и в газете «Туркменская искра», на страницах которой размещались доклады со съездов, отчеты правительства, информация о работе Коммунистической партии, мнения местных жителей о новом законодательстве, сведения о практике раскрепощения женщин.

Ход и результаты исследования

Регулирование калыма в Туркестанской АССР

Впервые вопрос о запрещении калыма в Закаспийской области был поднят в 1920 г. В середине 1920 г. Закаспийский облревком сформировал комиссию по этой проблеме. 31 декабря 1920 г. президиум ревкома Закаспийской области принял декрет «О калыме» и направил его на утверждение в ЦИК и Совет народных комиссаров (далее — СНК) Туркестанской республики⁴. Начиная уже с этого документа, туркменские органы власти старались одновременно сохранить калым и отменить его. Казалось бы, эти две задачи противоречили друг другу и не могли быть одновременно достигнуты, но на территории современного Туркменистана это некоторое время получалось.

Декрет 1920 г. устанавливал запрет взимания калыма (махра) при заключении брака. Одновременно с этим декрет предусмотрел возможность взыскания с жениха расходов, связанных с заключением брака (такое вознаграждение не должно было быть в денежной форме, и его размер не мог быть более одного рабочего скота), определял содержание подарка невесте и размер расходов на организацию свадьбы⁵.

К сожалению, содержание декрета есть только в пересказе, полный текст пока не удалось найти. Основные положения декрета «О калыме» показывают, что при формальной отмене калыма жених все равно должен был существенно потратиться на свадьбу. Еще до принятия декрета Закаспийский облревком рекомендовал комиссии установить в документе минимальный размер вознаграждения родителям для обеспечения старости⁶. Неясно, было ли это прописано в документе или нет, но из тех положений, которые нам известны, видно,

⁴ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. Ч. 1: Становление и развитие государства и права в период строительства и победы социализма (1917–1937 гг.). Ашхабад, 1975. С. 81–82.

⁵ Там же.

⁶ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана.

что калым фактически заменялся иными обязательными тратами жениха. При этом размеры расходов на свадьбу и подарок невесте устанавливались непосредственно в декрете.

Следующим документом, который запрещал калым, стал декрет ЦИК Туркестанской АССР «Об отмене калыма» от 14 июня 1921 г. Документ запрещал выплачивать калым «в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было видом», если от уплаты этих выплат зависел выход невесты замуж. Следовательно, калым разрешалось выплачивать, если жених и невеста хотели заключения брака. Декрет признавал любые сделки, связанные с калымом, недействительными и не подлежащими судебной защите. Действие документа распространялось на киргизов и туркмен. Вводилась уголовная ответственность за получение и уплату калыма⁷. Постановлением облисполкома от 2 августа 1921 г. декрет от 14 июня 1921 г. был объявлен обязательным по Закаспийской области.⁸

Скорее всего, положения этого декрета так и остались на бумаге. По мнению В. Беловой, для проведения в жизнь декрета в ауле еще не была расчищена почва⁹. Фактически калым оставался распространенным явлением и после издания декрета¹⁰.

В 1923 г. ЦИК ТАССР вновь издал декрет о запрещении калыма, но и он не привел к ощутимым результатам. Некоторые чиновники на местах сомневались в самой возможности бороться с калымом на законодательном уровне, поскольку были уверены, что такие предписания можно будет обойти¹¹. Калым тщательно скрывали, дела о его получении и уплате крайне редко доходили до суда¹².

Местные жители, в том числе в Туркменской области, негативно воспринимали борьбу с пережитками. В 1923 г. жители Мервского уезда высказались против отмены калыма¹³. Формальный запрет калыма не мешал дехканам обращаться в туркменские женотделы с просьбой понизить стоимость калыма, так как бедняки не в состоянии купить жену¹⁴.

В следующем году борьбу с калымом начали вести уже на всероссийском уровне. 24 мая 1922 г. был принят УК РСФСР, а 21 июля 1922 г. постановлением ЦИК Туркестанской АССР он был введен в действие на территории автономии¹⁵. 16 октября 1924 г. УК РСФСР 1922 г. дополнили новой главой «Бытовые преступления». Список таких преступлений устанавливался для каждого автономного

⁷ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917–1936 гг.): сборник документов и материалов / ред. кол.: З. А. Астапович (отв. ред.) и др. М., 1971. С. 46–47.

⁸ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. С. 81–82.

⁹ Белова В. Женотделы в Туркмении // Туркменоведение. 1928. № 12. С. 38.

¹⁰ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. С. 263.

¹¹ Мелентьев Д. В. Неизвестное экспертное заключение советского чиновника о положении туркестанских мусульманок // Восточный архив. 2021. № 2 (44). С. 63.

¹² Перимова. Что дал Октябрь туркменской женщине // Туркменоведение. 1927. № 2–3. С. 48.

¹³ Мелентьев Д. В. Женотделы Средней Азии в 1920-е гг.: методы и результаты кампании раскрепощения мусульманок: дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. С. 203.

¹⁴ Мелентьев Д. В. Неизвестное экспертное заключение советского чиновника. С. 61.

¹⁵ Дурдыев Б. Указ. соч. С. 37.

образования отдельно. Для Туркестанской АССР, помимо других статей, была введена ст. 230, посвященная калыму. Уплата и получение калыма карались лишением свободы или принудительными работами до одного года. Принятие калыма дополнительно наказывалось еще и штрафом в размере калыма. В статье было написано: «уплата калыма (выкупа за невесту), вносимого по обычаям коренного населения Туркестанской автономной ССР, женихом...»¹⁶. Из этой фразы можно сделать вывод, что калым был наказуем только для коренного населения Туркестанской АССР.

К концу 1924 г. статья о получении и уплате калыма была введена в УК РСФСР. Запрет калыма распространялся на отдельные автономные области, где он был распространен, в частности на Туркменскую область Туркестанской АССР.

Отношение к калыму в Туркменской ССР

В октябре 1924 г. была образована Туркменская ССР. Уже в феврале 1925 г. прошел I съезд Советов ТССР. На нем было принято решение, что действующее на территории республики законодательство РСФСР сохраняет свою силу до принятия собственных законов. Одновременно съезд поручил ЦИКу Советов Туркменской ССР «в срочном порядке пересмотреть все законодательство РСФСР, Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик и выработать на основании их самостоятельное законодательство ТССР, отражающее условия жизни и быта Туркменской ССР и отдельных ее частей»¹⁷.

Съезд поставил перед государственными органами и общественными организациями задачу фактического осуществления политических и имущественных прав женщин. «Там, где нет рабов, не может быть и рабынь» — заявлялось в документе. Все унижающие человека обычаи должны быть уничтожены. В качестве примера позорного пережитка прошлого был приведен калым, с которым следовало бороться с помощью революционного закона¹⁸.

Однако такие заявления не помешали этому же съезду провести амнистию лиц, совершивших преступления «под влиянием устарелых обычаев». К ним относились принятие куна¹⁹, угон скота, уплата и принятие калыма, умыкание и принуждение женщины к выходу замуж вопреки ее воле²⁰.

¹⁶ Постановление ВЦИК от 16.10.1924 «О дополнениях Уголовного Кодекса РСФСР для автономных республик и областей» // Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 79. Ст. 787.

¹⁷ Постановление 1-го съезда советов Туркменской ССР «О законодательстве и правосудии ТССР» // Постановления 1-го Всетуркменского Съезда Советов Дехканских, Рабочих и Красноармейских депутатов. Полторацк (Асхабад), 1925. С. 8.

¹⁸ Постановление 1-го съезда советов Туркменской ССР «Обращение к трудовому населению Туркменистана» // Там же. С. 9–13.

¹⁹ Кун — выплата за убийство семье убитого, чтобы не допустить кровной вражды.

²⁰ Постановление 1-го съезда советов Туркменской ССР «Об амнистии, в ознаменование образования Туркменской Социалистической Советской Республики» // Постановления 1-го Всетуркменского Съезда Советов Дехканских, Рабочих и Красноармейских депутатов. С. 15–16.

13 февраля 1925 г. Президиум ЦИК СССР направил обращение к народам, населяющим национальные республики и области Советского Востока, в котором призывал продолжить борьбу с родовыми пережитками. Президиум напоминал, что закон в равной мере карает «за уплату калыма, похищение женщины для вступления с нею в брак и многоженство — эти остатки векового угнетения женщины, встающие препятствием на пути к ее культурному и политическому развитию»²¹.

25 октября 1925 г. в своем выступлении на 2-й сессии I созыва ЦИК ТССР председатель СНК ТССР К. С. Атабаев затронул вопрос положения женщины в туркменском обществе. Он сказал, что «калым еще не определяет женщину как товар, и продажа ее совершается в порядке исполнения целого ряда обрядностей и ритуалов». При этом он отметил, что высокий калым приводил к умыканию женщины, что затем выливалось во вражду между родственниками женщины и похитителем. Из-за бедности населения после Гражданской войны калым стал промыслом, на котором зарабатывали родственники женщин. Такие факты не помешали Атабаеву сделать вывод, что калым следует временно сохранить, поскольку он является глубоко укоренившимся институтом²².

Один из участников этой сессии Ак-Мурад Оразов отмечал, что отмена калыма не дала результатов, наоборот, это привело к тому, что сумма калыма выросла: до отмены было 200 руб., а в 1925 г. она могла составлять уже от 500 до 1000 руб. Он пришел к выводу, что калым сразу отменить нельзя, и просил временно его сохранить²³. Каких-либо документов по итогам этой сессии ЦИК ТССР не было принято.

За сохранение калыма выступали не только депутаты ЦИК ТССР. На различных конференциях и совещаниях по всей Туркменской ССР также обсуждали вопросы регулирования бытовых пережитков. В частности, Кара-Бекаульская и Фарабская конференции высказались за сохранение калыма. Участники конференций считали, что «хотя в шариате и не указано брать калым, но это делали предки деды и отцы, а поэтому и они должны также поступать»²⁴. Как видим, в ТССР в этот период публично высказывалось мнение о сохранении калыма, хотя в РСФСР калым был криминализован, и эта норма продолжала действовать. В «Туркменской искре» были представлены и позиции сторонников отмены калыма²⁵.

После получения республикой союзного статуса туркменские власти и местное население оказались едины во мнении, что калым запрещать еще рано. Они апеллировали к традиции и укорененности калыма в повседневной жизни туркмен. Однако законодательных актов ТССР по калыму до октября 1926 г. так и не было

²¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. / сост. А. А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] И. Т. Голякова. М., 1953. С. 211–212.

²² Стенографический отчет 1–2 сессии ЦИК ТССР 1-го созыва. Полторацк (Асхабад), 1925. С. 16–17.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ *Погостин Д.* Беспартийные дехканские конференции // Туркменская искра. 1926. № 211. С. 1.

²⁵ *Д. С.* На темы дня // Туркменская искра. 1926. № 224. С. 4.

принято. Можно предположить, что юридически УК РСФСР уголовный кодекс РСФСР сохранил свою силу, следовательно, остался и уголовный запрет калыма.

Калым как необоснованное обогащение

К теме калыма власти вернулись в октябре 1926 г. на 3-й сессии I созыва ЦИК ТССР. В своем докладе Атабаев рассказывал о трудностях, связанных с уплатой калыма. По его мнению, бедняк часто долго копит деньги на калым, уходит на работу к кулаку для заработка; бывают случаи перепродажи женщины за калым. Оценивая предыдущие законы о калыме, Атабаев отметил, что изжить калым полностью не удалось и, по его мнению, бороться с ним в настоящее время не представляется возможным. Такого же мнения придерживался и Ак-Мурад Оразов, который указывал на тайный характер калымных сделок и считал, что «необходимо повременить с изданием декрета о калыме»²⁶.

Можно выделить несколько причин декриминализации калыма в ТССР. Во-первых, его повсеместное распространение. В 1927 г. председатель ЦИК ТССР Н. Айтаков заявил: «Если бы мы взялись за преследование лиц, которые уплатили или брали калым, то пришлось бы посадить или выслать все туркменское население»²⁷. В таких условиях борьба с ним была невозможна. Во-вторых, наложение штрафов на лиц, берущих и дающих калым, по мнению Айтакова, привело бы к обогащению государственной казны за счет беднейшей части населения²⁸.

Кроме того, Атабаев в 1927 г. заявил, что государственное мероприятие может рассчитывать на успех лишь в том случае, если оно поддерживается массами. При отмене калыма, в силу отсталости населения, правительство не имело бы никакой поддержки. Поэтому, став на путь отмены калыма, власть фактически противопоставила бы себя всему населению, калым ушел бы в подполье, стал нелегальным и бороться с ним было бы еще труднее²⁹. Тем самым подчеркивалось, что запрет калыма мог пошатнуть положение советской власти в Туркменской ССР.

В таких условиях Атабаев предложил признать калым незаконной сделкой, предоставить жениху, уплатившему калым, право истребовать его обратно. Этим правом мог воспользоваться и муж после развода с женой. Чтобы не было злоупотреблений со стороны мужчин, предлагалось возвращать калым в судебном порядке и с привлечением свидетелей устанавливать его размер³⁰.

²⁶ Третья сессия ЦИКа ТССР (утреннее заседание 4 октября). О семейно-бытовых декретах (докладчик Т. Атабаев) // Туркменская искра. 1926. № 228. С. 2.

²⁷ Вторая сессия ЦИКа ТССР (Декреты по бытовым вопросам. Доклад тов. Айтакова) // Туркменская искра. 1927. № 225. С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Пути раскрепощения женщины. Доклад тов. Атабаева на всетуркменском съезде женщин // Туркменская искра. 1927. № 229. С. 2.

³⁰ Третья сессия ЦИКа ТССР (утреннее заседание 4 октября). С. 2.

Участники сессии поддерживали этот декрет. Отмечалось, что такие нормы могут улучшить положение бедноты. Отдельные выступающие указывали, что нормы декрета не противоречат «духу учения Магомета», поскольку в шариате ничего не сказано о продаже женщин. Другие говорили, что дехкане выступают за полную отмену калыма.

Были и явные противники признания калыма незаконной сделкой, которые полагали, что принятие декрета вызовет много недоразумений, и предлагали не поддерживать такие иски, поскольку нет наказания за получение калыма.

Айтаков отмечал, что этот декрет является половинчатой мерой, но в существующих на тот момент условиях иначе поступить было нельзя. Недостатком декрета было отсутствие срока давности для возбуждения иска по возвращению калыма. Айтаков предложил установить годовой срок. Атабаев был с ним не согласен и считал необходимым распространить на такие иски срок давности в три года, как и для других долговых обязательств³¹.

После обсуждения поступивших предложений по декрету о калыме решено было признать его не противозаконной сделкой, а необоснованным обогащением. Это позволило не входить в противоречие с Гражданским кодексом и на легальных основаниях истребовать уплаченную сумму обратно³².

Согласно циркулярному письму Наркомата юстиции ТССР декрет «О калыме» вступил в силу после его опубликования, т. е. 26 ноября 1926 г.³³ Калым, уплаченный ранее этого срока, подлежал возврату только в том случае, если его требование является результатом ухода жены от мужа по понуждению родителей или посторонних лиц в корыстных целях. В этом случае муж имел право требовать калым, когда бы он ни был уплачен³⁴.

Поскольку порядок возврата калыма не был урегулирован декретом, то 2-я сессия II созыва ЦИК ТССР 23 сентября 1927 г. приняла специальное постановление «О порядке обратного истребования калыма»³⁵. Согласно ему мужу предоставлялось право истребовать калым и в том случае, если жена расторгнет брак не по своему желанию, а под давлением родственников для дальнейшей перепродажи³⁶.

Принятие декрета о калыме 6 октября 1926 г.³⁷ приблизило правовые нормы к быту туркменского населения³⁸. Этот декрет стал реализацией постановления I съезда Советов ТССР «О законодательстве и правосудии ТССР», согласно которому необходимо было переработать законодательство

³¹ Третья сессия ЦИКа ТССР (утреннее заседание 4 октября). С. 2.

³² Там же (7 заседание 6 октября) // Туркменская искра. 1926. № 230. С. 2.

³³ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. С. 263–264.

³⁴ *Перимова*. Что дал Октябрь туркменской женщине. С. 49.

³⁵ Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. С. 263–264.

³⁶ Вторая сессия ЦИКа ТССР. С. 2.

³⁷ Постановление третьей сессии ЦИКа Туркменистана. По докладу о бытовых вопросах // Туркменская искра. 1926. № 269. С. 4.

³⁸ *Айтаков Н.* Об итогах 3-й сессии ЦИК ТССР // Туркменская искра. 1926. № 234. С. 2–3.

РСФСР и разработать собственные законы, «отражающие условия жизни и быта Туркменской ССР».

Декрет о калыме не вводил уголовную ответственность за получение и уплату калыма и, по сути, отменял предыдущие законы о калыме. Теперь выкупать невесту можно было открыто и на легальных основаниях. У мужа появилось право истребовать калым обратно в судебном порядке. Получалось так, что родители невесты брали калым и не знали, потребуют ли его обратно. Власти же хотели материально заинтересовать жениха в возврате калыма и тем самым истребить калым³⁹.

О практике применения этого декрета говорить сложно. Есть лишь обрывочные сведения. Через год после принятия декрета о калыме Айтиаков заявил, что никто не обращался в суды за обратным истребованием калыма⁴⁰. По сведениям, полученным из окружной прокуратуры, в Полторацком округе было всего одно дело об истребовании калыма обратно⁴¹. В докладе Президиума ЦИК ТССР в Президиум ЦИК СССР о проведении законодательства по бытовым преступлениям от 4 февраля 1928 г. сказано следующее: «В судах ТССР имеется с точностью неучтенное и немалое прогрессирующее поступление заявлений о возврате калыма — фактор целесообразности издания закона о возврате калыма»⁴².

Признание калыма необоснованным обогащением в корне расходилось с общесоюзной и партийной политикой в вопросе раскрепощения женщин. В РСФСР калым все еще считался пережитком родового быта и был запрещен. Туркменские власти в это же время решили его просто декриминализовать.

Скорее всего, причина снисходительного отношения к калыму заключалась в том, что большевики просто опасались идти в аулы, поскольку там к ним были враждебно настроены⁴³. Европейцы не могли говорить о женском вопросе, поскольку не знали местного языка, а туркмены-партийцы все еще боялись перешагнуть через адат⁴⁴. Работники-туркмены могли сколько угодно хвалить советскую власть, но раскрепощение женщин для них оставалось табуированной темой, поскольку такие разговоры могли пошатнуть их авторитет, а возможно, они и сами желали сохранить господство над женщиной⁴⁵. Некоторые авторы и вовсе писали, что в период укрепления советской власти было совершенно несвоевременным заниматься законодательством о бытовых преступлениях⁴⁶.

³⁹ Вторая сессия ЦИКа ТССР. С. 2.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ 3-й съезд компартии (б-ков) Туркменистана. Доклад тов. Перимовой о фактическом раскрепощении женщины // Туркменская искра. 1927. № 264. С. 2.

⁴² Великий Октябрь и раскрепощение женщин. С. 104–107.

⁴³ Атанова С. А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 146.

⁴⁴ Адат — обычное право у мусульманских народов.

⁴⁵ Белова В. Женотделы в Туркмении // Туркменоведение. 1928. № 12. С. 37.

⁴⁶ Перимова. Что дал Октябрь туркменской женщине. С. 48.

Советская власть в кочевьях и отдаленных аулах была установлена поздно. В 1931–1932 гг. в туркменской пустыне Каракумы советская власть практически отсутствовала, не было ни одного члена партии⁴⁷. Отменяя наказание за калым, туркменские власти пытались укрепить свое влияние и не вступать в конфликт с местным населением, не навязывать ему советские идеи о равноправии женщин.

Калым в Уголовном кодексе Туркменской ССР

Законодательство РСФСР продолжало действовать на территории Туркменской ССР до принятия новых актов. УК РСФСР 1922 г. также сохранял свою силу. Поскольку новой республике нужен был свой кодекс, отражающий местные условия жизни и быта, в 1926 г. разработка Уголовного кодекса была поручена комиссии по пересмотру законодательства при Верховном суде ТССР. К концу года подготовка кодекса была завершена⁴⁸. 28 сентября 1927 г. ЦИК ТССР II созыва в основном утвердил УК ТССР и поручил Президиуму ЦИК доработать его и ввести в действие. Окончательная редакция кодекса была одобрена Президиумом ЦИК ТССР 22 октября 1927 г. Он вступил в силу с 1 февраля 1928 г.⁴⁹

В первой редакции уголовный запрет за получение и уплату калыма не был введен. Однако предложения о криминализации калыма высказывались одновременно с обсуждением УК ТССР. На республиканском совещании работников среди женщин, проходившем в сентябре 1927 г., Джамине Полтаева из Мерва сказала, что хоть калым и признан незаконной сделкой, но торговля женщинами все равно не прекратилась, поэтому она предложила ввести уголовную ответственность за получение и уплату калыма⁵⁰. Но эти предложения законодатель не услышал.

Хотя калым уголовно не преследовался, партийные органы все равно наблюдали за практикой его применения. Особенно внимательно смотрели за членами партии. По данным женотдела Средазбюро ЦК ВКП (б), в 1926 г. в Туркменистане было зафиксировано 1668 случаев выплаты калыма членами и кандидатами в члены партии, из них 49 — после вступления в партию⁵¹.

С 1927 г. в «Туркменской искре» стали появляться публикации о нежелании партийцев воплощать в жизнь установки партии, касающиеся раскрепощения женщин. К примеру, в одной статье было написано о недочетах в работе партийной контрольной комиссии. Ей в вину ставилось то, что она привлекла к партийной ответственности автора статьи, в которой писалось о руководящих работниках окружной парторганизации, уплативших калым. Однако самих этих работников комиссия к ответственности не привлекла. Такие действия явно

⁴⁷ *Синицын Ф. Л.* Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М., 2019. С. 21–22.

⁴⁸ *Дурдыев Б.* Указ. соч. С. 50.

⁴⁹ Уголовный кодекс Туркменской ССР. Ашхабад, 1928. С. 3–5.

⁵⁰ Республиканское совещание работников среди женщин // Туркменская искра. 1927. № 221. С. 3.

⁵¹ *Пальванова Б. П.* Указ. соч. С. 174.

расходились с политикой партии, которая боролась с пережитками прошлого, а ответственные партийные работники чуть ли не поощряли их⁵².

В письме ЦК и ЦКК КП(б)Т о борьбе с бытовыми пережитками упоминалось о народном судье, который уплатил калым в размере 500 руб. за девушку 16 лет, а также о члене партии, который заявил проверочной комиссии: «Я не даром кормил свою дочь и не продам ее меньше, чем за 500 р.»⁵³. В конце 1927 г. партийные власти стали исключать из партии лиц, получивших или уплативших калым⁵⁴. В 1928 г. эта практика продолжилась⁵⁵.

Весь 1927 г. уголовной ответственности за калым не существовало. Уже после утверждения окончательной редакции УК ТССР Средазбюро ЦК ВКП (б) 12 ноября 1927 г. признало неполным и недостаточным решение ЦИК ТССР о признании калыма необоснованным обогащением и призвало туркменские власти ввести уголовную ответственность за калым. ЦК КП (б) Туркменистана было поручено рассмотреть вопрос об отмене калыма при участии члена Средазбюро и представителя женотдела Средазбюро ЦК ВКП (б)⁵⁶.

17–22 ноября 1927 г. состоялся III съезд КП (б) Туркменистана. На этом съезде с докладом выступила Т. П. Перимова, которая высказалась за введение уголовной ответственности за калым⁵⁷. Немного позже она обосновывала запрет калыма следующим обстоятельством: поскольку дехкане не могут уплатить калым, это приводит к разорению хозяйства, так как не хватает женских рабочих рук. Она заявила, что «калым является тормозом в развитии дехканского хозяйства» и нужно ввести за него уголовное наказание⁵⁸.

В результате съезд по докладу «Об итогах и перспективах работ по фактическому раскрепощению женщин в Туркмении» принял резолюцию, в которой предлагалось ужесточить наказание за нарушение прав женщин посредством показательных судебных процессов, предавая все подобные случаи широкой огласке⁵⁹.

10 февраля 1928 г. Средазбюро рассмотрело новый проект декрета о калыме, представленный ЦК КП (б) и ЦИК Туркменистана, одобрило его и рекомендовало внести следующие коррективы: по пункту 1 проекта было признано необходимым увеличить срок лишения свободы за калым с трех лет до пяти; по пункту 3 — включить статью об освобождении от наказания лиц, вынужденных платить калым⁶⁰.

⁵² Недочеты в работе КК Туркменистана // Туркменская искра. 1927. № 59. С. 3.

⁵³ Товарищи коммунисты! На вас смотрят дехканские массы // Туркменская искра. 1927. № 123. С. 1.

⁵⁴ К-ов. Как идет наступление (Из материалов ЦКК КП(б)Т) // Туркменская искра. 1927. №. 237. С. 3.

⁵⁵ На решительную борьбу за раскрепощение женщин // Туркменская искра. 1928. №. 212. С. 3.

⁵⁶ Пальванова Б. П. Указ. соч. С. 154.

⁵⁷ 3-й съезд компартии (б-ков) Туркменистана. Доклад тов. Перимовой. С. 2.

⁵⁸ Перимова. Наши задачи // Туркменская искра. 1928. № 56. С. 2.

⁵⁹ Алимов И. И. Правовая система Туркмении: генезис и эволюция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 200.

⁶⁰ Пальванова Б. П. Указ. соч. С. 155.

В мае 1928 г. УК ТССР был дополнен статьей 151-1, в которой устанавливалась ответственность за получение и уплату калыма. Наказанием за такое деяние было лишение свободы сроком до трех лет и конфискация внесенного калыма, а при невозможности конфискации натурой — штраф в размере стоимости уплаченного калыма. В примечании к статье оговаривалось, что конфискация не распространяется на имущество невесты. Кроме того, вводилась статья 151-2, согласно которой лицо, вынужденное уплатить калым и своевременно, но не позднее чем в двухнедельный срок, заявившее об этом органам власти, освобождалось от применения к нему меры уголовного наказания. Такому лицу предоставлялось право истребовать калым обратно. Тем самым в новом законе были сохранены старые положения о возможности возврата калыма. В примечании к статье говорилось, что освобождение от наказания будет невозможным, если в действиях лица будет установлен другой состав преступления, например принуждение женщины к замужеству⁶¹.

История криминализации калыма в Туркменской ССР показывает, что позиция руководителей республики отличалась от мнения партии. В 1927 г. в КП(б)Т и в Средазбюро было отрицательное отношение к калыму среди членов и кандидатов в члены партии. Партийные органы выступали за введение уголовного наказания за калым. Руководители же Туркменской ССР придерживались иной точки зрения. Принятый в 1927 г. УК ТССР не предусматривал уголовного наказания за калым. Толчком к криминализации калыма стало обращение от Средазбюро в ноябре 1927 г. Однако потребовалось еще несколько месяцев на разработку проекта декрета о запрете калыма, и лишь в мае 1928 г. соответствующая статья была внесена в УК ТССР.

Б. П. Пальванова считала, что такой характер взаимоотношений между партийными и советскими органами власти показывает чуткое, внимательное и терпеливое обсуждение проектов законов, что, в свою очередь, огораживало республики от возможных ошибок⁶². Неспешность туркменского СНК в выполнении партийных предписаний отражает наличие противоречий между советскими и партийными органами. За постепенность в борьбе с калымом выступали председатель СНК республики К. С. Атабаев и председатель ЦИК Н. Айтаков.

Заключение

В Туркменской ССР был свой подход к разрешению вопроса калыма. Местные органы власти до и после получения республикой союзного статуса стремились бороться с калымом как с пережитком прошлого, но в то же время опасались в этой борьбе перегнуть палку и вызвать недовольство населения советской властью. Например, в Закаспийской области в 1920 г. отменили калым,

⁶¹ Постановления 3-й сессии ЦИК ТССР 2 созыва. Ашхабад, 1928. С. 25–26.

⁶² Пальванова Б. П. Указ. соч. С. 155.

но ввели обязанность жениха оплатить свадебные расходы и подарки невесте. Законодательство Туркменской ССР отменяло калым и даже предоставляло жениху право истребовать ранее уплаченный калым обратно. Но установленное еще в Туркестанской АССР уголовное наказание за калым в Туркменской ССР фактически было отменено после признания калыма необоснованным обогащением и исключения этого деяния из Уголовного кодекса ТССР 1927 г. Такой подход в корне противоречил советскому законодательству и политике партии по вопросу раскрепощения женщин. Лишь в 1928 г. после вмешательства Средазбюро уголовное наказание за получение и уплату калыма было вновь внесено в Уголовный кодекс.

Литература

1. Алимов И. И. Правовая система Туркмении: генезис и эволюция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 445 с.
2. Атанова С. А. «Боритесь за освобождение женщины Востока!». Советские ковры и плакаты за эмансипацию женщин Центральной Азии в 1920–1930-е гг. // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 140–170. <https://doi.org/10.17223/2312461X/33/7>
3. Дурдыев Б. Д. Уголовное законодательство Туркменской ССР (1927–1967 годы). Ашхабад: Туркменистан, 1969. 179 с.
4. Дурманов Н. Д. Преступления, составляющие пережитки родового быта. М.: Юридическое издательство, 1938. 69 с.
5. Мелентьев Д. В. Женотделы Средней Азии в 1920-е гг.: методы и результаты кампании раскрепощения мусульманок: дис. ... канд. ист. наук. М., 2024. 273 с.
6. Мелентьев Д. В. Неизвестное экспертное заключение советского чиновника о положении туркестанских мусульманок // Восточный архив. 2021. № 2 (44). С. 58–67. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2021-2-58-67>
7. Мелентьев Д. В. Поэтесса Анна Алматинская и раскрепощение мусульманок советского Туркестана // Восточный архив. 2023. № 2 (48). С. 41–48. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2023-2-41-48>
8. Мелентьев Д. В. Чем был Худжум? // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. 2024. Т. 37. № 1. С. 137–151. <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2024.37.008>
9. Очерки истории государства и права Советского Туркменистана. Ч. 1: Становление и развитие государства и права в период строительства и победы социализма (1917–1937 гг.). Ашхабад: Ылым, 1975. 292 с.
10. Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки. Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М.: Наука, 1982. 304 с.
11. Сарыев Б. Опасные последствия пережитков. Ашхабад: Туркменистан, 1967. 170 с.
12. Синицын Ф. Л. Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М.: Центрполиграф, 2019. 318 с.

References

1. Alimov I. I. *Pravovaia sistema Turkmenii: genezis i evoliutsiia* [Turkmenistan's legal system: genesis and evolution]: dissertation of the Candidate of Sciences in Law. Moscow, 2023. 445 p. (In Russ.).
2. Atanova S. A. «Borites' za osvobozhdenie zhenshchiny Vostoka!». *Sovetskie kovry i plakaty za emansipatsiiu zhenshchin Tsentral'noi Azii v 1920–1930-e gg.* [“Fight for the liberation of the women of the East!” Soviet carpets and posters for the emancipation of Central Asian women in 1920–1930] // *Siberian Historical Research*. 2021. № 3. P. 140–170. <https://doi.org/10.17223/2312461X/33/7> (In Russ.).
3. Durdyev B. D. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Turkmenskoi SSR (1927–1967 gody)*. [Criminal legislation of the Turkmen SSR (1927–1967)]. Ashgabat: Turkmenistan, 1969. 179 p. (In Russ.).
4. Durmanov N. D. *Prestupleniia, sostavliaiushchie perezhitki rodovogo byta* [Crimes that constitute remnants of ancestral life]. Moscow: Iuridicheskoe izdatel'stvo, 1938. 69 p. (In Russ.).
5. Melentiev D. V. *Zhenotdely Srednei Azii v 1920-e gg.: metody i rezul'taty kampanii raskreposhcheniia musul'manok* [Women's departments of Central Asia in the 1920s: Methods and results of the Muslim Women's Liberation Campaign]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2024. 273 p. (In Russ.).
6. Melentiev D. V. *Neizvestnoe ekspertnoe zakliuchenie sovetskogo chinovnika o polozhenii turkestanskikh musul'manok* [Unknown expert conclusion by a Soviet official on position of Turkestan women] // *Oriental Archive*. 2021. № 2 (44) P. 58–67. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2021-2-58-67> (In Russ.).
7. Melentiev D. V. *Poetessa Anna Almatinskaiia i raskreposhchenie musul'manok sovetskogo Turkestana* [Poetess Anna Almatinskaya and the emancipation of Muslim women in Soviet Turkestan] // *Oriental Archive*. 2023. № 2 (48) P. 41–48. <https://doi.org/10.31696/2072-5795-2023-2-41-48> (In Russ.).
8. Melentiev D. V. *Chem byl Khudzhum?* [What was Khujum?] // *Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies*. 2024. Vol. 37. № 1. P. 137–151. <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2024.37.008> (In Russ.).
9. *Ocherki istorii gosudarstva i prava Sovetskogo Turkmenistana. Ch. 1: Stanovlenie i razvitie gosudarstva i prava v period stroitel'stva i pobedy sotsializma (1917–1937 gg.)* [Essays on the history of the state and law of Soviet Turkmenistan. Part 1: Formation and development of the state and law during the construction and victory of socialism (1917–1937)]. Ashgabat: Ylym, 1975. 292 p. (In Russ.).
10. Palvanova B. P. *Emansipatsiia musul'manki. Opyt raskreposhcheniia zhenshchiny Sovetskogo Vostoka* [The emancipation of the Muslim woman. The experience of emancipation of a woman of the Soviet East]. Moscow: Nauka, 1982. 304 p. (In Russ.).
11. Saryev B. *Opasnye posledstviia perezhitkov* [Dangerous effects of remnants]. Ashgabat: Turkmenistan, 1967. 170 p. (In Russ.).
12. Sinitsyn F. L. *Sovetskoe gosudarstvo i kochevniki. Istoriia, politika, naselenie. 1917–1991* [The Soviet state and the nomads. History, politics, population. 1917–1991]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019. 318 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 37.018.324(476)(091)«1944/1956»

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-168-178

Мох Елена Николаевна

кандидат исторических наук, доцент

Академия образования

Минск, Республика Беларусь

eln.mokh@gmail.com

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕТСКОГО СИРОТСТВА В ПЕРИОД ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ БОБРУЙСКА И БОБРУЙСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1956)

Аннотация. В статье охарактеризована деятельность исполнительных органов власти и государственных учреждений, задействованных в процессе социального обеспечения детей-сирот, определены основные проблемы организации социального обеспечения детей-сирот и пути их решения, проанализированы статистические данные по детскому сиротству в период послевоенного восстановления Бобруйска и Бобруйской области, выявлены формы социального обеспечения детей-сирот в Бобруйской области в пределах 14 районов согласно административно-территориальному делению БССР от 20 сентября 1944 г. и в Бобруйске как областном центре.

Ключевые слова: Министерство просвещения, детские дома, Великая Отечественная война, воспитанники, детская беспризорность и безнадзорность, БССР, государственная политика.

Для цитирования: Мох Е. Н. Решение проблемы детского сиротства в период послевоенного восстановления на примере Бобруйска и Бобруйской области (1944–1956) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 168–178. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-168-178>

Original article

UDC 37.018.324(476)(091)«1944/1956»

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-168-178

Mokh Elena N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Academy of Education

Minsk, Republic of Belarus

eln.mokh@gmail.com

**SOLVING THE PROBLEM
OF CHILD ORPHANNESS IN THE PERIOD
OF POST-WAR RECOVERY USING THE EXAMPLE
OF BOBRUIK AND BOBRUIK REGION (1944–1955)**

Abstract. The article describes the activities of executive authorities and state institutions involved in the process of social security of orphans, identifies the main problems of organizing social security of orphans and ways to solve them, analyzes statistical data on child orphanhood during the post-war reconstruction of the city of Bobruisk and the Bobruisk region, identifies forms of social security for orphans in the Bobruisk region within 14 districts according to the administrative-territorial division of the BSSR from September 20, 1944 and in the city of Bobruisk as a regional center.

Keywords: Ministry of Education; orphanages; Great Patriotic War; pupils; child child homelessness and neglect, BSSR, state policy.

For citation: Mokh E. N. Solving the problem of child orphanness in the period of post-war recovery using the example of Bobruisk and Bobruisk region (1944–1955) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 168–178. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-168-178>

Введение. По теме послевоенной беспризорности детей выделим публикацию И. М. Ильюшина, в которой содержится информация по восстановлению детских домов, продовольственному и материальному обеспечению воспитанников¹. Особое место в белорусской историографии занимает диссертационное исследование Н. В. Смеховича². Впервые автор обратил внимание на работу государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей в послевоенный период. Статья В. А. Данилова посвящена деятельности органов внутреннего правопорядка Белорусской ССР по организации и развитию патроната детей-сирот в послевоенные годы³.

¹ *Ильюшин И. М.* Народное образование в Белорусской ССР. Минск, 1961.

² *Смехович Н. В.* Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1992. С. 10.

³ *Данилов В. А.* Трудовое воспитание в исправительных учреждениях НКВД/МВД Беларуси для несовершеннолетних в послевоенные годы (1944–1953 гг.) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2015. № 2. С. 175–179.

Источниковой базой данной работы стали материалы Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Минской области и зонального государственного архива в Бобруйске.

Вопрос детского сиротства является одной из серьезнейших социальных проблем для любого государства, ведь связь между детьми и будущим нации неоспорима. Данный вопрос как никогда остро встал перед БССР и всеми союзными республиками еще в ходе Великой Отечественной войны. Одним из направлений государственной политики БССР в послевоенные годы в системе школьного образования являлось решение вопросов детской беспризорности и безнадзорности. В связи с этим был разработан комплекс мероприятий, включавший восстановление детских домов в БССР, патронирование, усыновление. По данным на 1 декабря 1944 г., по республике в органах просвещения на учете состояли более 46 тыс. детей-сирот, к концу 1945 г. их число выросло до 64 тыс.

Ход и результаты исследования. Масштабы детского сиротства в послевоенной БССР показали необходимость включения в процесс его преодоления всей исполнительной ветви власти. Таким образом, вопросы детского сиротства обсуждались на заседаниях Совета министров БССР, а последующие решения принимались в виде постановлений Совмина. Учреждения, задействованные в механизме преодоления детского сиротства, можно разделить на две группы: принимавшие участие в координации мероприятий по решению данной проблемы и принимавшие участие в реализации разработанных мер. Высшим органом власти в решении данного вопроса являлся Совет министров БССР.

В решении данной социальной проблемы особая роль отводилась деятельности Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) БССР, работа которого возобновилась в ноябре 1943 г. в Москве. В январе 1944 г. учреждение было переведено в Гомель, а в августе 1944 г. — в Минск. С 1946 г. постановлением Верховного совета БССР Наркомат просвещения республики был преобразован в Министерство просвещения. Оно руководило деятельностью областных, городских и районных отделов народного образования. В его обязанности входила разработка перспективных и годовых планов по сети и контингентам учащихся всех типов детских домов, капитальному строительству и материально-техническому снабжению детских домов.

В Бобруйской области вопросы детского сиротства решались исполнительными комитетами местных Советов депутатов трудящихся. Они осуществляли на местах учет детей школьного возраста, координировали деятельность государственных предприятий, учреждений, колхозов и других общественных организаций по оказанию помощи детским домам и другим учреждениям образования.

Меры по социальному обеспечению детей-сирот реализовывались на основе как общесоюзного законодательства, так и законодательства Белорусской ССР.

Большие масштабы детского сиротства связаны непосредственно с его причинами, которые можно ранжировать. Достаточно очевидной причиной является гибель родителей от рук немецко-нацистских захватчиков. Далее по численности следуют дети, у которых погибли только отец или мать, а также дети, родители которых находились в тюрьме либо пропали без вести. Большинство таких детей жили у близких родственников. У многих детей отсутствуют отчества в отчетных сведениях. Основными формами жизнеустройства детей-сирот в послевоенное время являлись патронат, опека, определение в детские дома и усыновление.

Масштабность детского сиротства в Бобруйской области можно проследить по различным параметрам. В связи с началом становления послевоенной системы социального обеспечения и нехваткой мест в детских домах самой распространенной формой устройства стало помещение детей в патронатные семьи. Изначально патронат превалировал над размещением сирот в детских домах. Это объясняется тем, что сеть последних на тот момент только формировалась. В 1945 г. была разработана правительственная программа, направленная на укрепление и развитие патроната. Она предусматривала организацию точного учета детей-сирот и принятие широкомасштабных мер с целью усиления государственной и общественной помощи семьям, воспитывавшим детей, оставшихся без родителей. 13 июня 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление «О мероприятиях по улучшению материально-бытового положения детей сирот». Семьям, взявшим на патронат ребенка, государство предоставляло продовольственные товары и денежное пособие. Если на 1 июня 1945 г. в БССР на патронате состояло 19 000 детей, то уже на 1 ноября 1946 г. из 138 000 детей-сирот 53 113 находились на патронате.

На основе анализа отчетов были определены проблемы организации патронирования детей-сирот. К ним относились: недостаточность выплат; выплаты без заключения договоров; небрежное оформление личных дел; отсутствие обследования жилищно-бытовых условий. Наличие этих проблем можно объяснить в первую очередь отсутствием квалифицированных кадров в органах опеки.

Одним из вариантов анализа динамики детского сиротства является рассмотрение численности детей-сирот, устроенных в детские дома. На III квартал 1945 г. по Бобруйской области их число составляло 2670 человек. Основными типами детских домов стали дома для детей дошкольного и школьного возрастов. Они подразделялись на детские дома общего типа, смешанного типа (для совместного воспитания детей — членов одной семьи, оставшихся без родителей) и специальные — для детей воинов и партизан, погибших в Великую Отечественную войну, санаторные и лечебные — для детей с ослабленным здоровьем.

«Установлено, что работа по воспитанию детей, осуществлению борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью в Бобруйской области поставлена крайне неудовлетворительно. Отделы народного образования не имеют надлежащего учета детей-сирот и не осуществляют контроля за состоянием детей, находящихся на патронате. В Бобруйском, Гресском, Любанском

и Октябрьском районах не выплачиваются своевременно деньги на патронаж детей-сирот. Положение детей во многих детских домах остается тяжелым: подготовка к зиме не проведена, помещения не утеплены, большая скученность детей, постельной принадлежностью, одеждой и обувью дети обеспечены плохо. Слабо поставлена и воспитательная работа в детских домах, школах и других учреждений области. В области наблюдается увеличение безнадзорности и беспризорности, массовый уход детей с патронажа, случаи хулиганство на улицах и в общественных местах»⁴.

Для решения данных проблем предлагалось принять следующие меры: выявить детей школьного возраста; установить причины непосещения школ; директорам и руководителям предприятий, школ ФЗО, ремесленных училищ следовало обеспечить беспрепятственный прием на работу подростков; создать для них приемлемые жилищно-бытовые условия (жилище, питание, обувь, одежда); создать при городских, районных и сельских советах денежные фонды для оказания материальной помощи детям-сиротам, детям инвалидов Великой Отечественной войны; выделить для детских домов из государственного фонда необходимое количество земли и сенокоса для организации подсобных хозяйств.

Наибольшее количество детских домов было сосредоточено в Бобруйском районе. Численность сирот в сельской местности значительно превышала аналогичный показатель по городам (см. табл. 1). Отчетные данные по детским домам Бобруйской области за 1947 г. свидетельствуют об их предельной заполненности. В отчете заведующего Бобруйским отделом народного образования «О работе детских домов Бобруйской области по состоянию на 20 декабря 1948 г.» указывалось, что в области функционирует 23 детских дома, из них 15 детских домов общего и 3 специального типа. Плановый контингент детских домов на конец 1948 г. составил 2900 человек (1900 — в детдомах общего типа, 1000 — специального). Однако на 20 декабря 1948 г. в детских домах области воспитывалось 3131 человек (общего типа — 2134, специального — 997). В 1948 г. из детских приемников-распределителей и от населения в детдома было принято 213 человек, выпущено из них — 349 человек (на трудоустройство — 214 человек, возвращено родителям — 88 человек, передано в детские дома других ведомств — 47 человек)⁵.

В годовом отчете за 1950/1951 уч. г. Любанского специального детского дома отмечалось, что на начало учебного года в нем насчитывалось 153 воспитанника. В основном это были дети 1932–1942 гг. рождения. Среди них мальчиков было 61, а девочек — 98⁶.

⁴ Решение Исполкома Бобруйского городского Совета депутатов трудящихся «О мерах улучшения работы по воспитанию детей, осуществлению борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью в Бобруйской области // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 15. Оп. 6. Д. 1. Л. 1–26.

⁵ Отчет областного отдела народного образования «О работе детских домов Бобруйской области по состоянию на 20 декабря 1948 г.» // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 215. Л. 18–24.

⁶ Годовой отчет Любанского специального детского дома за 1950/51 учебный год // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 299. Л. 75–80.

Продолжение и окончание Таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
Свислочский детдом	п. Свислочь	Специальный		+			160	160	94 73	–	108	49	10	8	90	167	10	2	3	19	680	450
Копыльский детский дом им. А. Магровцова	Потейковский сельсовет	Специальный		+			120	117	69 58	–	64	44	9	13	75	–	8	2	1	23	480	225
Старобинский детский дом	п. Старобино, ул. Пролетарская	Общий		+			125	125	77 48	53	58	14	6	22	90	125	8	2	2	13	441	134
Детский дом № 1	Д. Глуск	Общий		+			150	158	85 73	113	30	15	–	4	11	–	7,5	–	2,5	2,5	690	580
Жилищский детдом	Кировский район	Специальный		+			160	156	89 67	6	93	37	20	9	79	140	10	2	2	21	385	282

Источник: Численные характеристики детских домов Бобруйской области за 1947 год // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–51.

Формирование сети детских домов требовало педагогических кадров, что также являлось проблемой в послевоенное время. В соответствии с уставом педагогические кадры в детском доме представляли директор, его заместитель по учебной работе, воспитатели, пионервожатые, инструкторы по труду, руководители кружков. Директор детского дома и завуч назначались на должность и освобождались с нее по распоряжению заведующего областным отделом народного образования. Назначение и освобождение директора утверждалось исполкомом областного или городского Совета депутатов трудящихся. На эту должность имели право претендовать лица, имевшие высшее или среднее педагогическое образование и стаж работы не менее трех лет.

Многие воспитатели детских домов находились в процессе получения образования, как правило заочного. Необходимо отметить, что в начале 1950-х гг. большое количество воспитателей имели дошкольное педагогическое образование, полученное еще до войны.

В детских домах Бобруйской области работали 22 директора и 22 заместителя директора по учебной работе, 176 воспитателей. По образованию и стажу они характеризовались следующим образом: директора с высшим образованием — 7 человек, с неоконченным высшим — 7 человек, со средним педагогическим — 8. Заместители директора по учебной работе детских домов и воспитатели в основном имели среднее педагогическое образование — 148 человек. Большинство при этом обучалось заочно в педагогических институтах или училищах (см. табл. 2).

Таблица 2

Положение с кадрами в детдомах Бобруйской области по состоянию на 1951 г.

Занимаемая должность	Стаж работы				Партийность			Нахождение в период Великой Отечественной войны			
	До 5	5-10	10-25	Свыше 25	Член в ВКП(б)	Член ВЛКСМ	Беспартийный	В Советской армии	В партизанах	В тылу	На оккупированной территории
Директор	3	5	12	2	16	—	5	9	6	4	3
Завуч	6	7	9	—	6	2	10	6	5	7	4
Воспитатель	69	61	41	5	8	52	112	15	36	34	91

Источник: Отчеты о выполнении Постановлений Совета Министров СССР и БССР об улучшении учебно-воспитательной и методической работы в детских домах области за 1951 год // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 339. Л. 9–13.

Немаловажным вопросом в социальном обеспечении детей-сирот Бобруйской области оставалось их устройство на учебу и определение на последующую работу. Существовало несколько вариантов подобного устройства: определение в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения; трудоустройство в колхозы и совхозы, на промышленные предприятия, МТС; передача на воспитание в Советскую армию. Так, в детских домах Бобруйской области в 1951 г. имелись 1015 воспитанников-переростков, из них мальчиков — 438, девочек — 577. В 1951 г. трудоустроено было 332 человека, в школы фабрично-заводского обучения отправлено 19, учебные заведения — 63, возвращено родителям — 88, направлено в трудовую колонию — 3 и др. За 1951 г. в Бобруйской области принято в детские дома 304 человека: из детских приемников-распределителей — 109, из патронатных семей — 46, от населения — 147, из домов младенца — 22⁷.

Большое значение имело привлечение общественности к проблеме детского сиротства: деятельность общественных вожатых, попечительских советов, шефских организаций.

Тенденция к сокращению детского сиротства в БССР наблюдалась уже в начале 1950-х гг. Наибольшее количество детей, находящихся в детских домах республики, было зафиксировано в 1949 г. — всего 35 706; в 1957 г. общее количество воспитанников снижается до 19 736. Если в период с 1945 по 1951 г. в БССР количество детских домов возрастает с 245 до 283, то к 1957 г. их число в республике уменьшилось до 210⁸.

В Бобруйской области действовало два детских приемника-распределителя МВД — Бобруйский и Осиповичский. Их правовой статус регулировался Положением о приемнике-распределителе НКВД, утвержденным приказом НКВД СССР от 26 июня 1945 г. Согласно ему задачами деятельности приемника-распределителя являлись учет и регистрация детей, проходящих через него, их санитарно-гигиеническая обработка и медицинское обследование, установление причин детской беспризорности и безнадзорности, принятие мер к их устранению, всестороннее изучение детей с целью их дальнейшего устройства, проведение воспитательной работы⁹.

Так, в 1955 г. в Бобруйский детский приемник-распределитель поступило 96 детей и подростков (20 девочек и 76 мальчиков). Из них 37 человек доставлены органами транспортной милиции, 23 человека — органами

⁷ Отчеты о выполнении Постановлений Совета Министров СССР и БССР об улучшении учебно-воспитательной и методической работы в детских домах области за 1951 год // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1124. Оп. 1. Д. 339. Л. 9–13.

⁸ Любавина Т. Г. Развитие системы детских домов в БССР (1954–1964) // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна дзяржаўныя працэсы / рэдкалегія: В. А. Міхедзька і інш. Гомель, 2011. С. 241.

⁹ Бездель В. Е., Хаданенко В. М. История Витебского детского приемника-распределителя в контексте борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в БССР (1944–1955) // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2021. Т. 33. С. 6.

территориальной милиции и 36 человек — общественностью. Возрастной состав поступивших в детский приемник-распределитель был следующий: до 7 лет — 12 человек, от 7 до 11 — 9, от 11 до 14 — 41, от 14 до 16 — 30, от 16 и старше — 4. Из них образование до трех классов имели 26 человек, 4–7 классов — 47 человек, выше 7 классов — 8 человек. Контингент приемника-распределителя пополнялся за счет детей, бежавших из детских домов; ушедших из дома вследствие плохих материальных условий родителей; не желавших учиться в школе и т. п.¹⁰

Заключение. Советское государство, победившее в Великой Отечественной войне, своей приоритетной задачей в социальной сфере поставило попечение о детях-сиротах, в первую очередь о детях погибших воинов Красной армии. Результативность государственной политики социального обеспечения в первые послевоенные годы зависела от темпов восстановления народного хозяйства в целом. Местные органы исполнительной власти делали все возможное, чтобы ликвидировать сиротство как социальное последствие войны. При этом имелись расхождения между требованиями республиканских органов власти и возможностью их реализации на местах.

Приоритетными формами устройства детей сирот являлись воспитание в патронатных семьях, опекунов и, наконец, усыновление, воспитание в детских домах. Наименее распространенной формой устройства детей являлось усыновление. Воспитание в патронатных семьях подразумевало выплату пособия на содержание детей. Однако данная форма устройства не могла гарантировать обеспечение полноценного процесса воспитания, так как государство из-за нехватки кадров не могло осуществлять должный контроль за их жизнью в патронатных семьях.

В складывавшихся условиях воспитание в детских домах было самой оптимальной формой устройства. Однако для полноценного обеспечения детей-сирот в данных учреждениях требовалось ликвидировать нехватку жилых помещений, подобрать необходимые педагогические кадры, организовать образовательный процесс, реализовать полноценное материальное обеспечение, предоставить выпускникам детдомов возможность дальнейшего трудоустройства, в том числе и воспитанникам-переросткам.

И хотя неудачи областных органов социального обеспечения в деле воспитания и защиты сирот имели место, все же руководству Бобруйской области к началу 1950-х гг. в целом удалось решить большинство проблем, включая необходимое материальное обеспечение детей-сирот и их последующее трудоустройство.

¹⁰ Доклад о работе детского приемника-распределителя УВД Могилевской области за второе полугодие 1955 г. // Зональный архив г. Бобруйска. Ф. 1292. Оп. 3. Д. 9. Л. 17–20.

Литература

1. Бездель В. Е., Хаданенок В. М. История Витебского детского приемника-распределителя в контексте борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в БССР (1944–1955) // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2021. Т. 33. С. 5–9.
2. Данилов В. А. Трудовое воспитание в исправительных учреждениях НКВД/МВД Беларуси для несовершеннолетних в послевоенные годы (1944–1953 гг.) // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2015. № 2. С. 175–179.
3. Ильюшин И. М., Умрейко С. А. Народное образование в Белорусской ССР. Минск: Учпедгиз БССР, 1961. 439 с.
4. Любавина Т. Г. Развитие системы детских домов в БССР (1954–1964) // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна дзяржаўныя працэсы / рэдкалегія: В. А. Міхедзька і інш. Гомель: ГДУ, 2011. С. 240–241.
5. Смехович Н. В. Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1992. 20 с.

References

1. Bezdel V. Ye., Khadanenok V. M. Istoriiia Vitebskogo detskogo priemnika-raspre-delitel'ia v kontekste bor'by s detskoj besprizornost'iu i beznadzornost'iu v BSSR (1944–1955) [History of the Vitebsk children's reception center in the context of fighting child homelessness and neglect in the BSSR (1944–1955)] // Uchenye zapiski UO «VGU imeni P. M. Masherova» [Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Mashe-rov]. 2021. Vol. 33. P. 5–9. (In Russ.).
2. Danilov V. A. Trudovoe vospitanie v ispravitel'nykh uchrezhdeniiakh NKVD/MVD Belarusi dlia nesovershennoletnikh v poslevoennye gody (1944–1953 gg.) [Labor educa-tion in correctional establishments of the people's commissariat for internal affairs/ministry of internal affairs of Belarus for juveniles in the postwar years (1944–1953)] // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' [Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus]. 2015. № 2. P. 175–179. (In Russ.).
3. Il'iushin I. M., Umreiko S. A. Narodnoe obrazovanie v Belorusskoi SSR [Public education in the Belarusian SSR]. Minsk: Uchpedgiz BSSR, 1961. 439 p. (In Russ.).
4. Lyubavina T. G. Razvitie sistemy detskikh domov v BSSR (1954–1964) [Development of the orphanage system in the BSSR (1954–1964)] // Belarus' u gistarychnai retraspektyve XIX–XX stagoddziaŭ: etnakul'turnyja i natsyianal'na-dzyapzaŭnyja pratsesy [Belarus in his-torical retrospect of the 19th–20th centuries: ethnocultural and national state processes] / V. A. Mikhed'ka (ed.) et al. Gomel: GDU, 2011. P. 240–241. (In Russ.).
5. Smekhovich N. V. Rabota gosudarstvennykh, politicheskikh i obshchestvennykh organizatsii po zhizneustroistvu i vospitaniiu detei, ostavshikhsia bez roditelei (1943–1950 gg.) [The work of state, political, and public organizations on the life arrangement and upbringing of orphaned children (1943–1950)]: abstract of the thesis of the Candidate of Historical Sciences. Minsk, 1992. 20 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 322

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-179-201

Тулянов Владислав Андреевич

кандидат исторических наук, доцент

Государственный университет просвещения

Москва, Россия

v.tulyanov@mail.ru; ORCID: 0009-0001-4377-3623

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
И МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СТОРОННИКОВ МИРА
В 1949–1953 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ
«ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»)**

Аннотация. В статье проанализированы официальные, публицистические и информационно-аналитические материалы, опубликованные в рубрике «В защиту мира» «Журнала Московской Патриархии» (ЖМП) в период 1949–1953 гг. К официальным материалам отнесены постановления, декларации и воззвания Всемирного совета мира и Советского комитета мира, а также постановления и обращения патриарха Алексия (Симанского), митрополита Николая (Ярушевича) и Священного синода Русской православной церкви (РПЦ). В статье определены следующие основные вопросы, освещаемые в официальных материалах рубрики: капиталистические страны как сторонники новой войны; война в Корее; судьбы послевоенных Германии и Японии. Публицистические материалы посвящены различным вопросам международных отношений, однако некоторым темам в рассматриваемые годы уделялось особое внимание: мир как богословская категория и роль РПЦ в международном движении сторонников мира. К информационно-аналитическим материалам отнесены очерки митрополита Николая (Ярушевича), посвященные его поездкам на Всемирный конгресс сторонников мира в Париж (1949), на Второй Всемирный конгресс сторонников мира в Варшаву (1950) и на Венский конгресс в защиту мира (1952). Эти очерки посвящены описанию поездок митрополита Николая на упомянутые мероприятия, его личным встречам, публичным выступлениям, описаниям иностранных делегаций и общей характеристике международного движения сторонников мира, а также месту СССР и РПЦ в нем. В статье сделан вывод: все материалы, опубликованные в рубрике «В защиту мира», проходили строгую цензуру, что было вызвано желанием советского правительства использовать ЖМП как один из каналов государственной пропаганды. В этой связи во все без исключения материалы рубрики были включены элементы советской внешнеполитической повестки, противопоставляющие миролюбивой политике СССР агрессивную политику США и НАТО, что должно было стать одним из факторов формирования общественного мнения советской верующей общественности и духовенства по вопросам международных отношений.

Ключевые слова: «В защиту мира», «Журнал Московской Патриархии», международное движение сторонников мира, митрополит Николай (Ярушевич), Всемирный совет мира, Советский комитет мира.

Для цитирования: Тулянов В. А. Русская православная церковь и международное движение сторонников мира в 1949–1953 гг. (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 1 (57). С. 179–201. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-179-201>

Original article

UDC 322

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-179-201

Tulyanov Vladislav A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Federal State University of Education

Moscow, Russia

v.tulyanov@mail.ru; ORCID: 0009-0001-4377-3623

**THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
AND THE INTERNATIONAL PEACE MOVEMENT (1949–1953)
(BASED ON THE MATERIALS
OF «THE JOURNAL OF THE MOSCOW PATRIARCHATE»)**

Abstract. The article analyzes official, journalistic, and information-analytical materials published in the “In Defense of Peace” section of the Journal of the Moscow Patriarchate in the period 1949–1953. The official materials included resolutions, declarations and proclamations of the World Peace Council and the Soviet Peace Committee, as well as resolutions and appeals of Patriarch Alexy (Simansky), Metropolitan Nicholas (Yarushevich) and the Holy Synod of the Russian Orthodox Church (ROC). The article shows that the main issues covered in the official materials of the heading were the following: «capitalist» countries as supporters of a new war; the Korean war; the fate of post-war Germany and Japan. The journalistic materials were devoted to various issues of international relations, but special attention was paid to some topics in the years under review. These topics included «peace» as a theological category and the role of the Russian Orthodox Church in the international peace movement. The information and analytical materials included essays by Metropolitan Nikolai (Yarushevich) on his trips to the World Congress of Peace Supporters in Paris (1949), the Second World Congress of Peace Supporters in Warsaw (1950) and the Vienna Congress for Peace in Vienna (1952). These essays describe Metropolitan Nicholas’ trips to the aforementioned events, his personal meetings, public appearances, descriptions of foreign delegations and general characteristics of the international peace movement, as well as the place of the USSR and the Russian Orthodox Church in it. It is concluded that all materials published under the heading “In Defense of Peace” were strictly censored, which was caused by the desire of the Soviet government to use the JMP as one of the channels of state propaganda. In this regard, all the materials of the heading, without exception, were interspersed with elements of the Soviet foreign policy agenda, contrasting the peace-loving policy of the USSR with the aggressive policy of the United States and NATO, which was supposed to shape public opinion.

Keywords: “In defense of peace”, “Journal of the Moscow Patriarchate”, international peace movement, Metropolitan Nicholas (Yarushevich), World Peace Council, Soviet Peace Committee.

For citation: Tulyanov V. A. The Russian Orthodox Church and the International Peace Movement (1949–1953) (based on the materials of «The Journal of the Moscow Patriarchate») // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 1 (57). P. 179–201. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-157-179-201>

Введение. Одним из многих факторов, актуализированных в повестке международных отношений с началом холодной войны, стала религия. Однако, если в капиталистических странах религиозные организации традиционно занимали активную позицию по большинству внешнеполитических вопросов, то в СССР, ввиду декларируемой атеистической и антирелигиозной повестки, ситуация была совершенно иной. С начала 1920-х гг. религия вытеснялась из советской политической и общественной жизни, а Русская православная церковь (далее — РПЦ) (как и большинство других религиозных организаций) всячески подавлялась, превратившись к началу 1940-х гг. в маргинализованную структуру, к тому же, по сути, лишённую централизованного управления, так как в патриаршей РПЦ не было патриарха, а права митрополита Сергия (Страгородского) как патриаршего местоблюстителя были ничтожны¹. Ситуация начала меняться только в годы Великой Отечественной войны, когда после встречи И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем), состоявшейся в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г., были заложены основы для частичной реабилитации положения РПЦ в стране². Новый курс был в основном ориентирован на использование внешнеполитических возможностей РПЦ при выстраивании новой послевоенной системы международных отношений³. В конце 1940-х – начале 1950-х гг., в условиях разгоравшейся холодной войны, «церковная дипломатия» становится одним из каналов, используемых для разрешения многих внешнеполитических проблем, в том числе и в русле миротворческого движения.

Международное движение сторонников мира начало свою деятельность в 1949 г., когда 20 апреля в Париже открылся Всемирный конгресс сторонников мира⁴. Еще 17 марта патриарх Алексий (Симанский) обратился в Совет

¹ Костромин К., *прот.* Отношение Русской Православной Церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 396.

² Рокуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть. 1917–1958. М., 2016. С. 12–13; Пивоваров Н. Ю., Тихонов В. В., Шок Н. П. Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного гуманистического диалога // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 55.

³ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. С. 82–93.

⁴ Мясин С. В. Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х гг. XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 3 (24). С. 91.

по делам РПЦ (далее — СДРПЦ) с вопросом о возможности участия представителей церкви в этом конгрессе. Положительный ответ был получен в начале апреля, РПЦ было позволено отправить на конгресс своих представителей⁵. Выбор пал на митрополита Николая (Ярушевича), председателя отдела внешних церковных сношений Московской патриархии. На конгрессе в Париже митрополит Николай был избран в состав постоянного комитета Всемирного совета мира (далее — ВСМ), а по возвращении в Москву он, вместе с патриархом Алексием, стал членом Советского комитета мира (далее — СКМ)⁶. Появившуюся уже в мае рубрику «В защиту мира» «Журнала Московской Патриархии» (далее — ЖМП) также было поручено вести митрополиту Николаю (Ярушевичу).

Основным источником данной работы стали выпуски ЖМП периода 1949–1953 гг. Сразу оговорим, что рубрика «В защиту мира», впервые появившаяся в ЖМП в № 5 за 1949 г., становится постоянной только с марта 1950 г. и отсутствует в № 7 и 12 за 1949 г., № 1 и 2 за 1950 г. С определенной долей условности все представленные в рубрике материалы по своему содержанию разделены нами на три группы: 1) официальные, к которым отнесены постановления, декларации и воззвания ВСМ и СКМ, а также постановления и обращения патриарха Алексия, митрополита Николая и Священного синода; 2) публицистические (как светских, так и церковных авторов) по тематике защиты мира и миротворческой деятельности; 3) информационно-аналитические, к которым отнесены обобщающие материалы по проведенным мероприятиям в рамках работы ВСМ.

Следует сказать, что, несмотря на обилие работ, посвященных как участию РПЦ в миротворческой деятельности⁷, так и ЖМП как историческому

⁵ Чумаченко Т. А. Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2008. Вып. 23. № 5 (106). С. 93.

⁶ Там же.

⁷ Волокитина Т. В. Советское государство, Русская Православная Церковь и экуменическое движение (40–50-е гг. XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: дискуссионные аспекты: сб. статей. М., 2003. С. 241–249; Шкуратова И. В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной церкви: 1945–1961 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Чумаченко Т. А. Московская патриархия во внешней политике советского правительства. Интересы церкви. Интересы власти. 1940-е – первая половина 1960-х гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Владивосток, 2015. С. 209–222; Беглов А. Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129; Тулянов В. А. Миротворческая деятельность РПЦ как средство альтернативной дипломатии РФ в 1990–2000-е гг. (на примере конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии) // Роль международных организаций в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых. М., 2019. С. 364–368; Его же. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (1990-е – 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. С. 47–50; Эйриян В. А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия...»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940–1950-х гг. // Россия XXI. 2022. № 5. С. 60–79 и др.

источнику⁸, до сих пор в историографии не было представлено работы, предметно анализирующей материалы, опубликованные в рубрике «В защиту мира» ЖМП как в обозначенный период, так и в последующие годы. Представленная статья призвана хотя бы частично восполнить этот историографический пробел.

Ход и результаты исследования. Анализ материалов, опубликованных в рубрике «В защиту мира» ЖМП в период 1949–1953 гг., начнем с группы официальных материалов, в которую вошли все основные постановления, декларации и воззвания ВСМ и СКМ, а также постановления и обращения патриарха Алексия, митрополита Николая и Священного синода. Первые такие материалы были опубликованы уже в № 5 за 1949 г. Открыл рубрику своим обращением патриарх Алексий, в котором, в частности, отметил особую роль советского правительства в деле сохранения мира: «...не только мы, русские люди, но и весь мир знает и видит стремление нашего Правительства отстоять мир во всем мире»⁹. Следует сказать, что в подобном духе были выдержаны почти все материалы рубрики «В защиту мира», где СССР (и непосредственно советское правительство) непременно изображен как «страна мира»¹⁰, «лагерь мира»¹¹ и т. п. Ему противостоит «агрессия капиталистического и империалистического мира»¹², «врагов мира»¹³, «темных сил»¹⁴ и т. п., что, в общем-то, и не удивительно ввиду строгого цензурирования всех публикуемых в ЖМП материалов. Очевидно, в этой же связи следует рассматривать и обилие реверансов в сторону Сталина, который именуется

⁸ Якунин В. Н. «Журнал Московской Патриархии»: история возрождения, становления и развития // Проблемы региональной журналистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тольятти, 2002. С. 37–44; Родченко В. А. Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 142–148; Ерескин М. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 89–90; Калашиник В. В. «Журнал Московской Патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–63; Эйриян В. А. Журнал Московской Патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. 2021. № 4. С. 108–127 и др.

⁹ Обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1949. № 5. С. 12.

¹⁰ Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира // ЖМП. 1949. № 10. С. 20.

¹¹ Румынская Православная Церковь и защита мира // ЖМП. 1950. № 4. С. 38; Резолюция Конференции духовенства // ЖМП. 1950. № 8. С. 19.

¹² Обращение Патриаршего Экзарха в Чехословакии Митрополита Елевферия // ЖМП. 1949. № 5. С. 25.

¹³ Отстоим дело мира! // ЖМП. 1951. № 12. С. 15.

¹⁴ Обращение Конференции к Церквам, религиозным объединениям, духовенству и верующим // ЖМП. 1952. № 5. С. 22.

как «знаменосец борьбы за мир»¹⁵, «знаменосец мира во всем мире»¹⁶ и т. п. ЖМП, будучи единственным официальным изданием Московской патриархии, при этом цензурируемый СДРПЦ и Главным управлением по охране государственных тайн и печати при Совете народных комиссаров СССР (далее — Главлит)¹⁷, был призван формировать общественное мнение как духовенства, так и мирян (даже с учетом того, что журнал издавался с пометкой «для служебного пользования», очевидно, через посредничество духовенства, мирянам он был знаком) и в условиях нараставшего конфликта с капиталистическими странами становился одним из каналов государственной пропаганды¹⁸. Однако вернемся к анализируемому документу.

В своем обращении патриарх Алексей подчеркнул, что стремление к миру присуще любому человеку, «любящему свое Отечество и желающему ему процветания», и под угрозой войны любой человек готов встать на защиту своей Родины и подобный посыл может только приветствоваться. Однако внешний мир, мир между людьми, возможен только при наличии внутреннего мира, который является «особым даром Божиим». Далее патриарх Алексей приводит цитату из Евангелия от Иоанна: «мир оставляю вам, мир Мой даю вам»¹⁹ (Ин. 14:27), — которая в дальнейшем будет часто встречаться в материалах рубрики «В защиту мира» и станет чуть ли не программной для нее. В условиях разгоравшейся холодной войны эти слова действительно имели скрытый смысл для всех ее участников: мало добиться заключения мирных договоров (внешнего мира), более важно достичь баланса между собственными интересами во внешней политике и теми уступками, на которые готов пойти оппонент (внутренний мир). Мир же евангельской цитаты в данном случае следует понимать не как «все сущее», а как «отсутствие войны».

Обращение патриарха Алексея стало первым официальным материалом, опубликованным в рубрике «В защиту мира». В дальнейшем в этой рубрике публиковались основные постановления, декларации и воззвания ВСМ и СКМ и постановления и обращения патриарха Алексея, митрополита Николая и Священного синода. Очевидно, что публиковались далеко не все официальные документы, а лишь их небольшая часть, которая и должна была сформировать у читателей как образ СССР на международной арене, так и роль РПЦ во внешней политике советского государства. Скажем сразу, что материалы, хоть как-то порочащие внешнюю политику СССР — «миролюбивую сталинскую внешнюю

¹⁵ От Второй Всесоюзной конференции сторонников мира товарищу И. В. Сталину // ЖМП. 1950. № 11. С. 5.

¹⁶ От Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР // ЖМП. 1952. № 5. С. 18.

¹⁷ *Василицын А. Г.* «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви в БССР послевоенного периода // Актуальные проблемы источниковедения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты (Минск-Витебск, 9–11 октября 2013 г.). Витебск, 2013. С. 298.

¹⁸ *Чумаченко Т. А.* Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953 гг.). С. 95.

¹⁹ Обращение Святейшего Патриарха Алексея. С. 12.

политику СССР»²⁰, в терминологии рубрики «В защиту мира», — в журнале не публиковались в принципе.

подавляющее большинство опубликованных материалов этой группы было посвящено следующим основным вопросам: капиталистические страны как сторонники новой войны; война в Корее; судьбы послевоенных Германии и Японии. Как кажется, наиболее важным из этих вопросов является первый, представляющий «образ врага». Наиболее характерными являются следующие характеристики капиталистических стран и их деятельности: «агрессивные капиталисты и империалисты», «разжигатели новой войны» (которые, кстати говоря, противопоставляются «демократической части человечества» и «глашатаям истинного духа Христова», под которыми подразумеваются СССР и РПЦ)²¹; призывают к новому крестовому походу против СССР²²; «поджигатели холодной войны»²³; «палачи мира», создавшие НАТО и ядерное оружие²⁴; «богачи Англии и США» (явная отсылка к классовой борьбе, очень характерная для советской пропаганды)²⁵; досталось и Ватикану, который «поддерживает империалистов»²⁶; «движение темных сил»²⁷ и т. д.

Подчеркнем, что в анализируемую группу материалов нами были отобраны только публиковавшиеся официальные документы — постановления, декларации и воззвания ВСМ и СКМ, а также постановления и обращения патриарха Алексия, митрополита Николая и Священного синода. Никаких публицистических материалов (они будут рассмотрены ниже), для которых подобная риторика была бы вполне ожидаемой, здесь нет. Разумеется, это говорит о тщательном отборе материалов для рубрики «В защиту мира», осуществляемом, очевидно, представителями СДРПЦ и Главлита, в ведении которого находились вопросы цензуры всей печатной продукции в стране²⁸.

Несколько слов скажем теперь и о двух других вопросах: войне в Корее и судьбах послевоенных Германии и Японии, — также волновавших издателей (и цензоров) ЖМП. Первый материал, затрагивающий войну в Корее, был опубликован в № 11 за 1950 г. Им стало обращение Второй Всесоюзной конференции сторонников мира к Сталину — «нашему отцу и учителю, знаменосцу борьбы за мир и счастье всего передового человечества», — в котором

²⁰ Резолюция общегородского митинга трудящихся // ЖМП. 1952. № 4. С. 25.

²¹ Обращение Патриаршего Экзарха в Чехословакии Митрополита Елевферия. С. 25.

²² Обращение ко всем христианам в защиту мира // ЖМП. 1949. № 5. С. 26.

²³ Постановления Всемирного Конгресса сторонников мира // ЖМП. 1949. № 5. С. 28.

²⁴ 2 октября — Международный день борьбы за мир // ЖМП. 1949. № 10. С. 19.

²⁵ Румынская Православная Церковь и защита мира. С. 37.

²⁶ Резолюция Конференции духовенства. С. 20.

²⁷ Обращение Конференции к Церквам, религиозным объединениям, духовенству и верующим. С. 22.

²⁸ Родченко В. А. Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания. С. 144; Василицын А. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви в БССР послевоенного периода. С. 298.

основной идеей выступает противопоставление «могучего и миролюбивого советского народа» и «американско-английских империалистов, перешедших от холодной войны к прямой агрессии»²⁹. В сущности, кардинально нового, в сравнении с вышецитированными характеристиками капиталистических стран и их деятельности, здесь ничего нет. Однако наше внимание привлекла следующая цитата из обращения: «мир разделился на два лагеря — лагерь жизни и лагерь смерти, лагерь счастья и лагерь горя, лагерь правды и лагерь лжи, лагерь мира и лагерь войны»³⁰. К сожалению, автора текста обращения установить не удалось, но кажется, он был хорошо знаком с литературой ранних христиан (произведения конца I – начала II в. н. э. «Пастырь» и «Учение двенадцати апостолов»), где учение о пути жизни и пути смерти является основным и описывается ровно такими же словами.

Другие материалы несколько дополняют подход к описанию войны в Корею. Так, в частности, звучит требование отмены определения Китая как агрессора³¹, а действительным агрессором называется США³²; призывается вывести все иностранные войска с Корейского полуострова, чтобы корейцы сами решили свою дальнейшую судьбу³³; осуждается применение американскими войсками в Корею бактериологического оружия³⁴ и т. д.

Вопрос о судьбах послевоенных Германии и Японии решался иначе: наряду с обвинениями в адрес США и НАТО в связи с «новой милитаризацией» Германии и Японии и подталкиванием их к войне с СССР³⁵, опубликованы материалы, призывающие к пересмотру всей системы международных отношений, а именно: запрету ядерного, химического и биологического оружия; заключению «великими державами» пакта мира; к защите национальной независимости и суверенитета всех стран мира; запрету расовой дискриминации; прекращению гонки вооружений; мирному сосуществованию капиталистического и социалистического лагерей; объединению Германии и ее внеблоковому статусу; выводу оккупационных войск из Японии и т. д.³⁶

Публицистические материалы, публиковавшиеся в рубрике «В защиту мира», были посвящены различным вопросам международных отношений.

²⁹ От Второй Всесоюзной конференции сторонников мира товарищу И. В. Сталину. С. 5.

³⁰ Там же.

³¹ Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира // ЖМП. 1951. № 3. С. 8.

³² Отстоим дело мира! С. 16; Воззвание религиозных деятелей Северной и Южной Кореи // ЖМП. 1953. № 1. С. 18–19.

³³ Обращение Святейшего Патриарха Алексия // ЖМП. 1951. № 4. С. 5.

³⁴ Резолюция общегородского митинга трудящихся. С. 24.

³⁵ Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира. С. 9; От Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР. С. 18; Обращение Всемирного Совета Мира // ЖМП. 1952. № 7. С. 9–10.

³⁶ Наказ советским делегатам на Конгресс народов в защиту мира // ЖМП. 1952. № 12. С. 15–16; Воззвание Конгресса народов в защиту мира // ЖМП. 1953. № 1. С. 15–17; Декларации Всемирного Совета Мира об открытии всемирной кампании в пользу переговоров // ЖМП. 1953. № 7. С. 10–12.

Однако особое внимание в рассматриваемые годы уделялось следующим темам: мир как богословская категория и роль РПЦ в международном движении сторонников мира. На анализе материалов, освещающих эти темы, мы и остановимся.

Тема «Мир как богословская категория» представлена в трех материалах: «Да будет мир» С. Плотицына³⁷, «Св. ап. Павел, как благовестник любви и мира» священника Н. Никольского³⁸ и «Мир по святоотеческим воззрениям» А. Андреева³⁹. Авторы указанных статей концентрируют свое изложение вокруг категории «мир» в богословии Иоанна Златоуста, апостола Павла и Григория Богослова соответственно и выстраивают его по схожему принципу: сначала — изложение внешнеполитической повестки в представлении автора, затем — богословская составляющая, в конце — общий вывод об использовании богословских концепций в современных внешнеполитических реалиях.

В изложении внешнеполитической повестки авторы солидарны: мир является естественным состоянием человека, заповеданным Богом («эта заповедь Христова и должна быть руководящим принципом в жизни христианина. <...> Люди должны проповедовать мир, взаимообщение и взаимодействие»⁴⁰, «в своем содействии делу мира они [христиане] следуют Христову Евангелию»⁴¹, «[святые отцы] призывали верующего человека к миру с Богом, с самим собой, с своей совестью»⁴², война же противоестественна для человеческой природы («война же — величайший бич человека»⁴³, «война — одно из отвратительнейших явлений человеческого общежития»⁴⁴) и вызывается дьявольскими искушениями («дьявол не только сам с собой в раздоре, но то же производит и в других, как человекоубийца искони и ненавистник добра»⁴⁵). Но война может быть и справедливой («только та война имеет нравственный характер, которая вызывается необходимостью самозащиты или долга по отношению к жертвам агрессии»⁴⁶), такая война ведется против «поджигателей войны» («дело защиты мира вылилось в борьбу против поджигателей войны»⁴⁷). Назван даже главный виновник разжигания новой войны — подстрекаемый дьяволом эгоцентричный американский империализм («американский империализм чудовищно эгоцентричен. <...> Что-то сатанинское лежит в самой основе всех его устремлений»⁴⁸).

³⁷ Плотицын С. Да будет мир // ЖМП. 1951. № 4. С. 14–16.

³⁸ Никольский Н., священник. Св. ап. Павел, как благовестник любви и мира // ЖМП. 1951. № 5. С. 15–19.

³⁹ Андреев А. Мир по святоотеческим воззрениям // ЖМП. 1952. № 10. С. 14–17.

⁴⁰ Плотицын С. Указ. соч. С. 14.

⁴¹ Никольский Н., священник. Указ. соч. С. 15.

⁴² Андреев А. Указ. соч. С. 14.

⁴³ Плотицын С. Указ. соч. С. 14.

⁴⁴ Никольский Н., священник. Указ. соч. С. 15.

⁴⁵ Андреев А. Указ. соч. С. 16.

⁴⁶ Плотицын С. Указ. соч. С. 14.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 16.

И для борьбы с ним авторы предлагают обратиться к богословскому пониманию категории «мир».

По существу, для Плотицына все богословское понимание Иоанном Златоустом категории «мир» выражается в трех основных цитатах: «охрана мира — Крест Христа», «мир находится там, где любовь», «мир — мать всех благ и основание радости»⁴⁹. На комментариях этих цитат он и строит все дальнейшее изложение: только христиане, носители Креста Христова, могут воплотить замысел Христа по установлению вечного мира на Земле, для чего должны вспомнить, что главной заповедью Иисуса было «возлюби ближнего своего», т. е. только братская любовь между народами принесет на Землю мир, а он за собой и все остальные блага, как материальные, так и нематериальные. Для Никольского в богословии апостола Павла также важнейшим шагом к миру на Земле является любовь: «христианская любовь есть основа мира среди людей, и для упрочения этого мира необходимо воспитывать в людях любовь»⁵⁰, — как и для Андреева в богословии Григория Богослова: «в основе мира лежит величайший закон жизни — закон любви»⁵¹.

Именно этот закон любви и подводит каждого из трех авторов к выводу: в современных внешнеполитических реалиях, когда мир стоит на пороге новой войны, все носящие имя христиан должны вспомнить о своей конфессиональной принадлежности, возлюбить ближнего своего и именно христианская любовь станет первым шагом к установлению вечного мира на Земле. Таким образом, именно христиане всего мира должны стать миротворцами, которые смогут предотвратить возможный общемировой конфликт. Плотицын завершает свою статью цитатой из Евангелия от Матфея: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5:9). И главными миротворцами, разумеется, являются все последователи Христа, которые под угрозой общемирового конфликта должны сплотиться вокруг богословского понимания категории «мир».

Второй теме «Роль РПЦ в международном движении сторонников мира» посвящено существенно больше материалов: «Православие и борьба за мир» А. Шишкина⁵², «Силы мира» А. Буевского⁵³, «Испытание верности» и «Русская церковь и мир» А. Ведерникова⁵⁴, «За мир» М. Хелидзе⁵⁵ и «Православная церковь и мир» Н. Доктусова⁵⁶. Кратко остановимся на каждой из статей.

В своей статье Шишкин главным образом говорит о том, что РПЦ является «хранительницей во всей чистоте и полноте Христова учения». Это влечет

⁴⁹ Плотицын С. Указ. соч. С. 15.

⁵⁰ Никольский Н., *свящ.* Указ. соч. С. 18.

⁵¹ Андреев А. Указ. соч. С. 15.

⁵² Шишкин А. Православие и борьба за мир // ЖМП. 1950. № 12. С. 29–35.

⁵³ Буевский А. Силы мира // ЖМП. 1951. № 8. С. 29–31.

⁵⁴ Ведерников А. Испытание верности // ЖМП. 1951. № 2. С. 11–14; *Его же.* Русская церковь и мир // ЖМП. 1952. № 9. С. 33–36.

⁵⁵ Хелидзе М. За мир // ЖМП. 1951. № 4. С. 12–13.

⁵⁶ Доктусов Н. Православная церковь и мир // ЖМП. 1951. № 1. С. 8–10.

за собой то, что РПЦ возлагает на себя ответственность «за действенное служение делу мира, за внедрение его в область отношений между людьми», а служение миру основывается на Божьих заповедях, главной из которых является любовь к Богу и ближнему⁵⁷. Таким образом, Шишкин, подобно цитируемым выше авторам, установление вечного мира на Земле видит как прямое следствие воплощения в жизнь практики христианской любви. По его словам, это понимают в РПЦ, однако этого недостаточно. Церковь должна нести слово Божие в массы, проповедовать идею христианской любви. И только «христианизированные» массы людей путем молитв к Спасителю («я призываю всех верных чад ее [РПЦ] усугубить молитвы свои к Спасителю мира о даровании мира всему миру») и самоотверженной работы на благо Родины («путем самоотверженной работы каждого в своей области труда во благо Родины») смогут в конечном итоге добиться сохранения «мира между всеми народами мира»⁵⁸. Таким образом, акцент в статье Шишкина сделан на том, что РПЦ должна стать в какой-то степени просветителем народных масс, помочь им уверовать как в Христа, так и в богословское понимание категории «мир» и именно это может привести к установлению вечного мира на Земле:

В статье Буевского основной акцент также сделан на том, что в поддержке миротворческого движения РПЦ видит основной завет Христа: «она [РПЦ] в борьбе за мир видела и видит прежде всего осуществление одного из основных заветов своего Божественного Основателя». Однако в отличие от Шишкина Буевский, говоря о роли РПЦ в международном движении сторонников мира, не упоминает ни о просвещении народных масс, ни о самоотверженной работе на благо Родины, но лишь о молитвенном служении: «Церковь от всей души присоединяет свой голос к этой демонстрации воли к миру и молится об успехе настоящего нашего начинания». И именно молитва призвана сокрушить противников мира и все их вооружение, что в итоге и приведет к вечному миру на Земле. Человеческий язык «найдет новые формулы, он облечет в новые слова волю человечества и благотворную идею, перед которой, в конце концов, окажутся бессильными все атомные бомбы, все сверхскоростные самолеты и сверхмощные дредноуты, все чумные бактерии и отравляющие газы»⁵⁹.

Ведерников в своих статьях видит роль РПЦ в международном движении сторонников мира в первую очередь в том, чтобы «содействовать объединению усилий автокефальных Православных Церквей в защиту всеобщего мира»⁶⁰. Автору анализируемых статей это представляется важным, поскольку «всемирное движение сторонников мира до сих пор является камнем преткновения. Считая это движение созданием и проводником якобы агрессивной политики Советского Союза, они [зарубежные христиане] говорят о ее давлении

⁵⁷ Шишкин А. Указ. соч. С. 30.

⁵⁸ Там же. С. 35.

⁵⁹ Буевский А. Указ. соч. С. 30–31.

⁶⁰ Ведерников А. Испытание верности. С. 12.

на Русскую Православную Церковь, и деятельность последней в защиту мира готовы рассматривать чуть ли не в качестве коммунистической пропаганды»⁶¹. Однако Ведерников заявляет, что РПЦ поддерживает всемирное движение сторонников мира не потому, что на нее оказывается давление со стороны советских властей, а потому что «каждый христианин знает, что христианство есть религия любви и мира»⁶². Так, Ведерникову основная роль РПЦ в международном движении сторонников мира тоже видится в просвещении, только не народных масс, как у Шишкина, а «автокефальных Православных Церквей».

Хелидзе в своей статье подробно останавливается на причинах войн, среди которых называет «стремление к мировому господству, к захвату рынков и колоний, к наживе, к эксплуатации человека и целых народов», однако «корнем всех зол и причиной всех несчастий человечества» видит грех, с которым и призвана бороться РПЦ. Но кроме церковного благословения на борьбу с грехом, даваемого людям доброй воли, под которыми подразумевается международное движение сторонников мира, о роли РПЦ в этом движении не говорится больше ничего⁶³.

И, наконец, в статье Доктусова внимание читателей акцентируется, как и в статье Шишкина, на церковной проповеди о мире («Православная Церковь, призывая мир к миру, исходит в этой проповеди мира из глубочайших основ своего вероучения») и, как в статье Буевского, на молитвенном служении («Православная Церковь устами молящихся ежедневно в храмах возносит молитвы к Богу о мире»)⁶⁴.

Для журнала религиозной организации рассмотрение подобных вопросов («Мир как богословская категория» и «Роль РПЦ в международном движении сторонников мира») в публицистических материалах видится вполне ожидаемым и полностью оправданным с учетом событий анализируемого периода — началом холодной войны и войны в Корее. Однако даже такая, казалось бы, исключительно религиозная тема («Мир как богословская категория») оказалась затронута элементами советской политической повестки: миру как одной из конечных целей христианского вероучения противопоставлялся подстрекаемый дьяволом эгоцентричный американский империализм, «сторонник новой войны». Разумеется, это являлось следствием цензурирования материалов журнала представителями СДРПЦ и Главлита, а также стремлением использовать ЖМП как один из каналов государственной пропаганды. Тематика же рассмотрения второго вопроса («Роль РПЦ в международном движении сторонников мира») разнится у процитированных выше авторов от указания на просветительскую функцию РПЦ на международной арене до исключительно молитвенного служения, что видится как вполне объективная оценка

⁶¹ Ведерников А. Русская церковь и мир. С. 33.

⁶² Там же.

⁶³ Хелидзе М. Указ. соч. С. 12.

⁶⁴ Доктусов Н. Указ. соч. С. 8–9.

этими авторами состояния РПЦ в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда церковь не была способна без поддержки со стороны советского государства реально участвовать в международных отношениях и выступала, скорее, «младшим партнером» советских властей, что полностью соответствовало новому курсу советского правительства в отношении РПЦ⁶⁵, о котором говорилось выше.

Третья группа материалов, опубликованных в рубрике «В защиту мира», представляет собой информационно-аналитические статьи, к которым отнесены обобщающие материалы по проведению мероприятий в рамках работы ВСМ. В рассматриваемые годы подобные материалы были посвящены следующим мероприятиям: Всемирный конгресс сторонников мира (20–25 апреля 1949 г.), Второй Всемирный конгресс сторонников мира (16–22 ноября 1950 г.), Венский конгресс народов в защиту мира (12–19 декабря 1952 г.). Все эти материалы были написаны митрополитом Николаем (Ярушевичем), присутствовавшим на упомянутых мероприятиях в качестве делегата от РПЦ. На каждом из представленных мероприятий остановимся по отдельности и проанализируем посвященные им материалы.

Очерк митрополита Николая о его поездке в Париж на Всемирный конгресс сторонников мира⁶⁶ был опубликован в рубрике «В защиту мира» уже в № 5 за 1949 г. В начале очерка он пишет о том, что в последние годы Московская патриархия «с тревогой наблюдала... за все усиливающейся... кампанией развязывания третьей мировой войны». Церковь, «плоть от плоти русского народа», по словам автора очерка, «ненавидит самую мысль о войне» и, когда раздался призыв о созыве Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, сразу высказалась в его поддержку. Отмечается, что 8 апреля 1949 г. патриарх Алексей и Священный синод вынесли постановление о делегировании в Париж для участия в конгрессе представителей РПЦ — митрополита Николая (Ярушевича) и протопресвитера Николая Колчицкого. Вместе с тем последнему так и не удалось получить визу для въезда во Францию⁶⁷. Примечательно, что опущен эпизод с обращением патриарха Алексея в СДРПЦ за разрешением на участие в конгрессе и, таким образом, вся инициатива в подготовке делегации РПЦ передана в руки представителей церкви. Очевидно, так сделано с целью демонстрации читателям свободы деятельности РПЦ в советском государстве, что, разумеется, было не так, однако в целях государственной пропаганды о советских органах контроля над РПЦ говорить не следовало.

Далее представлена информация о получении напутственных телеграмм, адресованных лично митрополиту Николаю, от высшего духовенства РПЦ

⁶⁵ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Указ. соч. С. 82–93; Ксандопуло А. В. «Новый курс» 1943–1953 гг. в отношениях между государством и церковью на примере Тульской епархии // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. № 5. С. 151–174; Роккуччи А. Указ. соч. С. 12–13.

⁶⁶ Николай [Ярушевич], митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира // ЖМП. 1949. № 5. С. 17–24.

⁶⁷ Там же. С. 17.

и других автокефальных церквей: архиепископа Горьковского Корнилия (Попова), архиепископа Новосибирского Варфоломея (Городцова), епископа Бийского Никандра (Вольяникова), настоятеля Антиохийского подворья в Москве архимандрита Василия (Сомаха), Католикоса-Патриарха всея Грузии Каллистрата (Цинцадзе). В телеграммах приветствовалось решение РПЦ отправить на конгресс своих представителей, даровалось пастырское благословение митрополиту Николаю и отмечалось, что голос РПЦ, «испытавшей горечь войны» (имеется в виду Великая Отечественная война), в поддержку мира не мог не возвыситься в текущей обстановке международной напряженности⁶⁸. Вынужденный отправиться на конгресс в качестве единственного представителя РПЦ, митрополит Николай (Ярушевич) не мог не указать на поддержку миротворческой инициативы Московской патриархии и со стороны высшего духовенства РПЦ, вновь рисуя участие церкви в международном движении сторонников мира сугубо как церковную инициативу (без пристального надзора со стороны СДРПЦ), что в условиях нового курса, конечно, ориентированного на использование «церковной дипломатии» в государственных целях, но под чутким контролем советских органов⁶⁹, также было далеко от правды.

В Париж митрополит Николай прибыл 18 апреля, а через два дня состоялось открытие конгресса. В очерке он отмечал, что иностранные члены конгресса приняли единственного представителя РПЦ тепло и приветливо, совсем не как лицо духовного звания, а, скорее, как члена делегации СССР, а не РПЦ; когда в разговоре упоминались слова типа «Сталинград», «Советская армия» или «имя нашего Великого Вождя», раздавались бурные аплодисменты. Самому митрополиту Николаю как советскому гражданину такое «любовное» отношение к СССР, разумеется, было весьма приятно⁷⁰. Да и читателям ЖМП нужно было представить информацию об отношении к СССР зарубежных сторонников мира; и было бы лучше, чтобы автор очерка был изображен не как посланник церкви, а как советский гражданин, — это больше подходило советской политической повестке (по-прежнему остававшейся атеистической и антицерковной) и новому курсу в отношении к РПЦ. В этой же связи следует рассматривать информацию о том, что особого внимания иностранных участников конгресса удостоились публичные выступления советских делегатов: А. А. Фадеева, И. Г. Эренбурга, В. П. Волгина, Л. Т. Космодемьянской, А. П. Маресьева и других. Однако митрополит Николай выступает в его собственном рассказе о конгрессе не только как советский гражданин, но и как русский митрополит (однако «советскому гражданину» места уделено, конечно, существенно больше). При этом автор очерка не преминул указать, что русскому митрополиту (а не только советскому гражданину) Николаю (Ярушевичу) также были оказаны большие почести

⁶⁸ Николай [Ярушевич], митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира // ЖМП. 1949. № 5. С. 17–18.

⁶⁹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Указ. соч. С. 110–121.

⁷⁰ Николай [Ярушевич], митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира. С. 20.

на конгрессе, главной из которых стало его избрание в состав постоянного комитета ВСМ⁷¹. Примечательно, что данному очерку свойственна некоторая неопределенность в положении самого автора: является ли он делегатом только от РПЦ (как было на самом деле) или еще членом советской делегации? Очевидно, и сам Николай (Ярушевич) не очень понимал, представляет ли он только Московскую патриархию или СССР тоже. Из-за этого и двойственность в самопрезентации: то в угоду цензурным требованиям СДРПЦ как советский гражданин, то как русский митрополит.

В очерке ни слова не говорится о заседаниях конгресса, прениях, представителях других стран (кроме Фредерика Жолио-Кюри) и т. п. Сделан лишь общий вывод о работе конгресса и его участниках: «с Конгресса я привез твердое убеждение в том, что его состав, его работа являются событием огромнейшего международного значения. Конгресс прошел с небывалым подъемом, единодушием и успехом. Несомненно, он будет содействовать миру во всем мире»⁷². Этот вывод митрополита Николая о Всемирном конгрессе сторонников мира хорошо перекликается с эпиграфом его очерка: «Мир! Что может быть вожделеннее?! Мир длительный и прочный. Как человечен смысл этого слова! Здесь и пафос созидательного труда, и радость материнства, и земное благополучие каждого из нас»⁷³. Непреложность этих слов и должен был донести анализируемый очерк; подробная информация о работе конгресса в данном случае выглядела бы избыточной. Кроме того, важен был сам автор очерка — митрополит Николай (Ярушевич), — безусловно, привлекавший внимание на конгрессе со стороны различных иностранных делегаций, преимущественно как советский гражданин, а не русский митрополит (разумеется, в нуждах государственной пропаганды).

В № 12 за 1950 г. был опубликован очерк митрополита Николая о Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, проходившем в Варшаве, куда была перенесена его работа из английского Шеффилда ввиду отказа английских властей в выдаче виз советской делегации⁷⁴.

С предыдущего конгресса прошло полтора года, и в этой связи первая часть очерков посвящена деятельности Николая (Ярушевича) в период между двумя конгрессами: рассказывается о его участии во Всесоюзной конференции сторонников мира (август 1949 г.); о двух поездках в Чехословакию по поручению патриарха Алексия (февраль и июль 1950 г.); о встречах с прибывшими в Москву делегатами ВСМ (март 1950 г.) и т. д. Результатом названных мероприятий, прошедших с участием митрополита Николая, стало «нарастание движения за мир во всех странах света», отразившееся в принятии Стокгольмского воззвания о запрете ядерного оружия и проведении Пражской сессии ВСМ, на которой было принято постановление о запрете военной пропаганды и сокращении всех видов

⁷¹ Николай [Ярушевич], митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира. С. 24.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С. 17.

⁷⁴ Николай [Ярушевич], митр. О Втором Всемирном конгрессе // ЖМП. 1950. № 12. С. 17–28.

вооружения⁷⁵. Таким образом, подчеркивается как деятельность самого Николая (Ярушевича) и Московской патриархии, направленная на сохранение мира во всем мире, так и непрерывность работы ВСМ, не ограничивающаяся лишь двумя конгрессами — прошедшим и планирующимся.

12 ноября 1950 г. советская делегация отправилась на поезде из Москвы в Варшаву, среди советских делегатов был и Николай (Ярушевич) (этот факт также весьма примечателен, так как на конгресс 1949 г. в Париж митрополит Николай ехал отдельно от советской делегации, хотя и на Второй конгресс в состав этой делегации формально не входил). Характерно, что в отличие от очерка, посвященного конгрессу 1949 г., в очерке 1950 г. митрополит Николай ни слова не говорит о том, что является представителем РПЦ, тем не менее себя он неоднократно называет членом советской делегации («...советская делегация, в числе ее и я ...»⁷⁶). Двойственность самопрезентации в очерке 1949 г. — «русский митрополит» и «советский гражданин» — в этих очерках исчезает полностью. Вероятно, победа «советского гражданина» над «русским митрополитом» в описании себя как участника Второго конгресса сторонников мира является следствием цензурирования СДРПЦ и Главлита публикуемых в ЖМП материалов. Опять-таки положительное мнение о Николае (Ярушевиче) и дружеский настрой иностранных делегатов к нему в угоду государственной атеистической пропаганде лучше было выставить как отношение к советскому гражданину, а не к русскому митрополиту.

Подробно митрополит Николай описывает встречу советской делегации в Польше: толпы людей с цветами и флагами, аплодисменты, скандирование слова «Мир!», факельное шествие в Варшаве и т. д. Много внимания уделено описанию послевоенной, не в полной мере восстановленной Варшавы⁷⁷. Однако работе самого конгресса в этом очерке, как и в очерке 1949 г., уделено минимум внимания. Примечательно, что его автор и не ставил перед собой такую задачу, так как, по мнению митрополита Николая, «о ходе работ конгресса и о выступлениях на конгрессе известно из нашей [советской] прессы»⁷⁸. Вероятно, опасаясь цензуры СДРПЦ и Главлита, митрополит Николай решил вообще опустить описание работы конгресса и остановиться на более нейтральных сюжетах. В основном он пишет о масштабах проведенного мероприятия, тысячах людей, принявших в нем участие, о внимании к собственной персоне («с меня, в часы заседаний, было написано до 40 портретов»⁷⁹) и другим членам советской делегации («книги наших писателей — Эренбурга, Полевого, Корнейчука, Симонова и других — продавались не только на русском языке, но и на всех европейских языках»⁸⁰), а также описанию личных встреч с англиканским священником

⁷⁵ Николай [Ярушевич], митр. О Втором Всемирном конгрессе // ЖМП. 1950. № 12. С. 17–28..

⁷⁶ Там же. С. 19.

⁷⁷ Там же. С. 19–20.

⁷⁸ Там же. С. 24.

⁷⁹ Там же. С. 22.

⁸⁰ Там же. С. 23.

Хьюлеттом Джонсоном, чехословацким министром здравоохранения Йосефом Плойгаром, мексиканским марксистом Ломбардо Толедано и другими⁸¹.

В № 2 за 1953 г. был опубликован очерк митрополита Николая, посвященный Венскому конгрессу народов в защиту мира⁸². Этот очерк минимально отличается от двух предыдущих. Начинается он сразу с прибытия советской делегации в Вену, описания большого концертного зала («Концертхауз»), где проходил конгресс, и многочисленных представителей иностранных делегаций. Особо отмечено количество «служителей культа различных вероисповеданий», принявших участие в работе конгресса. Автокефальные православные церкви представляли четыре делегата: от РПЦ — сам митрополит Николай, от Болгарской православной церкви — митрополит Пловдивский Кирилл (Константинов), от Румынской православной церкви — епископ Валериан (Триф) с неназванным по имени протоиереем⁸³.

Характерно, что в этом очерке Николай (Ярушевич) вновь называет себя представителем РПЦ, а не членом советской делегации. При этом отмечается интерес к его фигуре со стороны иностранных делегатов: «они просили дать на память автограф», «внимание к Русской Православной Церкви в моем скромном лице было выражено еще более ярко, чем на прежних Конгрессах», «на глазах многих делегатов подошел ко мне индийский делегат. <...> В другой раз ко мне подошел кореец»⁸⁴ и т. д. Отметим, что очерк в целом в гораздо большей степени, чем два предыдущих, сконцентрирован на личности Николая (Ярушевича) и его деятельности на конгрессе, чем на описании работы самого конгресса: говорится о выступлении митрополита на Венском радио, о посещении им православной Свято-Николаевской церкви в Вене, о встречах с английскими священнослужителями и т. п.⁸⁵

Достаточно подробно описаны два последних дня работы конгресса — 18–19 декабря, — но даже в этом случае акцент сделан на выступлениях священнослужителей, в частности англиканского священника Хьюлетта Джонсона, с которым митрополит Николай познакомился еще в 1949 г. Для более подробного знакомства с работой конгресса автор очерка отсылает читателя к советской прессе: «...были приняты исторические решения, известные нашим читателям из [советских] газет». Очевидно, опасаясь цензуры СДРПЦ и Главлита, Николай (Ярушевич) в своем очерке избегает описания работы самого конгресса, ограничиваясь лишь общим выводом: «Трудно переоценить все значение Конгресса народов. Он явился новым величайшим вкладом в борьбу народов против угрозы войны, ознаменовал дальнейший подъем движения поборников мира. К этому могучему движению примкнули миллионы новых борцов»⁸⁶.

⁸¹ Николай [Ярушевич], митр. О Втором Всемирном конгрессе. С. 23–24.

⁸² Николай [Ярушевич], митр. На Венском Конгрессе народов в защиту мира // ЖМП. 1953. № 2. С. 16–25.

⁸³ Там же. С. 20.

⁸⁴ Там же. С. 19, 21–22.

⁸⁵ Там же. С. 23.

⁸⁶ Там же. С. 16–25.

Заключение. В рубрике «В защиту мира» «Журнала Московской Патриархии» в 1949–1953 гг. публиковались материалы официального, публицистического и информационно-аналитического содержания. В основном в официальных материалах рубрики освещались вопросы, касающиеся следующих тем: капиталистические страны как сторонники новой войны; война в Корее; судьбы послевоенных Германии и Японии. Публикуемые материалы были направлены на формирование образа врага и противопоставление миролюбивой политики СССР агрессивной политике США и НАТО. Характерно, что публиковались далеко не все официальные материалы (особенно это касалось деятельности ВСМ), что, с одной стороны, свидетельствует о внимательной работе цензоров из СДРПЦ и Главлита и о тщательном отборе материалов ведущим рубрики митрополитом Николаем (Ярушевичем), с другой — о желании использовать «Журнал Московской Патриархии» в качестве канала государственной пропаганды, участвующего в формировании общественного мнения.

В группе публицистических материалов из рубрики «В защиту мира» особое внимание уделялось двум темам: «Мир как богословская категория» и «Роль РПЦ в международном движении сторонников мира». Освещение первой темы включало в себя комментарии творений Иоанна Златоуста, апостола Павла и Григория Богослова, что для журнала религиозной организации, является вполне ожидаемым и полностью оправданным с учетом событий рассматриваемого периода — началом холодной войны и войны в Корее. Однако даже такая, казалось бы, исключительно религиозная тема оказалась затронута элементами советской политической повестки: миру как одной из конечных целей христианского вероучения противопоставлялся подстрекаемый дьяволом эгоцентричный американский империализм, «сторонник новой войны». Разумеется, это являлось следствием цензурирования материалов журнала представителями СДРПЦ и Главлита и стремлением использовать ЖМП с пропагандистскими целями.

Материалы же по второй теме различаются по своему характеру: от указания на просветительскую функцию РПЦ на международной арене до исключительно молитвенного служения, что вполне объяснимо положением РПЦ в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда церковь не была способна без поддержки со стороны советского государства реально участвовать в международных отношениях.

Информационно-аналитические материалы представлены очерками митрополита Николая (Ярушевича), посвященными описанию его поездок на международные форумы движения сторонников мира, их общей характеристике, а также месту СССР и РПЦ в обозначенных событиях. Много внимания в этих очерках уделено личным встречам митрополита Николая, его публичным выступлениям, описаниям иностранных делегаций и т. п. Очевидно, что автор очерков был вынужден ограничиваться этими вопросами, дабы избежать правок со стороны цензоров из СДРПЦ и Главлита. В целом же очерки преследовали, видимо, четкую цель — показать мировой масштаб движения сторонников мира и роль СССР

в нем, ценность идеи мира во всем мире для мировой и советской общественности, а также по возможности не акцентировать внимания на роли РПЦ или минимизировать ее вклад в международное движение сторонников мира в угоду государственной атеистической пропаганде. Именно с этим связана самопрезентация митрополита Николая (Ярушевича) как преимущественно советского гражданина, а не русского митрополита.

Литература

1. Беглов А. Л. Международная деятельность Русской православной церкви в период «нового курса» в государственно-церковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 104–129. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129>
2. Болотов С. В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е – 1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 315 с.
3. Василицын А. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви в БССР послевоенного периода // *Актуальные проблемы источниковедения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты (Минск – Витебск, 9–11 октября 2013 г.)*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. С. 298–301.
4. Волокитина Т. В. Советское государство, Русская Православная Церковь и экуменическое движение (40–50-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958: дискуссионные аспекты: сб. статей*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. С. 241–249.
5. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.
6. Ерескин М. Г. «Журнал Московской Патриархии» как источник по истории Русской православной церкви // *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 89–90.
7. Калашник В. В. «Журнал Московской Патриархии» как источник изучения публицистической деятельности православного духовенства в 1946–1953 годах // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Серия 3: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 49–63.
8. Костромин К., прот. Отношение Русской Православной Церкви к социализму в советскую эпоху (по материалам «Журнала Московской Патриархии») // *Христианское чтение*. 2023. № 1. С. 394–406. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_1_394
9. Ксандопуло А. В. «Новый курс» 1943–1953 гг. в отношениях между государством и церковью на примере Тульской епархии // *Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института*. 2012. № 5. С. 151–174.
10. Мячин С. В. Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х гг. XX века // *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2022. Вып. 3 (24). С. 91–102.
11. Пивоваров Н. Ю., Тихонов В. В., Шок Н. П. Миротворческое движение СССР в конце 1940-х – начале 1960-х годов: христианские конфессии и этика международного

гуманистического диалога // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 55–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7>

12. Родченко В. А. Типологические особенности «Журнала Московской Патриархии» как официального общецерковного издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 142–148.

13. Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть. 1917–1958 / пер. с итал. О. Р. Щелоковой. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.

14. Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (1990-е – 2000-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 255 с.

15. Тулянов В. А. Миротворческая деятельность РПЦ как средство альтернативной дипломатии РФ в 1990–2000-е гг. (на примере конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии) // Роль международных организаций в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых. М.: Маркетинг, 2019. С. 364–368.

16. Чумаченко Т. А. Московская патриархия во внешней политике советского правительства. Интересы церкви. Интересы власти. 1940-е – первая половина 1960-х гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. статей. Владивосток: ДВФУ, 2015. С. 209–222.

17. Чумаченко Т. А. Русская православная церковь в международном движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949–1953 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1: История. 2008. № 5 (106). С. 93–95.

18. Шкуратова И. В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской Православной церкви: 1945–1961 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 188 с.

19. Эйриян В. А. Журнал Московской Патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. 2021. № 4. С. 108–127.

20. Эйриян В. А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия...»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940–1950-х гг. // Россия XXI. 2022. № 5. С. 60–79.

21. Якунин В. Н. «Журнал Московской Патриархии»: история возрождения, становления и развития // Проблемы региональной журналистики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тольятти, 2–3 октября 2002 г.). Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2002. С. 37–44.

References

1. Beglov A. L. Mezhdunarodnaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v period «novogo kursa» v gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniiakh. Osnovnye etapy i krizisnye iavleniia [International activity of the Russian Orthodox Church during the “new deal” between the state and the church. Periodization and the elements of crisis] // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11. № 4. P. 104–129. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-104-129> (In Russ.).

2. Bolotov S. V. Russkaia pravoslavnaia tserkov' i mezhdunarodnaia politika SSSR v 1930-e – 1950-e gody [The Russian Orthodox Church and the international policy of the USSR in the 1930s – 1950s]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ia, 2011. 315 p. (In Russ.).

3. Vasilitsyn A. G. «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii» kak istochnik po istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v BSSR poslevoennogo perioda [The Journal of the Moscow

Patriarchate as a source on the history of the Russian Orthodox Church in the BSSR in the post-war period] // Aktual'nye problemy istochnikovedeniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 135-letiiu so dnia rozhdeniia V. I. Pichety (Minsk – Vitebsk, 9–11 oktiabria 2013 g.) [Actual problems of source studies: proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of V. I. Picheta's birth (Minsk – Vitebsk, October 9–11, 2013)]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2013. P. 298–301. (In Russ.).

4. Volokitina T. V. Sovetskoe gosudarstvo, Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i ekumenicheskoe dvizhenie (40–50-e gg. XX v.) [The Soviet State, the Russian Orthodox Church, and the Ecumenical movement (the 40s and 50s)] // Vlast' i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy. 1939–1958: diskussionnye aspekty: sbornik statei [The government and the Church in the USSR and the countries of Eastern Europe. 1939–1958: controversial aspects: collection of articles]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2003. P. 241–249. (In Russ.).

5. Volokitina T. V., Murashko G. P., Noskova A. F. Moskva i Vostochnaia Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-kh godov XX veka: ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. Power and the church in the period of social transformations of the 40–50s of the XX century: Essays on history]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 807 p. (In Russ.).

6. Ereskin M. G. «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii» kak istochnik po istorii Russkoi pravoslavnoi tserkvi [“The magazine of the Moscow Patriarchy” as source on the Russian Orthodox Church stories] // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. № 4 (60). P. 89–90. (In Russ.).

7. Kalashnik V. V. «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii» kak istochnik izucheniia publitsisticheskoi deiatel'nosti pravoslavnogo dukhovenstva v 1946–1953 godakh [“Journal of the Moscow Patriarchate” as a source studying the publicist activity of Orthodox clergy in 1946–1953 years] // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences]. 2018. № 2. P. 49–63. (In Russ.).

8. Kostromin K., prot. Otnoshenie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi k sotsializmu v sovetskuiu epokhu (po materialam «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii») [The attitude of the Russian Orthodox Church towards socialism in the Soviet Era (based on the materials of the Journal of the Moscow Patriarchate)] // Christian Reading. 2023. № 1. P. 394–406. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2023_1_394 (In Russ.).

9. Ksandopulo A. V. «Novyi kurs» 1943–1953 gg. v otnosheniakh mezhdu gosudarstvom i tserkov'iu na primere Tul'skoi eparkhii [“New Course” (1943–1953) in relations between the state and the church: the case of Tula Diocese] // Svet Khristov prosveshchaet vseh: al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta [The Light of Christ enlightens Everyone: The almanac of the St. Filaret Orthodox Christian Institute]. 2012. № 5. P. 151–174. (In Russ.).

10. Myachin S. V. Uchastie Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v mezhdunarodnom dvizhenii storonnikov mira v kontse 40-kh gg. XX veka [Participation of the Russian Orthodox Church in the international peace movement in the late 1940s of the 20th century] // Bulletin of the Orenburg Theological Seminary. 2022. Iss. 3 (24). P. 91–102. (In Russ.).

11. Pivovarov N. Yu., Tikhonov V. V., Shok N. P. Mirotvorcheskoe dvizhenie SSSR v kontse 1940-kh – nachale 1960-kh godov: khristianskie konfessii i etika mezhdunarodnogo

gumanisticheskogo dialoga [The peacemaking movement of the USSR in the late 1940s – early 1960s: Christian denominations and the ethics of international humanistic dialogue] // Tomsk State University Journal of History. 2021. № 74. P. 55–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/74/7> (In Russ.).

12. Rodchenko V. A. Tipologicheskie osobennosti «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii» kak ofitsial'nogo obshchetserkovnogo izdaniia [Typological features of the “Journal of the Moscow Patriarchate” as an official general Church publication] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2011. № 2 (9). P. 142–148. (In Russ.).

13. Roccucci A. Stalin i patriarkh: Pravoslavnaia tserkov' i sovetskaia vlast'. 1917–1958 [Stalin and the Patriarch: The Orthodox Church and the Soviet Government. 1917–1958] / translated from Italian by O. R. Shchelokova. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016. 582 p. (In Russ.).

14. Tulyanov V. A. Dukhovno-prosvetitel'skaia i blagotvoritel'naia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1990-e – 2000-e gg.) [Spiritual, educational and charitable activities of the Russian Orthodox Church (1990s – 2000s)]: PhD dissertation. Mytishchi, 2020. 255 p. (In Russ.).

15. Tulyanov V. A. Mirotvorcheskaia deiatel'nost' RPTs kak sredstvo al'ternativnoi diplomatii RF v 1990–2000-e gg. (na primere konfliktov v Nagornom Karabakhe, Abkhazii i Iuzhnoi Osetii) [The peacekeeping activity of the Russian Orthodox Church as a means of alternative diplomacy of the Russian Federation in the 1990s – 2000s. (using the example of the conflicts in Nagorno-Karabakh, Abkhazia and South Ossetia)] // Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v sovremennom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh [The role of international organizations in the modern world: proceedings of the International scientific and practical conference of young scientists]. Moscow: Marketing, 2019. P. 364–368. (In Russ.).

16. Chumachenko T. A. Moskovskaia patriarkhiia vo vneshnei politike sovetskogo pravitel'stva. Interesy tserkvi. Interesy vlasti. 1940-e – pervaiia polovina 1960-kh gg. [The Moscow Patriarchate in the foreign policy of the Soviet government. The interests of the church. Interests of the authorities. 1940s – the first half of the 1960s.] // Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskii i sovremennyi aspekty [Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects]: collection of articles. Vladivostok: DVFU, 2015. P. 209–222. (In Russ.).

17. Chumachenko T. A. Russkaia pravoslavnaia tserkov' v mezhdunarodnom dvizhenii storonnikov mira: interesy tserkvi i vlasti (1949–1953 gg.) [The Russian Orthodox Church in the international peace movement: The interests of the Church and the Government (1949–1953)] // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series 1: History. 2008. № 5 (106). P. 93–95. (In Russ.).

18. Shkuratova I. V. Sovetskoe gosudarstvo i vneshnepoliticheskaiia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi tserkvi: 1945–1961 gg. [The Soviet state and the foreign policy activities of the Russian Orthodox Church: 1945–1961]: PhD dissertation. Moscow, 2005. 188 p. (In Russ.).

19. Eyriyan V. A. Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii kak otrazhenie stalinskoi politiki v pervye poslevoennye gody [The Journal of the Moscow Patriarchate as a reflection of early postwar Stalinism] // Russia XXI. 2021. № 4. P. 108–127. (In Russ.).

20. Eyriyan V. A. «I delom pravdy budet mir, i plodom pravosudiia...»: RPTs v bor'be za mir na rubezhe 1940–1950-kh gg. [“And the work of righteousness shall be peace;

and the effect of of righteousness...”: ROC in the struggle for peace at the turn of the 1940s – 1950s] // *Russia XXI*. 2022. № 5. P. 60–79. (In Russ.).

21. Yakunin V. N. «Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii»: istoriia vrozhdeniia, stanovleniia i razvitiia [The Journal of the Moscow Patriarchate: A History of Rebirth, Formation and Development] // *Problemy regional’noi zhurnalistiki: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tol’iatti, 2–3 oktiabria 2002 g.)* [Problems of regional journalism: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tolyatti, October 2–3, 2002)]. Tolyatti: Tol’iattinskii gosudarstvennyi universitet, 2002. P. 37–44. (In Russ.).

In memoriam

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-157-202-204

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ РЯБОВ (1937–2025)

26 февраля 2025 года на 88-м году ушел из жизни выдающийся деятель отечественного образования, известный ученый, член-корреспондент Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, основатель, первый ректор и президент МГПУ, главный редактор журнала «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» Виктор Васильевич Рябов.

Коллектив Московского городского педагогического университета, редакционная коллегия журнала «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» приносит глубочайшие соболезнования родным и близким Виктора Васильевича, скорбит вместе с ними.

Виктор Васильевич Рябов родился 22 июля 1937 года в селе Усинское (Сызранский район Самарской области). Был третьим, младшим сыном в крестьянской семье. На всю жизнь он сохранил любовь и преданность своей малой родине — Самарской земле, Поволжью. Виктор Васильевич всегда уважительно и бережно относился к матери, хранил трепетные детские воспоминания о прощании с уходившим на фронт отцом, погибшим в 1942 году.

В 1956 году В. В. Рябов окончил школу и поступил на исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. После окончания вуза он занимался комсомольской работой в городе Куйбышеве (ныне Самара), обучался в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова, защитил диссертацию, занимался преподавательской и партийной работой.

В 1970-е годы Виктор Васильевич возглавлял Куйбышевский государственный педагогический институт, став одним из самых молодых ректоров вузов в СССР, был ректором Куйбышевского государственного университета. В начале 1980-х годов В. В. Рябов являлся одним из руководителей Куйбышевской области и занимал пост секретаря областного комитета КПСС.

Со второй половины восьмидесятых вся последующая жизнь и деятельность Виктора Васильевича была связана с Москвой. Он активно занимался руководящей работой в сфере науки и образования в общегосударственном масштабе: работал в Центральном комитете КПСС на должностях заместителя заведующего отделом науки и учебных заведений, заведующего гуманитарным отделом, был секретарем парткома аппарата ЦК КПСС, курировал деятельность ряда союзных министерств и государственных комитетов, Академии наук СССР и отраслевых академий.

В начале девяностых годов Виктор Васильевич преподавал в МГУ и РГГУ, работал в должности проректора Российской академии управления (позже преобразованной в РАГС, а затем в РАНХиГС), занимал пост начальника отдела научно-технической политики Министерства науки и технологий Российской Федерации. В. В. Рябов так вспоминал это время: «Работа была интересной, творческой и перспективной. Но мои интересы в прошлом и в научном, и в практическом плане были тесно связаны с высшей школой. Душа стремилась туда. И судьба меня не подвела, услышав, видимо, мой внутренний зов».

В начале 1995 года Виктор Васильевич принимает предложение мэра Москвы Ю. М. Лужкова и руководителя столичного образования Л. П. Кезиной стать ректором-организатором Московского городского педагогического университета. Ему довелось, как он сам отмечал, с нуля создавать вуз в Москве, причем впервые в практике отечественного образования педагогический вуз создавался именно как университет, а не как институт. С момента основания МГПУ он вел активную работу по многим направлениям развития столицы, взаимодействуя со всеми подразделениями правительства Москвы, Московской городской думой, предприятиями, организациями и городскими сообществами. С 2012 года Виктор Васильевич Рябов продолжал руководить работой университета в должности президента.

Виктор Васильевич Рябов был талантливым и мудрым руководителем, искренним и добрым человеком, верным гражданином своего Отечества, понимающим коллегой и любящим семьянином. В изданной в 2005 году мемуарной книге В. В. Рябов писал: «Мне трудно быть недовольным собой. В своей жизни посадил и вырастил сад, построил дом, воспитал дочь, любил и люблю женщин, имею друзей, достойную работу, прекрасную жену. Что еще надо? Надо написать книгу о себе и о жизни, поразмышлять о ее радостях и бренности, о неумолимости времени».

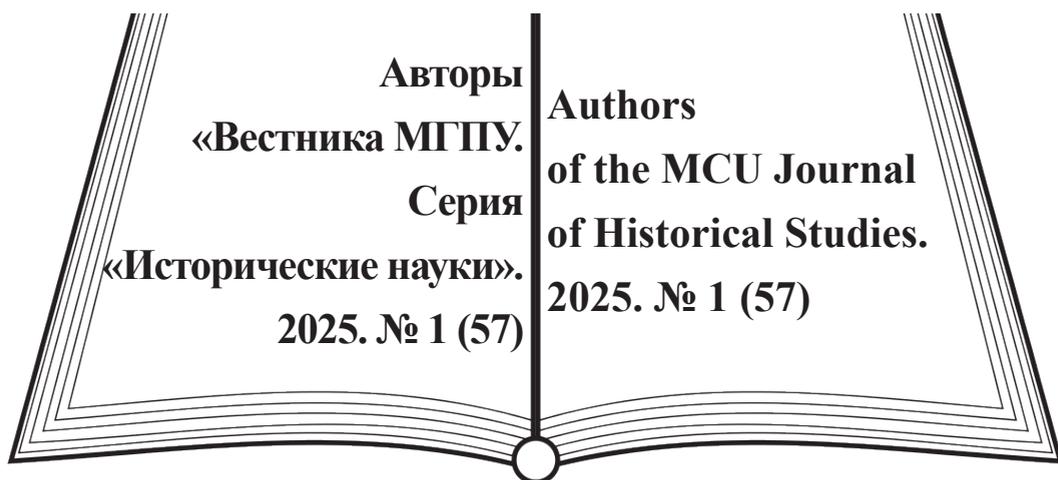
Виктор Васильевич внес значительный вклад в развитие теории отечественной истории и современного образования. Он автор ряда учебников и учебных пособий, более 270 научных трудов и разработок по проблемам

отечественной истории и политологии, вопросам образования и науки, психологии. На протяжении многих лет В. В. Рябов возглавлял общеуниверситетскую кафедру истории Института гуманитарных наук МГПУ, являлся главным редактором журнала «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»», председателем диссертационного совета по историческим наукам. Под его руководством было подготовлено 16 докторов и 50 кандидатов исторических наук.

Виктор Васильевич принимал непосредственное участие в разработке основополагающих документов по модернизации образования, в частности Федеральной программы развития образования, Концепции модернизации российского образования, федеральных государственных образовательных стандартов, городской программы развития образования «Столичное образование».

Плодотворная и разносторонняя деятельность В. В. Рябова была отмечена высокими государственными наградами: орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней. Он был почетным профессором многих российских и зарубежных вузов, дважды был удостоен премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Московский городской педагогический университет — любимое детище Виктора Васильевича Рябова — будет развиваться, руководствуясь благородными идеалами и принципами, заложенными Виктором Васильевичем Рябовым, храня благодарную память о нем.

Авторы
«Вестника МГПУ.
Серия
«Исторические науки».
2025. № 1 (57)

Authors
of the MCU Journal
of Historical Studies.
2025. № 1 (57)

Арцуева Анна Саидовна — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Artsueva Anna S. — Postgraduate Student at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: st099004@student.spbu.ru

Астахов Иван Эдуардович — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Astakhov Ivan E. — Postgraduate Student at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: iastakhov16@list.ru

Билеуш Ксения Константиновна — лаборант Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Bileush Kseniya K. — Laboratory Assistant at the Institute of History and Social Sciences of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: kсениya.yakusheva1983@yandex.ru

Боголюбов Егор Андреевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Bogoliubov Egor A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: bogolubovegor@mail.ru

Васильев Дмитрий Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета; ведущий научный сотрудник Российской академии предпринимательства, Москва, Россия.

Vasilyev Dmitry V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Moscow City University; Leading Researcher, Russian Academy of Entrepreneurship, Moscow, Russia.

E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Долгова Анжела Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Dolgova Anzhela V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: avdolgova@fa.ru

Ермаков Вадим Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия.

Ermakov Vadim A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia.

E-mail: fact-476@yandex.ru

Мох Елена Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории историко-обществоведческого и социокультурного образования Академии образования, Минск, Республика Беларусь.

Mokh Elena N. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Historical, Social and Sociocultural Education of the Academy of Education, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: eln.mokh@gmail.com

Петербургский Михаил Юрьевич — соискатель, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Ярославль, Россия.

Peterburgsky Mikhail Yu. — PhD Applicant, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

E-mail: mpeterburgsky@gmail.com

Пленкин Олег Игоревич — старший преподаватель кафедры дизайна, изобразительного искусства и реставрации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия.

Plenkin Oleg I. — Senior Lecturer, Department of Design, Fine Arts and Restoration, Vladimir State University, Vladimir, Russia.

E-mail: o.plenkin@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия.

Pochekaev Roman Yu. — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: rpochekaev@hse.ru

Тулянов Владислав Андреевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения, Москва, Россия.

Tulyanov Vladislav A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia of Federal State University of Education.

E-mail: v.tulyanov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2025, № 1 (57)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО В. В. Рябов

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музаилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 16.04.2025 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 13,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.